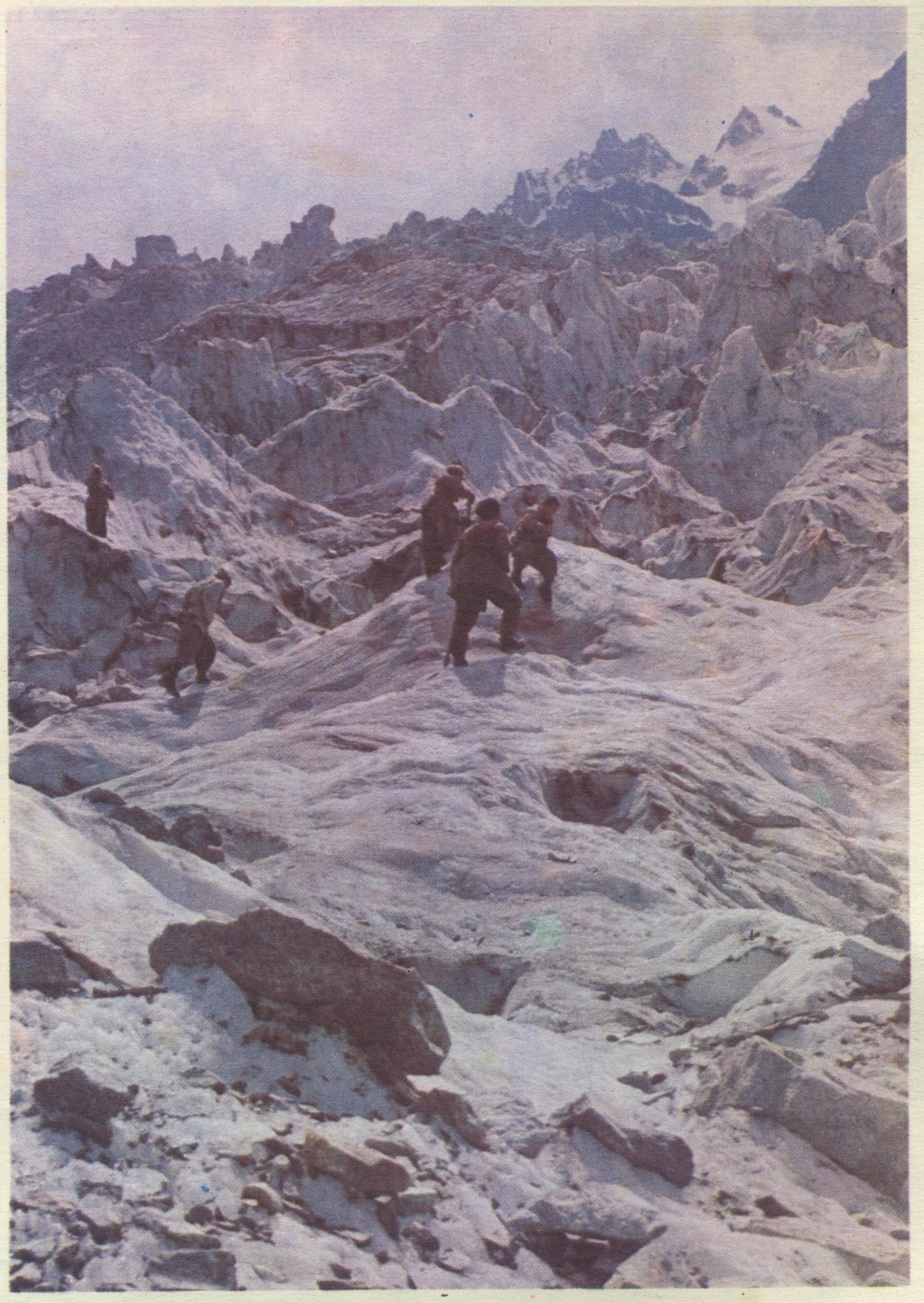
Костёр
12
ДЕКАБРЬ
1967

1968

1967

1968

— Поздравляем с Новым годом, дедушка



АЛЬПИНИСТЫ

Фото Э. Бекира

Костёр

12
ДЕКАБРЬ
1967

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Встреча с Венерой!
интервью, заметки **4**

В белую ночь у костра
повесть Ю. КОРИНЦА **5**

В Артеке
В. ГОЛЯВКИН, В. ТОРОПЫГИН **25**

Стихи
ЕВГ. ФЕЙЕРАБЕНДА **29**

Особое задание
глава из повести Б. РАЕВСКОГО, А. СОФЬИНА **30**

Клуб Жака Паганеля **35**

Стихи
ОЛЕГА ГРИГОРЬЕВА **39**

Гулливер в стране лилипутов
очерк ЛЬВА УСПЕНСКОГО **41**

Шкипер и черт, по прозвищу Старый Эрик
норвежская сказка **43**

В редакцию пришли путешественники
В. АРРО, В. ВОСКОБОЙНИКОВ **44**

Уголёк **47**

Как я заработал конфету
рассказ Ю. БРАУНА **49**

Друзья не уходят
очерк Е. ВЕЧТОМОВОЙ **50**

Что? Где? Когда? Почему? **53**

Подруга Райда
рассказ С. ТАДЭ **55**

Морская газета **58**

Воспоминания о спартакиаде
очерк Л. ВИНОГРАДОВА **60**

Уголок веселого архивариуса **63**

КАК ЕГО ЗОВУТ?

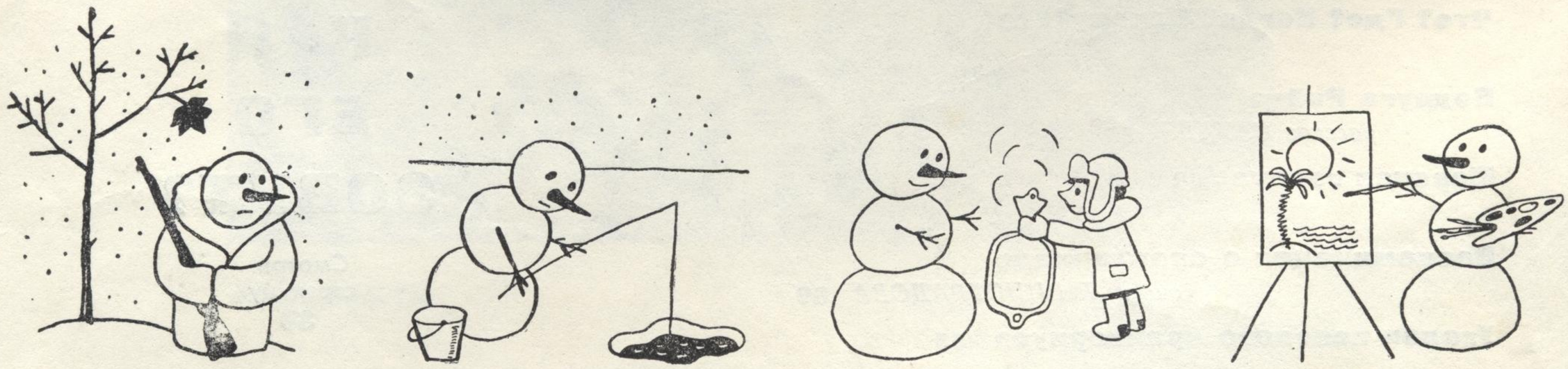
Смотри
страницу
38

С НОВЫМ ГОДОМ!

Вас поздравляют художники-юмористы.

ДЕДУШКА-ТРАМПЛИН

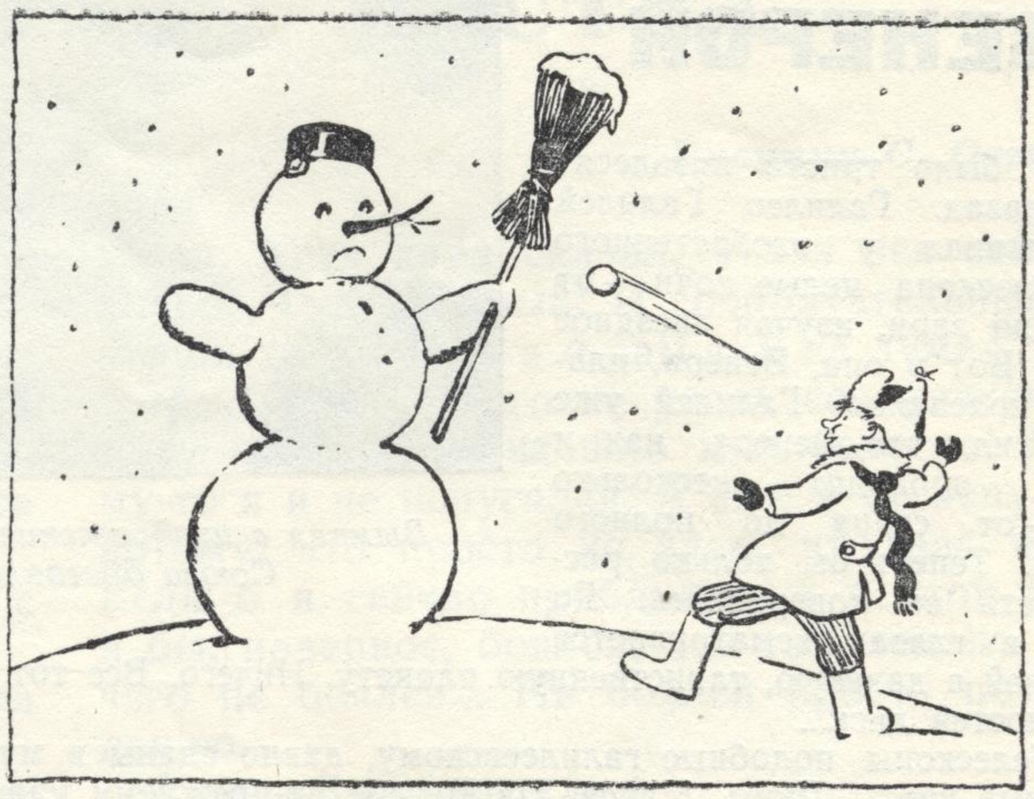
Рисунок В. Гальбы



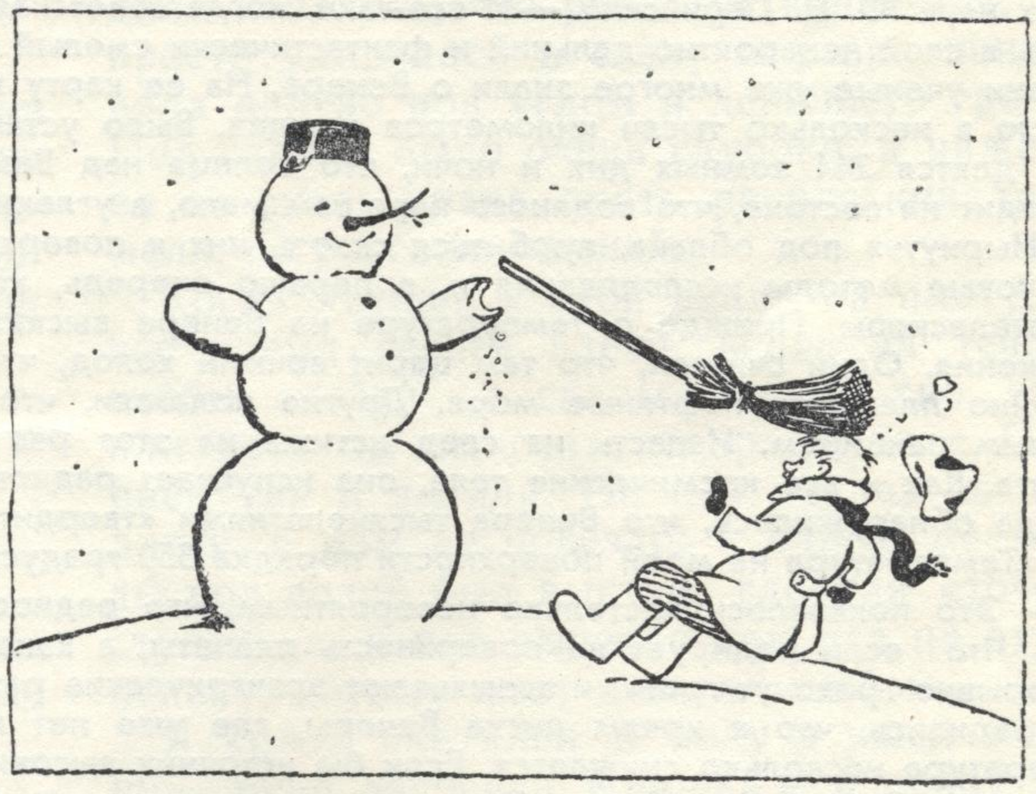
БЕЗ СЛОВ

МАМА-ЕЛКА

Рисунок
Н. Муратова



КАК АУКНЕТСЯ,

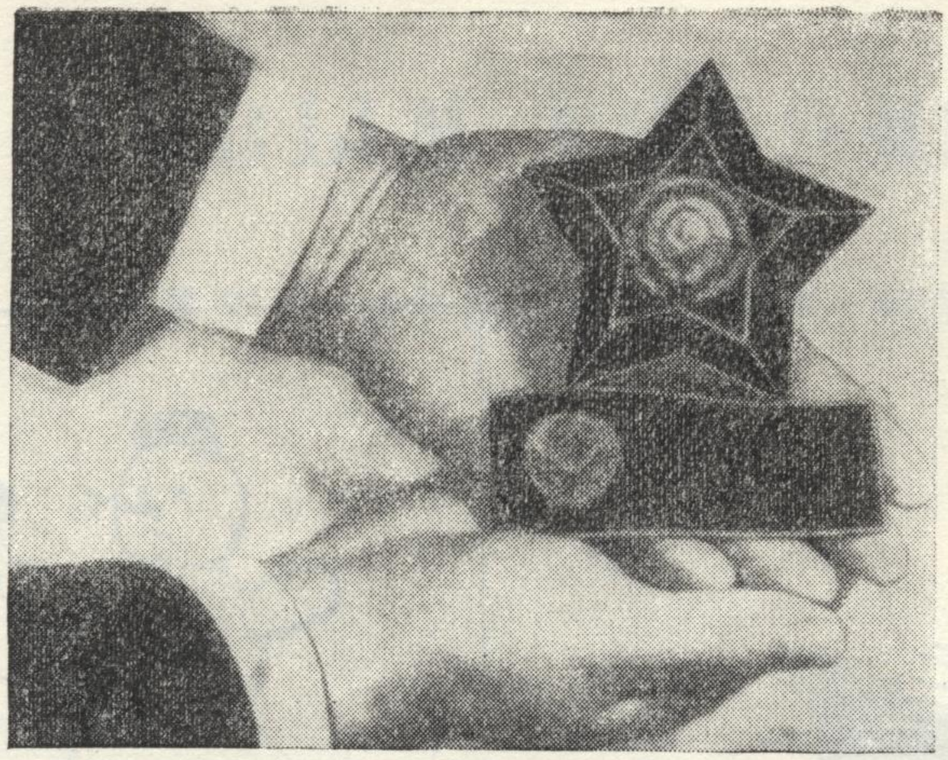


ТАК И ОТКЛИКНЕТСЯ

Рисунки Б. Семенова

Рисунки М. Беломлинского

ВСТРЕЧА С ВЕНЕРОЙ



Вымпел с изображением Герба Советского Союза доставлен на Венеру

Это было триста пятьдесят лет назад. Галилео Галилей просиживал у изобретенного им телескопа целые ночи — от зари до зари, изучая звездное небо. Вот и она, Венера, планета красавица. Галилей уже приметил, что Венера, как и Луна, проходит несколько фаз — от серпа до полного диска. Теперь бы только рассмотреть ее поверхность. До боли в глазах всматривается Галилей в далекую, таинственную планету. Ничего. Все тот же ровный, без всяких подробностей диск...

Телескопы, подобные галилеевскому, давно сданы в музей. Давно составлены подробные карты Луны, Марса. На Венере по-прежнему удается рассмотреть в лучшем случае только мутные образования, постоянно меняющие форму. Это не поверхность Венеры, а всего лишь атмосфера ее, открытая еще Ломоносовым.

— Атмосфера и прячет от нас настоящее лицо Венеры, — рассказывает заведующий отделом радиоастрономии Пулковской обсерватории, кандидат физико-математических наук Ю. Н. Парийский. — И все-таки, когда советская ракета «Венера-4» отправилась в свой невероятно дальний и фантастически смелый космический рейс, к этому времени ученые уже многое знали о Венере. На ее карту нанесены две горные цепи, длиною в несколько тысяч километров каждая. Было установлено, что венерианские сутки длятся 244 земных дня и ночи, что солнце над Венерой восходит на западе, а заходит на востоке, что водяного пара там мало, а углекислоты очень много.

«Нырнуть» под облака, пробиться сквозь них к поверхности Венеры помогли самые новые методы исследования и, в первую очередь, космические лаборатории и радиотелескопы Прежде о температуре на Венере высказывались различные предположения. Одни считали, что там царит вечный холод, что это мир без огня и там спокойно плещутся нефтяные моря. Другие полагали, что Венера скована мощным ледяным панцирем. Напасть на след истины на этот раз помогла сама загадочная планета. Как и все космические тела, она испускает радиоволны. Ученые уловили их, и тогда обнаружилось, что Венера тысячелетиями «твердит» нам, так сказать, по радио: «Температура на моей поверхности порядка 350 градусов выше нуля».

— Это показалось настолько невероятным, что радиосигналам сначала не поверили. Что, если радирует не поверхность планеты, а какой-то слой атмосферы, где непрерывно грохочут грозы и вспыхивают электрические разряды? Но еще в 1962 году мы убедились, что к краям диска Венеры, где уже нет ничего, кроме атмосферы, температура несколько снижается. Если бы источник высоких температур был в атмосфере, все было бы наоборот. Значит, сенсационную весть о пламенно-жаркой планете радиосигналы принесли нам прямо с ее поверхности.

— Впоследствии, когда американская ракета «Маринер-2» побывала в окрестностях Венеры, она сообщила о температуре поверхности планеты не больше того, что мы узнали, оставаясь на земле. Дело в том, что наш большой радиотелескоп не только самый крупный в мире по горизонтальным размерам, но и дает самое четкое изображение, почти такое же четкое, какое можно получить в космосе.

— Я не случайно сказал, что телескоп развеял лишь часть наших сомнений. Природа нередко обманывает самые умные приборы. Вспомните, как совсем недавно многие ученые доказывали, что Луна покрыта слоем космической пыли. Американский фантаст Артур Кларк даже написал роман о том, как луноход чуть не погиб, провалившись на дно пылевого моря. Но вот наша советская ракета села на Луну и тут же стало ясно: никаких пылевых морей там нет. Может, и Венера приготовила нам новые сюрпризы?

— Понятно, почему мы, ученые, с таким нетерпением ждали посадки «Венеры-4» на Венеру. Ракета должна была не только доставить совершенно новые данные, но и проверить, как строгий экзаменатор, наши гипотезы, предположения, исследования. И вот первые сообщения. Температура на поверхности — выше 280 градусов... Верно, наши измерения близки к этой цифре, расхождение по космическим масштабам незначительное. Давление — более 15 атмосфер, то есть в 15 раз выше, чем на Земле. И здесь ученые были близки к истине...

* * *

Станция «Венера-4» была запущена 12 июня 1967 года и успешно завершила программу 18 октября 1967 года.

За четыре с лишним месяца полета было проведено 114 сеансов радиосвязи со станцией.

* * *

Скорость, с которой спускаемый аппарат падал на поверхность Венеры, можно сравнить со скоростью падения тела на землю с высоты полуметра.

Весь спуск происходил на ночной стороне планеты.

* * *

Вход в атмосферу Венеры со второй космической скоростью и успешное торможение космического аппарата осуществлено в мировой технике впервые.

* * *

Приборы станции позволили получить впервые непосредственно замеренные данные о температуре, давлении и химическом составе атмосферы Венеры.

* * *

Предварительный анализ результатов измерений станции показал, что у Венеры практически нет магнитного поля.

В БЕЛУЮ НОЧЬ У КОСТРА

ПОВЕСТЬ

Юрий Коринец

Рисунки С. Острова

Река мелела, течение усиливалось, и плот бежал все быстрее навстречу кипящему порогу. Впереди было все бело от пены, из которой торчали каменные лбы — то тут, то там — по всей ширине реки и далеко вперед. Над камнями и над кипящей водой дымились облака брызг с разноцветными радугами.

Дядя и Порфирий стояли на веслах, а я с длинной вагой в руках посередине плота.

— Теперь гляди в оба! — глухо крикнул Порфирий. — Левей!

Его голос тонул в приближающемся реве...

Дядя и Порфирий несколько раз взмахнули веслами, а я оттолкнулся от дна — здесь было мелко — и плот пролетел слева от огромного камня, колыхнувшись на буруне.

— Правей! — крикнул Порфирий.

Опять несколько ударов веслами и толчки вагой — и мы пролетели мимо другого камня.

Вода захлестывала на плот, буруны обдавали нас ледяными брызгами, и рев стал оглушительным... Мы летели в кипящей белой воде, лавируя между камнями...

— Лево! — крикнул Порфирий.

Его почти не было слышно...

— Право!

Плот качался и подпрыгивал...

— Прямо-о-о!

Последние два камня, между которыми мы проскочили, резко тряхнули плот. Мы летели со страшной скоростью...

Ревущий порог остался позади.

— Теперь проскочить стенку — и порядок! — сказал Порфирий.

«Какую стенку?» — хотел я спросить, но было уже поздно: нас несло на отвесную каменную скалу...

— Миша, отойди на левый борт, — спокойно сказал Порфирий...

Я сделал шаг влево, раздался страшный треск, плот встал дыбом, и я очутился в воде...

. . . . . .

Это мы потом во всем разобрались, спустя минут десять, сидя на разбитом плоту на мели, а в тот момент я ничего сообразить не успел. Хотя дядя сказал, что я вел себя отлично! Что я смелый! И сообразительный! Но это он так думал, а я сам так не думал. Дело в том, что я ничего не успел сообразить, потому что все произошло молниеносно! Потому-то я и не испугался. А еще я не испугался потому, что просто не знал, что нас ждет... Если б я сейчас приближался к этой стене, я бы, наверное, боялся, а в тот момент я ничего не боялся... Не боялся просто по неведению.

А дело было вот как.

После порога речное русло сразу сильно пошло под уклон, упираясь в высокую каменную стену, поросшую на макушке лесом; издали казалось, что река тут кончается, а она просто ударялась в стену и резко поворачивала налево под углом в девяносто градусов! Под скалой было очень глубоко, а ниже, влево от скалы, река опять расплескивалась по мели, по россыпи камней.

Когда летишь к этой скале на плоту, надо все время грести влево, вслед за течением, чтобы отойти от скалы как можно дальше или хотя бы смягчить удар. Дядя с Порфирием так и делали. Но раз на раз не приходится, и нам не повезло: в одном месте скалы́ под водой был выступ, гладкая сточенная ступенька, и нас вынесло как раз на эту ступеньку, потому плот и встал дыбом...

Я сразу скатился в воду и ушел в глубину — меня засосала воронка — и сразу же за мной нырнул Порфирий и схватил меня в воде за волосы, и мы с ним вынырнули уже ниже скалы...

Вынырнув, мы увидели в стороне плот, со сбитыми подгребицами — они лежали на плоту, а он уходил вперед по течению. Посередине реки барахтался дядя. Увидев нас, он взмахнул рукой. И тут я еще увидел свой рюкзак, который плыл впереди меня, как огромный поплавок, и я испугался, что его унесет, и крикнул: «Рюкзак!» — и поплыл за ним, высоко выбрасывая над водой руки, а Порфирий крикнул: «Давай!» — потому что он уже не волновался, он знал, что впереди мель, и всех нас все равно вынесет на эту мель...

Окончание. См. «Костер» №№ 10—11, 1967 г.

Там-то мы все и пристали минут через десять: и разбитый плот, и дядя, и Порфирий, и я с рюкзаком. Остальные рюкзаки оказались на плоту — они не оторвались, а мой оторвался. Чанг уже бегал на мелком месте вокруг плота, веселый, как всегда после купания: он думал, что мы устроили это веселое купание ради забавы...

Отбуксировав разбитый плот к берегу, мы стали сушить вещи — все в рюкзаках было мокрое — а потом развели костер и стали отогреваться чаем. И, конечно, солнцем! Хорошо, что было жарко! А то я стал совершенно синим от холода.

А еще я нахлебался воды — не много, а все-таки нахлебался. А вода-то была ледяная!

На другой день мы добавили к плоту четыре бревна — по два с каждой стороны — и поставили новые подгребицы. И выточили новые весла — старые унесло.

Плот стал неуклюжим, но потащил нас хорошо.

Река впереди была чистой, и солнце сияло высоко в зените.

К левому берегу реки почти вплотную подходили сопки, поросшие лесом. А правый берег был пологим, и сквозь редкие деревья просвечивали нагромождения камней.

Дядя стоял в трусах, облокотясь на ручку весла, лопасть которого уходила за кормой в воду, как руль.

Дядя был похож на бронзовую статую с серебряной головой. Он вообще был смуглый, мой дядя, даже зимой, а сейчас он загорел еще больше. Я тоже загорел. И Порфирий загорел, хотя не так, как дядя. А Чанг не загорел ни капельки, ему шерсть мешала. Если бы он был голый, он, может, тоже загорел бы, а так он был просто черный и лохматый. Он сидел на носу, обнявшись с Порфирием. Вернее, это Порфирий его обнял. А Чанг приник к нему головой.

— Ну, как там Потапыч и Сайрио? — спросил я, когда отплыли от берега.

— Один раз поздно ночью они постучались в дом Шервашидзе, — сказал дядя. — Оба беглеца были измученными и голодными. Князь принял их с распростертыми объятиями. Некоторое время они отдыхали у князя в подвале. Князь устроил Потапычу свидание с родителями и сестренкой. Родители Потапыча очень постарели, зато сестра стала красавицей. Дома Потапычу показываться было нельзя: теперь он стал дезертиром с театра военных действий — это звучало не шуточно! Пока его еще не хватились — вернее, его хватились на фронте — но скоро розыск должен был прийти на Кавказ. Полицейская машина действовала бестолково и медленно. События между тем развивались молниеносно. На фронте царизм терпел одну неудачу за другой, а в тылу вспыхивали забастовки и бунты. Кавказ волновался давно, и к 1905 году он был уже весь охвачен восстанием. Рабочие и крестьяне отказывались подчиняться правительству, убивали особо свирепых чиновников и жандармов, устанавливали у себя народное самоуправление. Потапычу опять повезло!

— Почему опять повезло? — спросил я.

— Потому что он попал в самое пекло революционных событий! — весело воскликнул дядя. — Сразу по приезде на родину Потапыч вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию. Посоветовавшись с партийными товарищами, он решил ехать в город Кутаиси. Там образовалась чуть ли не республика! Власть на местах переходила в руки народных революционных комитетов. Рабочие дружины давали царским войскам и полиции целые сражения. Потапыч понял, что его место именно там. Князь Шервашидзе благословил своего крестника и достал ему «липу»...

— Какую «липу»? — удивился я. — Дерево?

— Сам ты дерево! — сказал дядя. — Держи-ка руль — правь на середину — а мы закурим...

Я встал у руля, а дядя присел рядом с Порфирием.

— «Липа» — это фальшивые документы, — продолжал дядя. — В них Потапыч значился под чужой фамилией. А партийная кличка его была...

— Потапыч? — сказал я.

— Конечно! Он ни за что не хотел менять свою кличку. Временно он просто жил под другим паспортом, а кличку оставил себе старую. Таким образом он стал профессиональным революционером. В Кутаиси Потапыч поехал вместе со своим новым другом Сайрио — это был стреляный воробей...

— В него стреляли? — спросил я.

— Во-первых, перестань перебивать, — сказал дядя. — Во-вторых, «стреляный воробей» значит «бывалый человек», а в-третьих, в Сайрио действительно стреляли, и не однажды, иначе не был бы он бывалым человеком! Ну, и замелькали события, как в синематографе!

— В каком синематографе?

— Когда ты перестанешь, наконец, перебивать! — крикнул дядя. — «Синематограф» — значит «кинематограф», но во французском произношении. Так говорили раньше! Смотри лучше вперед и слушай!

— События замелькали, как в кино! — продолжал дядя, помолчав. — По прибытии в Кутаиси Потапычу предложили выступить на митинге и рассказать народу о войне. Митинг должен был состояться в городском парке. Насколько мне помнится, происходило это в августе. Был конец дня, воскресенье. Погода отличная. Жара. В парке полно гуляющих. Сайрио и Потапыч прохаживались по аллеям, присматриваясь к публике. Люди были самые разные. И молоденькие франты под ручку с девушками. И солидные чиновники. И молодые

рабочие, пришедшие сюда неспроста. Грузины, абхазцы, русские. Потапыч сам был одет франтом: полосатые брюки, крахмальная манишка с галстуком бабочкой, кремовая жилетка, на голове черный котелок, из-под которого выбивалась буйная черная шевелюра, усики нафабрены, в руках тросточка. Так же оделся и Сайрио. Кое-где на перекрестках аллей маячили усатые жандармы, в толпе шныряли вездесущие шпики. Вдруг Потапыч и Сайрио увидели двух молодых грузин-рабочих, возившихся со скамейками. Они приставили две тяжелые скамейки друг к другу, а на них водрузили третью. Получилось нечто вроде трибуны. Вокруг было открытое место, усыпанное песком, куда сходилось несколько аллей — центр парка. Потапыч и Сайрио оказались возле трибуны вместе со своими новыми товарищами. Сразу собралась толпа. У многих горели в петлицах красные гвоздики. На импровизированную трибуну подсадили Потапыча. Потапыч стал рассказывать о бессмысленной бойне на востоке России. Он рассказал о бездарных генералах, о холоде и голоде на фронте, об окопах, заваленных трупами. Говорил он зажигательно. В толпе раздались крики: «Дезертир!» — «Молодец!» — «Ура!».

«Долой войну! Долой самодержавие!» — закончил свою речь Потапыч. Когда он кончил, на трибуну вскочил Сайрио и стал разбрасывать листовки. И тут над толпой взлетело красное знамя с портретом царя...

— Как с портретом царя? — не выдержал я.

— А так! — рассмеялся дядя. — На красном знамени был нарисован царь, но вниз головой!

— Здорово! — сказал я.

— «Николай Второй Романов — предводитель хулиганов!» — крикнул дядя. — И полиция не выдержала. Раздались свистки. Какой-то жандарм схватил Потапыча за руку. Сайрио выхватил из кармана револьвер и выстрелил в воздух. Толпа расступилась, Потапыч и Сайрио шмыгнули в гущу толпы, которая опять сомкнулась за ними. Началась свалка, во время которой революционеры бежали...

— А флаг? — спросил я.

— *Будет дождь, — сказал Порфирий.*

Я посмотрел в небо: я даже не заметил, как скрылось солнце. Над рекой, обгоняя нас, неслись лиловые тучи. Стало прохладно.

— Давайте оденемся, — сказал дядя. — Развязывай универмаги.

Я развязал рюкзаки, висевшие на подгребице, и мы быстро оделись.

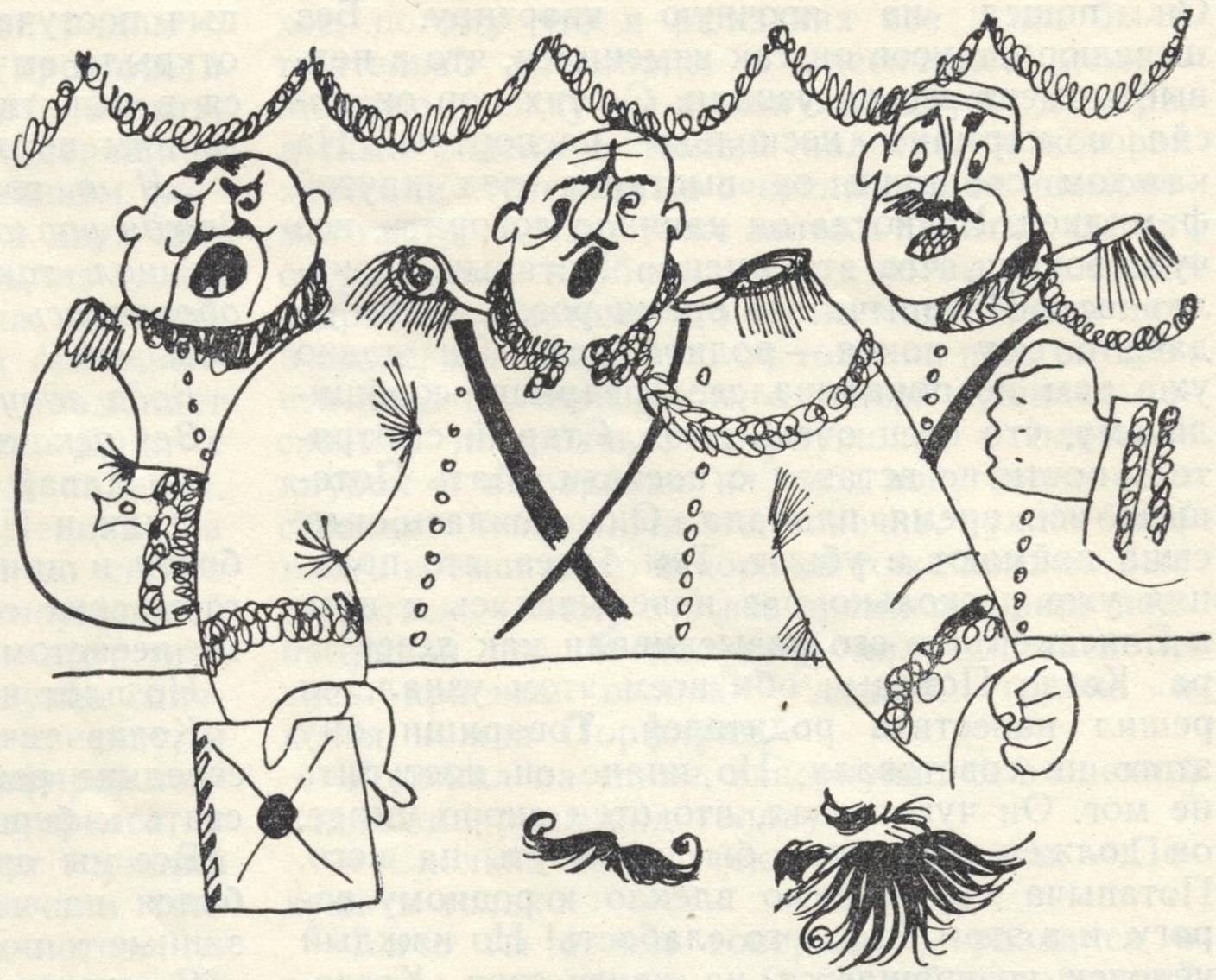
— Ну, а дальше? — сказал я.

— Дальше все пошло как по маслу! — сказал дядя. — Потапыча избрали членом губернского комитета партии. Работы было по горло. Надо было организовывать печатание прокламаций. Доставать оружие. Вооружать выборных дружинников. Помогать сельским общинам.

— Каким общинам? — спросил я.

Я стоял у кормового весла и смотрел на реку, которая стала темной и неуютной. И берега стали неуютными.

— Сельские общины организовывались в деревнях, — продолжал дядя. — Они осуществляли власть на местах. Руководили ими избранные крестьянами представители. Потапыч мотался по этим организациям день и ночь. Парень он был простой и не робкого десятка. И храбрый. И соображал хорошо. Единственно, чего ему не хватало — политической подготовки. Но Сайрио помогал ему, как мог: занимался с ним по вечерам. Так Потапыч сам учился на ходу и учил людей. Его уже хорошо знали в округе. И любили. Один раз на собрание крестьянской общины явился бедняк-абхазец, который плел корзины. У него была большая семья, он едва сводил концы с концами. Не хватало денег на покупку материалов для работы. К тому же он был слепой. Он просил ему помочь. Потапыч вот что придумал: послал делегацию членов общины со своей запиской к одному крупному торговцу с просьбой дать бедняку денег. Торговец сразу выдал крупную сумму. Ее хватило и на помощь беднякам, и на покупку оружия для народных охранников. Такие конфискации денег у богачей Потапыч провел в нескольких местах. Слава Потапыча росла. Да и полиция стала его разыскивать. Теперь он разъезжал в основном ночью. Жизнь такая ему нравилась чрезвычайно! Чувствовал он себя как рыба в воде. Тем более, что край бурлил вулканом. Везде происходили стычки между царскими войсками и народными дружинами. Революция брала верх. В такой обстановке поймать революционера не так-то просто. Один раз шпики все-таки пронюхали, где он ночует. Под предлогом, что с крыши стреляли, явочный дом окружила сотня солдат. Несколько часов они обстреливали трубы дома и кидали в сад гранаты. Когда они ворвались, там, конечно, никого не было — Потапыча вовремя предупредили, и он ночевал в другом месте. Подпольных явок у него хватало, да и разведка у него была поставлена на широкую ногу. Жандармам помогали одни шпики да предатели, а Потапычу — весь народ. Царские шпики совсем сбились с ног. Дело дошло до того, что один раз они науськали солдат на свадебную карету, утверждая, что невеста — это пе-



реодетый Потапыч, а жених — Сайрио. К счастью, это было не так! Над жандармами в городе стали смеяться даже мальчишки. Они кричали с заборов: «Вот Потапыч! В моем кармане!» — и убегали. Потапычу все труднее стало появляться в городе. Он решил сбрить свои черные кудри и усы. В какой-то деревушке он спросил парикмахера. Ему указали дом. Хозяин был типичным сельским парикмахером, поэтому стриг и брил прямо в саду на табуретке. И, как настоящий парикмахер, он любил поболтать. Брея голову Потапыча, он стал жаловаться на тяжелые времена. Все, мол, плохо. На базаре дороговизна. Сына забрали в армию. В Кутаиси и окрестностях власть захватили какие-то социалисты. На улицах стреляют. В город присланы войска. Все ищут какого-то злодея Потапыча. За его голову будто бы назначена награда — 1000 рублей золотом. Но никто не может его поймать! Не иначе, он связан с самим чертом! Потапыч слушал болтовню парикмахера и с грустью смотрел на свои кудрявые черные волосы, валявшиеся на земле... И вдруг его осенило. Он решил послать свои усы и кудри генералу, командовавшему карательными войсками! Как тебе это нравится? — спросил меня дядя.

— Гениально! — сказал я. — А как он их послал?

— Очень просто! — сказал дядя. — Он достал из кармана конверт, вложил туда свои волосы, запечатал, надписал адрес и вручил удивленному парикмахеру. «Вот, любезнейший, — сказал он ему. — Отправишь это по адресу и не забывай, что ты стриг самого Потапыча!» Парикмахер задрожал от страха, попятившись к дому. «Учти, — сказал ему Потапыч, — что за доставку этого письма ты отвечаешь мне головой!»

— А как генерал узнал, что это волосы Потапыча?

— К волосам была приложена записка: «Вот мои волосы и усы. Ищите меня самого. С приветом, Потапыч».

— Остроумно! — сказал я.

Порфирий в который раз тихо улыбнулся, нежно взглянув на дядю. Мне показалось, что Чанг тоже улыбнулся, потому что он посмотрел на меня, оскалив клыки. А может быть, он просто был недоволен погодой: поднялся ветер, и река покрылась свинцовой рябью. Чанг съежился от холода.

Дядя продолжал, не обращая внимания на ветер:

— Когда Потапыч вернулся в Кутаиси, он увидел на стенах домов такую листовку: «Разоблаченный предатель. В нашей губернии на собраниях выступает некто под кличкой «Потапыч». Это предатель и мерзавец, оплачиваемый жидами и японцами. Он предал свое Отечество! Разъезжая по нашей губернии, он призывает народ к бунту и сразу же исчезает, как только ему удается достичь успеха. Жители губернии! Вы обмануты! Вы проливаете невинную кровь, а Потапыч получает за это деньги! Слушайте все! За поимку предателя назначена награда — 2000 рублей золотом. Сообщайте все, что вы о нем знаете, полиции и войскам. Полицмейстер», — и подпись...

— А ты говорил — тысяча рублей! — сказал я.

— Цена за его голову все время росла! — сказал дядя.

— Дорогая же у него была голова! — сказал я.

— А знаешь, что было написано на полях листовки карандашом? — спросил дядя.

— Что?

— «Дураки! Все равно вам Потапыча не поймать»! — вот что там было написано! Теперь Потапычу надо было удвоить осторожность.

Он пошел на явочную квартиру. Без шевелюры и усов он так изменился, что в первый момент его не узнали. С этих пор он носил в кармане несколько паспортов. На каждом собрании он выступал под другой фамилией. Но когда он начинал говорить, все чувствовали, что это именно Потапыч. Популярность Потапыча все время росла. Одно не давало ему покоя — родной дом. Он давно уже там не показывался. Товарищи сообщили ему, что отец очень плох. Старый смотритель почти не вставал с постели. Мать Потапыча все время плакала. Она боялась, что сына поймают и убьют. Тем более, что полиция уже несколько раз наведывалась к ним, в Елисаветполе его разыскивали как дезертира. Когда Потапыч обо всем этом узнал, он решил навестить родителей. Товарищи ему этого не советовали. Но иначе он поступить не мог. Он чувствовал, что отец скоро умрет, он должен был хотя бы взглянуть на него. Потапыча неудержимо влекло к родному порогу, и в этом была его слабость! Но каждый человек возвращается на круги своя. Когда-нибудь ты это поймешь! — дядя на минуту замолчал и раскурил свою трубку. Ему мешал ветер, но он ее все-таки раскурил!

— Один раз, промозглой декабрьской ночью, — продолжал дядя, — Потапыч появился в родном городе. Знали об этом только двое — Шервашидзе и Сайрио. Сайрио сопровождал Потапыча, но на квартиру к нему не пошел: он остался у князя. В полночь Потапыч постучался в родное окошко. Сестренка открыла ему дверь. Он вошел в дом... кинулся в объятия матери... и в то же мгновение за ним ворвалась полиция...

...И в то же мгновение огромная капля дождя упала мне на нос! И вторая! И третья! Хлынул такой ливень, как будто в облаках оборвалась натянутая веревочка и опрокинулось небо!

Вода вдруг закипела.

Вся река закипела!

— Давай к берегу! — сказал Порфирий.

Дядя и Порфирий встали спиной к левому борту и принялись грести изо всех своих богатырских сил. Они хотели пристать к левому лесистому берегу.

Но плот несся вперед, подгоняемый ветром. Когда течение сильное и плот несется по середине реки, да еще ветер попутный, пристать к берегу не так-то просто.

Все мы сразу промокли насквозь. Чанг забился на носу под мешки с семгой, привязанные к подгребице.

Я схватил длинную вагу, лежавшую на плоту, и стал отпихиваться от проносившихся под водой камней.

Я тоже работал изо всех сил, так что мне сразу стало жарко, несмотря на дождь и ветер.

Мы мчались в сплошной воде, окружавшей нас со всех сторон.

Выл ветер, швыряя в лицо тяжелые струи дождя, и берегов почти не было видно...

КОСТЕР В ВОДЕ

К желанному левому берегу мы пристали только километра через три. Ливень лил, как на Венере, — это дядя сказал. Дело в том, что на планете Венера всегда такая погода. Так сказал дяде один знакомый астроном. На Венере нет ничего сухого. Там все всегда мокрое, даже камни: там все настолько мокрое, что камни пропитаны водой насквозь — как губки! Вот какая там погода! Астроном подглядел это в свой мощнейший телескоп — чуть-чуть подглядел, краем глаза — а потом досконально вычислил математически — всю картину во всех подробностях. И картина была в точности такой, как в тот вечер на реке Ниве. Теперь-то, в 1967 году, я знаю, что на Венере дело обстоит совсем не так, но тогда, тридцать лет назад, даже астрономы не знали этого. Мы промокли, посинели от холода и дрожали, как цуцики. Вы знаете, что значит дрожать, как цуцик? Это значит дрожать с головы до ног всеми внутренностями, так дрожать, что, если не сжимать челюсти, зубы выбивают дробь! А еще по телу проходят судороги, и тогда вы скрючиваетесь и делаете какие-то странные движения плечами и руками, как будто выполняете па негритянского танца. Дядя, конечно, так не дрожал, а Порфирий вообще не дрожал — а Чанг и я дрожали именно так!

Мы кое-как привязали плот к деревьям, росшим возле самой воды. И тут Порфирий сказал, что надо развести костер. Он сказал, что надо вскипятить чай, чтоб согреться, чтоб унялись судороги. Должен вам признаться, что я посмотрел на Порфирия как на сумасшедшего. «Может, он меня просто дразнит», — подумал я. Дядя же вовсе не удивился, он сказал: «Да, надо развести костер. Миша, достань-ка пилу и топоры». И я встал, и, все время дрожа и корчась от судорог, стал развязывать наши универмаги, то есть рюкзаки. Пальцы меня не слушались, они не разгибались, веревочные петли разбухли от воды, и я с трудом отвязал от дядиного рюкзака пилу и достал из него топоры. Потом

я опять сел под елью на корточки, рядом с Чангом, и мы с ним продолжали дрожать и корчиться, а ливень продолжал лить и лить, и ледяной ветер продолжал дуть со страшной силой, а дядя и Порфирий тем временем спилили высокую сухую ель, росшую в двух шагах от меня. Это была мертвая ель, из таких елей мы делали плот. Снаружи она, конечно, тоже была мокрой, а внутри была совершенно сухая, потому что дерево не промокает насквозь так быстро, как человек. Дядя с Порфирием быстро распилили ее на поленца, а потом раскололи несколько поленцев на щепки, а потом Порфирий достал из своего мешка какой-то трут — какой-то высушенный гриб, который растет на деревьях — этот трут был у него завернут в клеенку, и сухие спички у него тоже были завернуты в клеенку, и мы наклонились над землей, и Порфирий поджег свой трут, который сразу загорелся, и тогда Порфирий стал класть на этот горящий трут приготовленные щепочки, сначала тонкие, а потом все более толстые, а потом чурочки, и все это разгоралось все сильнее, и мы сгрудились над этим огоньком, согнувшись и не дыша, а огонек шипел и потрескивал. Тогда Порфирий положил в огонь целые большие расколотые поленья, и они тоже занялись, и кусочки трута Порфирий тоже все время подкладывал в огонь, и вот уже нельзя было нагибаться над огнем, потому что стало жарко, и мы встали, а в середине нашего маленького круга пылал огромный костер.

Это был костер в воде, вот какой это был костер! Вся земля была мокрая, и кусты, и деревья, и трава были мокрыми, и с неба лилась вода — а в середине бушевал огонь! Порфирий все подбрасывал и подбрасывал в огонь поленья, пламя поднялось выше человеческого роста, оно ревело, трещало и шипело, и от него шел пар, потому что лившаяся в костер вода превращалась в пар. И мы тоже превращались в пар — от нас шел пар! — и я подумал: не превратимся ли мы в пар окончательно, но мы в пар не превратились, просто на нас высыхала одежда, то с одной стороны, то с другой, а потом опять намокала, то с одной, то с другой стороны, и так мы все время вертелись, поворачиваясь к огню то спиной, то грудью, то боком, и дули из кружек горячий чай, который вскипел на этом костре молниеносно, и судороги мои постепенно улеглись, я уже не дрожал, я наслаждался теплом!

А потом мы поставили палатку. Мы, конечно, опять сразу промокли, пока ставили палатку, но все-таки нам было тепло, а когда мы палатку поставили, переоделись во все сухое, потому что в рюкзаках все вещи были тщательно упакованы в клеенчатые мешки. Мокрую одежду мы выкинули наружу до утра, а сами сидели в темной палатке, по которой хлестали пулеметные очереди дождя, швыряемого ветром. Чанг тоже залез в палатку, он лег, свернувшись клубком у нас в ногах, и все еще вздрагивал, потому что он не мог переодеться в сухое, как мы, и чаю он тоже не пил, он просто поел вяленой рыбы, а теперь сушился по-своему, по-собачьи, свернувшись в плотный клубок и выпаривая из себя воду своим собственным теплом. На это, конечно, нужно было много времени. Но вскоре он тоже должен был согреться — я ему это все время говорил, подбадривая его. В полутьме палатки засветились красные огоньки — дядина трубка и козья ножка Порфирия.

Я лежал на спине, завернувшись в одеяло, подложив руки под голову.

— Сколько воды утекло, — сказал я. — Подумать только!

— Это ты о чем говоришь? — раздался в темноте дядин голос. — О первой революции?

— Я говорю о воде! — сказал я. — Сколько сегодня утекло воды, всего за несколько часов!

— А-а, — сказал дядя.

— К всхожему солнцу погода будет, — просипел Порфирий.

— Откуда вы знаете? — спросил я.

— Да уж знаю, — ответил Порфирий. — Может, днем еще чуть побрызгает, а завтра вечером совсем тепло станет...

— Вот тогда опять позагораем! — сказал я. — На плоту.

Мы помолчали, прислушавшись к дождю: над землей стоял бесконечный звон, и шепот, и треск, и плеск — от миллиардов капель.

— В такой дождь хорошо рассказывать, — сказал я.

— И спать, — сказал дядя.

— Все-таки лучше рассказывать. Тем более, что ты опять прервал на самом интересном...

— Это ливень прервал, а не я, — сказал дядя. — Подвинься, я сяду...

«Ну, раз сядет, то и начнет!» — подумал я.

Я повернулся на правый бок и положил голову на согнутый локоть, приготовившись слушать.

— ...Тюрьма, в которую попал Потапыч, была небольшой. Это была уютненькая тюрьма на окраине Елисаветполя. Было в ней не так уж страшно — бывают тюрьмы пострашнее: каменные мешки! — но эта тюрьма произвела на юношу тяжелое впечатление именно потому, что это была его первая тюрьма.

Он сидел в пустой камере, кусая губы, и думал о матери, которую едва успел обнять, об отце, об оставшихся на свободе товарищах — да мало ли о чем! — все это были думы невеселые...

Дядя замолчал, раскуривая трубку, и я опять услышал голос дождя.

— Пока он сидел, его друзья не дремали. Надо было его срочно спасать, пока беднягу не перевели в тюрьму покрепче. Шервашидзе и Сайрио разработали план побега. План придумала сестра Потапыча, она несколько раз приносила ему в тюрьму передачу. Она все и придумала, а Сайрио с князем разработали подробности. Вокруг тюрьмы был пустырь, а неподалеку — маленькая рощица... Примечай, это тоже важно! — сказал дядя.

— Примечаю, — сказал я.

— Предварительно сестра обработала надзирателей. Во-первых, она вручила всем деньги, которые дал на это дело Шервашидзе. Тут нужно заметить, что тюремщики еще не знали, что ее брат и есть тот самый знаменитый революционер, которого ищут в Кутаиси и за голову которого назначена премия в 10 000 рублей...

— Ты же говорил 2000?

— Цена все время росла, черт возьми! И не прерывай, пожалуйста! — крикнул дядя. — Сестра сказала надзирателям, что к ним в гости приехал фронтовой товарищ ее брата, с которым он-де вместе был в японском плену. Она рассказала надзирателям целую сказку! Она сказала, что брат ее несчастный человек, что он вовсе ни в чем не виноват, что он бежал не с фронта, а из японского плена, и что когда он бежал из плена, то этот самый товарищ — она намекала на Сайрио — передал Потапычу какие-то поручения для своей семьи. А сейчас он сам приехал из плена и нигде свою семью разыскать не может. Потапыч — единственный человек, который может ему в этом деле помочь. Она попросила надзирателей разрешить двум несчастным друзьям свидание, дабы они могли потолковать с глазу на глаз. Все она пустила в ход: деньги князя, свою трогательную сказку, и улыбки, и, конечно, слезы. Надзиратели согласились. В назначенный день к вечеру сестра привела Сайрио на свидание к Потапычу. Сайрио оделся возможно жалостливее, в рваную старую солдатскую форму. Он произвел на надзирателей благоприятное впечатление бедного придурка. Надзиратель вывел Потапыча из камеры. Потапыч был обо всем предупрежден сестрой. Свидание происходило так: между арестованным и его гостями была железная решетка с дверцей, запертой на замок. Как только Потапыч подошел к решетке, Сайрио вскинул руки и заорал: «Дружище! Какая встреча! В тюрьме!» — и грохнулся наземь. Надзиратель решил, что парень потерял сознание, и хотел ему помочь — отпер дверцу и вышел. В ту же секунду Сайрио вскочил с пистолетом в руках, и у сестры в руках был пистолет, наведенный на надзирателя. Его тут же обезоружили и связали. Через несколько минут беглецы были в роще: там их ждали оседланные лошади и небольшой конный отряд молодых грузин. Они помчались как ветер — и сестра вместе с ними. Теперь она уже не могла возвращаться домой. Она вступила на путь своего брата...

— Стала революционеркой?

— Вот именно, — сказал дядя.

— Навсегда?

— Навсегда! — сказал дядя. — И с честью прошла этот путь!

Дядя замолчал, и опять заговорил дождь — о чем-то своем, неизменном — а дядя стал раскуривать трубку. Дядя всегда очень много курил. Почти никогда не выпускал он изо рта своей трубки. Он всегда дымил, как вулкан, внутри которого бушевало пламя.

— А куда они ускакали? — спросил я.

— В укромное местечко! — сказал дядя.

— Чтобы сидеть и не высовывать носа? — спросил я.

— Нос они все-таки высовывали, да еще как! — сказал дядя.

— Как?

— А так, что еще не раз оставляли жандармов с носом! — рассмеялся дядя. — Настоящий революционер не может не высовывать носа! Иначе он не революционер! Я, конечно, говорю о профессиональных революционерах. Именно таким был Потапыч...

— А куда они удрали?

— Сестру Потапыча князь отправил за границу, в Берлин. Там она изучала немецкий язык, училась, не оставляя революционной работы. В те годы за границей жило много русских революционеров. Все они бежали от царской охранки. Особенно в годы реакции...

— Какой реакции?

— После разгрома революции 1905 года почти все революционеры или сидели в тюрьмах и ссылке, или в глубоком подполье, или бежали за границу. В стране была задавлена всякая свобода: я уже не говорю о митингах и демонстрациях — даже говорить люди боялись, даже думать! Это и называется реакцией...

— И Потапыч бежал за границу?

— Потапыч пока еще нужен был здесь. Он

скрывался в родных местах — в крошечной лесной избушке на берегу реки. Он решил там некоторое время отсидеться. Товарищи приносили ему еду. От них он узнавал разные новости... Это были печальные новости! Почти все его друзья, один за другим, попали в лапы жандармов. Потапыч сам был готов ко всему... Но знаешь, кто однажды заглянул к нему на огонек?

— Кто? — спросил я.

— Угадай!

— Сайрио?

— Сайрио уже сидел в тюрьме, — сказал дядя. — Его схватили, когда он вернулся в Кутаиси.

— Шервашидзе? — спросил я, подумав.

— Думай! — сказал дядя.

Он лег, завернувшись в одеяло, рядом со мной. Порфирий давно уже спал. И Чанг спал. В стены палатки барабанил дождь, шумели деревья. «Кто же заглянул к нему на огонек?» — подумал я.

КТО ЗАГЛЯНУЛ НА ОГОНЕК

Утром, когда вскипел чай и мы сели на разостланной клеенке завтракать, дядя вдруг спросил:

— Ну, ты догадался, кто заглянул к Потапычу на огонек?

— Нет, — сказал я.

Я совсем забыл о Потапыче, пока спал, и о том, что кто-то должен постучать к нему в избушку. Поэтому я очень удивился дядиному вопросу.

— Нет, — повторил я. — Я совсем об этом забыл.

— Эх, ты, — улыбнулся дядя. — Ну, тогда ешь да слушай...

Дядя минуту помолчал, а потом, продолжая прихлебывать из кружки чай, начал так:

— Лесная избушка, в которой скрывался Потапыч, была выстроена охотниками. Дверь избушки открывалась прямо в лес, сеней не было, вся избушка состояла из одной только комнаты. В одном углу этой комнаты возле двери стояла плита с вмазанным в нее казаном, напротив двери было маленькое окошко, под ним грубо сколоченный стол, прибитый к стене, а вдоль другой стены тянулись широкие низкие нары, занимавшие две трети помещения. Потапыч отсиживался тут уже три недели. Днем он ходил на охоту, а ночью при свете свечи писал товарищам письма и читал. Здесь он впервые прочел книгу Ленина «Что делать?» и «Капитал» Маркса. Заниматься ему никто не мешал. Он спокойно читал, думал и ждал от друзей сигнала, когда можно будет высунуть нос...

Один раз, поздно ночью, он сидел за столом и ужинал. Табуреткой ему служил сосновый чурбан. Тихо потрескивала сальная свечка, отражаясь в черном окне. Вдруг Потапыч услышал за стеной подозрительный шорох. Он прислушался: кто-то шарил по двери, пытаясь ее открыть. Потом раздались легкие шаги. Потапыч потушил свечу, достал из кармана наган и стал ждать, что будет дальше. Кто-то

стоял снаружи у окна, переминаясь с ноги на ногу, и тяжело дышал. Все это было странно! Друзья, навещавшие Потапыча, никогда себя так не вели! Ночь была безлунной, и за окном ничего нельзя было разобрать. Когда глаза Потапыча привыкли к темноте, он различил только смутную колеблющуюся тень. Сидя на полу на корточках, Потапыч взял тень на мушку и громко спросил: «Кто там?» В ответ раздался оглушительный рев... Потапыч вскочил, распахнул дверь и крикнул громко — на весь лес: «Гамарджоба!» — по-грузински это значит «здравствуй!»...

— И кого, ты думаешь, он сжимал в своих объятиях через секунду? — хитро спросил дядя.

Я молчал, переводя глаза с дяди на Порфирия, который опять загадочно улыбнулся. Я молчал, потому что боялся попасть впросак, хотя кое о чем догадывался.

— Он обнимал медведя! — расхохотался дядя.

— Потапыча Большого? — крикнул я.

— Вот именно! — сказал дядя.

— Я так и знал, — сказал я. — И долго они пробыли вместе?

— Совсем недолго, — сказал дядя. — Несколько дней они отдыхали вдвоем, вспоминая свое детство...

— Как «вспоминая»? Они разговаривали?

— Немножко. Но в основном молчали — хорошие друзья понимают друг друга без слов, а тем более молочные братья! Просто они ходили на охоту или гуляли днем по окрестностям, где им знаком был каждый пенек. Вечерами они сидели в избушке у огня. Потапыч Маленький даже забросил все свои занятия... Я говорю «Потапыч Маленький», потому что он и взрослый остался невысоким, хотя был очень сильным и ловким...

— Как ты?

— Примерно такой, — сказал дядя.

— А медведь стал здоровым?

— О! — улыбнулся дядя. — Потапыч Большой еле пролазил в дверь избушки! Хотя спали они вместе на нарах и им было тепло. Но блаженствовали они недолго. Через несколько дней за Потапычем Маленьким пришли товарищи, и братья расстались... расстались уже навсегда!

— А куда поехал Потапыч Маленький?

— В Кутаиси...

— Продолжать революцию?

— Я же говорил тебе, что революция пошла на убыль. Наступила реакция. Это был январь 1906 года. На Кавказе, как и по всей России, свирепствовали каратели. Они потопили революцию в крови... Но борьба продолжалась, и кое-что Потапыч еще успел сделать! Перед тем как попасть в ссылку...

Дядя замолчал, наливая себе чай. Мы с Порфирием уже наелись и просто сидели, слушая дядю. Чанг тоже наелся и дремал, свернувшись клубком.

— А что он успел сделать? — спросил я.

— Слушай! — сказал дядя. — Товарищи строго-настрого запретили Потапычу показываться одному в городе. Его повсюду разыскивали. Вся Кутаисская губерния была объявлена на военном положении и наводнена войсками. Потапыч поселился на окраине города. И вот как-то днем, когда он был один дома, Потапыч не выдержал — он решил сыграть смелую шутку... Не сопровождаемый никем из друзей, он направился прямо в центр города. Он спокойно и медленно шел по улицам с видом фланирующего бездельника. Некоторые прохожие останавливались, вытаращив на него глаза: они знали Потапыча по митингам, на которых он выступал. Они не верили своим глазам — действительно ли это он, или его призрак, или просто человек, похожий на него! А Потапыч пошел прямо в полицейское управление. Там в это время было много служащих. Потапыч вошел и весело сказал: «Добрый день! Все ли в порядке?» Ну и зрелище было, скажу я тебе! — воскликнул дядя. — Чиновники до того растерялись, что не могли двинуться с места! Они стояли, разинув рты. Тогда Потапыч повторил еще громче: «Все ли у вас в порядке?» — «Да, — ответил один из полицейских. — Все в порядке!» — «Прекрасно!» — громко сказал Потапыч и вышел на улицу. Все так же медленно направился он в персидскую кофейню, расположенную неподалеку. Там он сказал персу: «Дай-ка мне, друг, чашечку кофе! Да поторапливайся, а не то мой кофе достанется жандармам!» Перса прошиб холодный пот, но кофе он молниеносно подал. Потапыч сидел на ящике, прихлебывая кофе...

— Почему на ящике? — спросил я.

— Потому что это была бедная кофейня, как почти все кофейни в то время на Кавказе: подавали там кофе на ящике и сидели тоже на ящике. Зато кофе был отличным! Но дело в том, что в этот момент в кофейню ворвались... Кто бы ты думал?

— Жандармы? — спросил я взволнованно.

— Как бы не так! — рассмеялся дядя. — В кофейню ворвались товарищи Потапыча и чуть не избили его за такое самоуправство! На улице ждала пролетка, и они немедленно укатили.

— Здорово! — сказал я. — А жандармы?

— А жандармы прибежали в кофейню через тридцать минут и арестовали несчастного перса.

— А Потапыч?

— А Потапыч был уже в полной безопасности...

— А что он там делал?

— Кое-что, — сказал дядя. — *Этвас!*

— А что... — начал было я.

— Ладно, не «акай», — сказал дядя. — Пора нам отправляться в путь.

— Да дядя же! — упорствовал я. — Скажи еще хоть два слова...

— Ну, так и быть! — улыбнулся дядя. — Еще два слова — и в путь...

Дядя раскурил трубку.

— Потапыч наладил работу подпольной типографии и успел отпечатать несколько листовок, — продолжал дядя. — И тут-то его схватили: уже крепко! Дело в том, что в типографию пролез провокатор. Проще говоря — шпион под маской революционера. Он выдал всех с потрохами! Типография была разгромлена, Потапыч попал в тюрьму, а оттуда — в ссылку...

— Куда в ссылку?

— В Онегу! — сказал дядя.

ПОЭТ СРЕДИ НАС

И опять мы блаженствовали на плоту. Небо очистилось, высоко над нами засверкало солнце, сопровождая нас к морю, залитые светом берега бежали назад — темные застывшие ели, и трепещущие березы, и кудрявые сосны, и камни между ними — вдоль самой воды сверкала ярко-зеленая трава и голубели густые заросли бледных незабудок.

Река тоже была голубой, она уже посветлела, очистилась и весело несла нас вперед.

Наши универмаги и мешки с семгой, тщательно упакованные, висели на подгребицах. А мы опять были в трусах. Я лежал на плоту, рядом с Чангом. Порфирий и дядя стояли у подгребиц на веслах.

— Тучки ненастные
Мимо промчались,
Со-о-лнышко сно-о-ва
Над нами взошло-о! — пел дядя.

Он пел, взмахивая левой рукой с зажатой в ней трубкой.

Правая рука дяди лежала на весле.

— Поёшь, как Шаляпин, — сказал я, щурясь на солнце. Я впитывал всеми клеточками солнечное тепло. Я так соскучился по солнцу!

Дядя все еще тянул последнюю ноту, подняв вверх дымящуюся трубку — «о-о-о!» — у дяди был глубокий бас! И слух у него был отличный: абсолютный слух, как говорят музыканты. Пел дядя прекрасно!

— Это ария Грязнова из «Царской невесты», — сказал дядя. — Хорошая ария...

— И очень к месту, — сказал я.

— Не хочешь ли ты постоять у весла?

— Я хочу загорать, — сказал я. — Я все никак не могу согреться после крушения. И после того проклятого ливня. Я промок насквозь.

— Это называется — промок до нитки.

— Как и ты?! — воскликнул я.

— Так точно! — сказал дядя, попыхивая трубкой.

— Ты был там вместе с ним? — спросил я.

— Конечно!

— И вы его тоже видели? — обратился я к Порфирию.

— А как же дак! — улыбнулся Порфирий. — Конешно видал!

— Как-то у вас все интересно! — сказал я. — Все вы друг друга видели и все вы друг друга знаете!

— Что делать! — сказал дядя. — Стечение обстоятельств!

— Я глубже промок — до самого желудка! — сказал я.

— Глубже, чем до нитки, промокнуть нельзя! — сказал дядя.

— Почему? — воскликнул я. — Я промок до желудка! Я нахлебался ледяной воды, когда было крушение, а потом еще дождь пошел, я и не просыхал. «До нитки» — значит, одежда промокла, а сам ты сухой... А я промок до желудка!

— Это твой вариант объяснения, — сказал дядя. — А вот мой вариант. Дело в том, что в каждом человеке есть ниточка, очень важная!

— Где — в человеке? — спросил я.

— В глубине, — сказал дядя. — Она всегда натянута, как струна на скрипке. Бывают, конечно, люди вообще без струны, но это пустые люди. Когда струна натянута и звенит — человек в форме. А если она промокнет, раскиснет, — она уже не звенит, и человек тогда тоже киснет. И все у него валится из рук...

— Я помню, когда я пил после крушения чай, у меня кружка валилась из рук...

— Вот в том-то и дело! — улыбнулся дядя.

— А как это понимать — со струной, — спросил я, — в прямом смысле или в переносном?

— И в прямом, и в переносном! — сказал дядя.

Я задумался. Ветерок щекотал мне кожу, касаясь ее невидимыми прохладными пальцами, а когда он отлетал, солнце начинало меня прожаривать. Горячие лучи проникали в меня все глубже — до самой моей главной ниточки. Я чувствовал, как ниточка все натягивается и натягивается — вот-вот зазвенит! Между бревнами подо мной чмокала вода, оттуда тянуло прохладой, запахом

мокрого дерева, плот чуть-чуть покачивало, как колыбель, и это было приятно.

— Все это похоже на притчу, — сказал я полусонно.

Дядя промолчал.

И вдруг меня осенило! Меня озарила гениальная мысль! То ли струна во мне зазвенела, то ли просто нашло вдохновение — я даже присел на плоту:

— А что сказал по этому поводу «один человек»? — звонко спросил я, хитро глядя на дядю. — Не написал ли этот «один человек», твой древний поэт, стихи по поводу этой ниточки? А?

— Циник ты! — растерянно сказал дядя.

Я видел, что дядя смущен. Значит, я не ошибся!

— Это ты писал все стихи! — сказал я, пружинисто вскочив на ноги и протянув вперед правую руку с повернутой вверх ладонью и указующими на дядю перстами. — Ну? Ты? Отвечай!

Я стоял в позе Пилата с картины художника Ге «Что есть истина?». Это я потом понял, что я стоял в этой позе, а сейчас я просто стоял, возбужденный до крайности.

Я видел, как покраснел дядя.

— Ты писал! Ты писал! Ты писал! — кричал я, подпрыгивая на бревнах. — И «Стихи о Поражении», и «Сороконожку»! Все ты! Глядите — поэт нашелся! Порфирий, у нас поэт нашелся!

— Ну, что же! — ответил Порфирий. — Раз может дак! Раз у него талант! Я вот не могу.

* * *

Плот все бежал и бежал, река хлюпала под бревнами и ревела возле камней, которые мы обходили, солнце опускалось все ниже и ниже, а мы всё катились и катились к морю.

Дело близилось к ночи, и мы оделись, потому что стало прохладно.

— Ты бы лег да вздремнул, — сказал дядя. — Я постелю тебе палатку.

— Не спится, — сказал я. — Разные мысли лезут в голову...

— О чем? — спросил дядя.

— Да самые разные! О том, что мы скоро уедем. И о Потапыче. Рассказал бы чего-нибудь. Какую-нибудь новеллу.

— У меня тоже чемоданное настроение, — сказал дядя. — А когда у меня чемоданное настроение, я не могу сосредоточиться.

— Может, вы расскажете, — обратился я к Порфирию. — Вы же видели Потапыча в Онеге? Он у вас жил?

— У нас жил, — просипел Порфирий.

— Вот и расскажите!

— Куда уж мне рассказывать после Ивановича! После Ивановича лучше помалкивать!

— Ну, не говори, — улыбнулся дядя. — Ты прекрасно рассказываешь. Как ты нам рассказал о Михайле! Правда, Миша?

— Правда, — сказал я.

— О своем дак рассказываю, — отозвался Порфирий. — Каждый о своем умеет рассказывать...

— А куда он дальше делся — Потапыч? — спросил я.

— Бежал за границу, — сказал дядя.

— К сестре?

— К сестре.

— И что он там делал?

— Учился, — сказал дядя. — И работал с немецкими товарищами. С немецкими коммунистами. А в 1914 году началась мировая война, и Потапыч стал гражданским военнопленным.

— Как — гражданским военнопленным?

— Он учился в Берлинском университете, — сказал дядя. — Будучи русским подданным. Когда началась война, всех штатских русских объявили гражданскими военнопленными. Они не имели права никуда выезжать без ведома немецких властей и должны были каждую неделю отмечаться в полиции... Потапыча там встречали словами «руссишес швайн»: «А! Руссишес швайн! Гутен таг!»

— Это значит «русская свинья»?

— Совершенно верно!

— А почему они так говорили?

— А потому, что это были такие же сволочи, как и наши русские жандармы!

— И долго так продолжалось?

— До семнадцатого года: в семнадцатом году наконец победила Октябрьская революция! И Потапыч вернулся домой, в Россию. Но это уже была другая Россия — Советская. И повесть это уже другая. Когда-нибудь я тебе все расскажу!..

— У него еще много было приключений?

— Хватало! — сказал дядя.

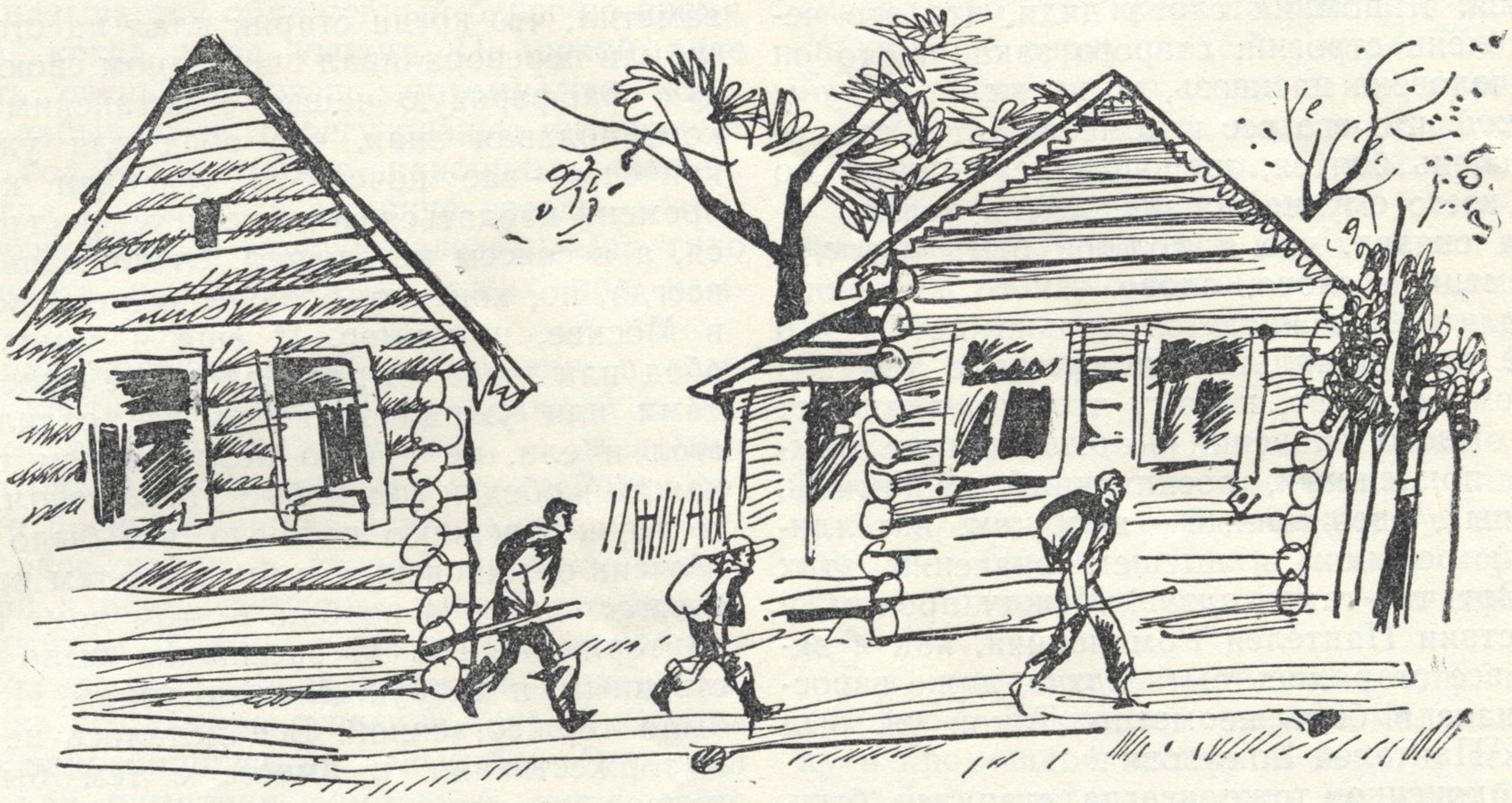
Он достал свою трубку, набил ее табаком и раскурил.

— Знаешь, что запомнилось Потапычу на всю жизнь, когда он приехал в Петроград семнадцатого года? Его первое впечатление?

— Что? — спросил я.

— Белый снег и красные флаги! Горы белого снега, который никто не убирал! И красные флаги! Повсюду! Это было тогда удивительно!

— Ты видел у меня синие тетрадки? — спросил он, помолчав.



— Которые лежат у тебя в шкафу, перевязанные бечевкой?

— Когда мы вернемся, я тебе их дам почитать. Это мои дневники. Там ты прочтешь обо всем!

— О Потапыче?

— И о Потапыче, и о Порфирии, и обо мне! Обо всем нашем тесном мире.

Дядя опять замолчал, попыхивая трубкой и глядя вперед.

* * *

...В Кандалакшу мы пришли ночью. Поселок раскинулся на правом берегу реки, уходя вдаль, к станции, деревянными домиками, бараками, тротуарами и мостовыми — все было деревянное! Только на горке белела каменная церковь. Все вокруг еще спало, только на станции, за домами сонно посапывали и посвистывали паровозы да орало радио.

Левый берег был пустой, там стояло всего несколько изб, за ними горбатились серые холмы. Впереди сверкал залив, и над ним поднималось красное солнце.

Мы пристали к левому берегу, потому что изба Порфирия стояла на отшибе, как сказали бы в Москве — в Заречье, невдалеке от устья, на морском берегу.

Мы нагрузились и пошли за Порфирием. Сначала мы шли просто по берегу, а потом вдруг начался дощатый тротуар безо всякой мостовой — с одной его стороны был просто берег, полого спускавшийся к реке, а с другой стороны вплотную к тротуару стояло несколько изб. Избы стояли удивительно высокие, сложенные из огромных бревен, посиневших от времени, они молча пропускали нас мимо, пока мы шли по гулкому деревянному тротуару в самый конец, где стояла изба Порфирия, блестя глазами на море. Тут тротуар сразу обрывался.

Мы поднялись на чисто вымытое крыльцо, и Порфирий открыл низенькую косую дверь.

— Сейчас поднимемся в нашу комнату, — прошептал дядя. — Иди на цыпочках и не шуми...

— А кто здесь еще живет? — прошептал я, подымаясь за дядей.

— Отец Порфирия, его жена и сын. Завтра я тебя познакомлю.

Наверху опять был коридор, длинный и темный, объятый запахами рыбы и сена. «Тут можно и заблудиться», — подумал я. Дом был, как дворец. Порфирий опять открыл какую-то дверь, и мы очутились в крошечной комнате, залитой нежным утренним светом. В глубине было маленькое окошко и стол, накрытый клеенкой, а слева вдоль стены возвышался высокий, почти до потолка, белоснежный марлевый полог над железной кроватью.

— Ну, спокойной ночи! — сказал Порфирий. — Когда разбудить дак?

— Сами встанем. Спокойной ночи! — сказал дядя.

МЕНЯ ЗОВЕТ ПАНТЕЛЕЙ РОМАНОВИЧ!

Отцу Порфирия я старался на глаза не попадаться. Я помнил слова дяди, что это человек очень строгий, старого закала, что он видит человека насквозь, до нитки, *до струны душевной,* что его все в доме любят и вместе с тем очень боятся, трепещут перед ним, что лучше всего ему не попадаться на глаза.

Дядя сказал, что я должен быть *артиг* — это немецкое слово, слово узкого значения, потому что оно касается только детей, это детское прилагательное, и вместе с тем это очень емкое слово, потому что оно включает в себя много значений — *артиг* значит вежливый, прилежный, воспитанный, скромный, спокойный, сдержанный — в общем, интеллигентный ребенок в высшем значении этих слов! Вот что такое *артиг*! Между прочим, в присутствии Пантелея Романовича, как я заметил, все старались быть *артиг*, даже взрослые, иначе и быть не могло. Такой уж был человек Пантелей Романович!

И я, конечно, тоже всегда старался быть *артиг.*

Пантелей Романович всегда присутствовал в доме, даже когда его рядом не было. Все в доме делалось по заведенному им порядку. Порядок этот был заведен много лет тому назад, еще когда меня не было на свете, даже дяди не было на свете, многих людей еще не было на свете, нескольких даже поколений, и вас, мой дорогой читатель, тоже не было на свете — вот как давно был заведен порядок в доме Пантелея Романовича Ветошина!

Когда бы я ни вставал, пока мы там жили, Пантелей Романович всегда уж был на ногах и что-то делал в своей комнате. Меня очень интересовало, что он там в своей комнате делает, но узнать это было невозможно!

Видел я Пантелея Романовича лишь изредка, да и то когда бывал в доме, а я редко бывал в доме, я все играл с Митей, сыном Порфирия, на берегу залива, возле соляной пристани, где выгружали соль из барж и где на берегу стояли старые разбитые рыбацкие карбаса.

К завтраку отец Порфирия никогда не выходил: мы всегда сами завтракали — Порфирий с женой и Митей, и я с дядей, и Чанг — Пантелей Романович выходил только к обеду или к ужину. Зато обед и ужин никогда без него не начинался и не кончался. Все садились, когда он садился, а когда он вставал из-за стола — все сразу вставали. Если ты вдруг чего-либо не доел, ты все равно должен был встать, потому что «выть» кончалась — «выть» по-поморски еда, прием пищи. Но я заметил, что когда старик клал на стол ложку или переворачивал вверх дном свою огромную фарфоровую чашку с китайским рисунком, подавая знак, что обед или ужин закончены — все почему-то успевали к этому времени наедаться, и даже я успевал наедаться, а я совсем не спешил, ел нормально, как всегда, но, конечно, больше, нежели всегда — в Москве, например. И еще я заметил, что обед или ужин бывали здесь не просто обедами или ужинами, когда все садились за стол и ели, не просто поглощением пищи — каждый обед и ужин был *торжеством.* Ничего торжественного не было, все было просто и очень обыкновенно, и вместе с тем все было *торжественно.* И вообще в этом доме все было торжественно. И засыпание было торжественным, и пробуждение по утрам. И работа была торжественной. Все делалось не спеша и торжественно, и вместе с тем быстро и ладно, без лишней суеты.

У нас дома, в Москве, тоже бывали торжественные обеды и ужины, и даже очень торжественные! — но они бывали по праздникам или по особым случаям, а ежедневные обеды и ужины вовсе не были торжественными, а такими, что я их иногда даже не замечал. Иногда я обедал с мамой, иногда с папой, иногда с дядей, а иногда вместе со всеми, а иногда один, но я обедал и забывал, что обедал! Думал вдруг, что не обедал, а оказывается — обедал! Или наоборот: думал, что обедал, а на самом деле — не обедал! Вот как бывало у нас в Москве!

А здесь так не бывало, здесь нельзя было забыть ни обед, ни ужин, потому что все всегда ели вместе, редко когда кого не было, и то по уважительным причинам, и стул отсутствующего всегда стоял на месте, и прибор стоял на месте, а присутствующие ели молча, только после ужина иногда за чаем разговаривали или в какой-нибудь праздник — но тогда уж разговаривали далеко за полночь, до утра даже, до следующего полудня, и громко пели песни, как у нас в Москве не поют, и солнце все время светило в окна, светило сутки напролет, то в одно окно, то в другое, со всех сторон заглядывая в дом, потому что в комнате было шесть окон, по два окна с трех сторон, и все эти окна были густо заставлены геранями — красными, белыми, фиолетовыми — и всегда на этих геранях играло солнце, и даже в пасмурную погоду в доме тоже было всегда светло — летний день длился здесь без конца!

В тот день, о котором я сейчас рассказываю, я играл с Митей на берегу моря.

Сначала мы бродили по сухой воде: сухой водой называется обнаженный берег во время отлива, когда море уходит. По сухой воде бродить очень интересно, потому что море, уходя, забывает на берегу разные интересные вещи: водоросли, витые раковины, камни... А иногда попадались морские звезды — желтые пятиконечные морские звезды! Они тихо шевелились в прозрачных лужах под камнями.

Набрав морских звезд, и раковин, и камней, и кисти ярко-зеленых водорослей с мясистыми стеблями и листьями, с желтыми продолговатыми шишечками на стеблях, похожими на недозревшие виноградины, мы отнесли свое добро в старый прохудившийся морской карбас, стоявший далеко на берегу, на песчаном холме. Карбас стоял величественно, это был морской ветеран, он стоял, повернув нос к морю, увязнув кормой в песке и чуть накренившись на левый бок. Он стоял здесь, как памятник поморской славе, хотя вовсе не был памятником, а просто старым разбитым карбасом. В боках его зияли черные дыры, и ребра выступали наружу, а сам он весь побелел на солнце. На таких карбасах, рассказывал Порфирий, поморы ходили на зверобойный промысел до самой Норвегии, огибая Кольский полуостров.

Рядом с карбасом, немного в стороне торчал из песка огромный, выше человеческого роста — в несколько раз — поморский крест, тоже выцветший, поседевший на солнце. На нем тускнела маленькая медная иконка — складень — покрытая отлетевшей во многих местах голубой и белой глазурью, и изображен был на ней святой Николай — покровитель всех странствующих на море. Порфирий сказал, что этот крест поставлен в память погибших, не вернувшихся с моря. По берегам Белого моря много стоит таких крестов.

Глядя на этот крест и на карбас, вспомнил я рассказы дяди о ссылке, как они бежали из Онеги через залив, бежали ночью, зимой, среди льдин, когда все вокруг было покрыто снегом и не было солнца — оно тогда вообще не показывалось, совершая свои круги по другую сторону земного шара, над Южным полюсом.

Где-то здесь, на берегу, лежало сердце Бакрадзе, дядиного товарища, дядя сказал, что оно лежит на этом берегу, но далеко отсюда — ближе к горлу Белого моря, — лежит в полном одиночестве среди серых камней.

В ту далекую ночь только костер, на котором горел Бакрадзе, освещал маленькую точку в кромешной полярной тьме, а сейчас вокруг было светло и весело, на море был полный штиль, было межонное время, прекрасное время на Севере — тихая середина лета.

Стало жарко, и мы с Митей искупались. Вода в море была холодной, но не такой холодной, как в Ниве. Искупавшись, мы полезли в карбас.

— Давай играть в крушение! — сказал Митя. — Это наш корабль, и мы плывем по морю зимой из Норвегии. С пассажирами. И терпим крушение... все погибнем! Давай?

— Давай, — согласился я.

— Чур я кептеном! — крикнул Митя, вскочив с места. — А ты боцманман!

★★★

— Почему боцманман, а не боцман?

— Веселей дак! Так папа говорит! Он всегда так говорит...

— Есть, — сказал я. — А что мне делать?

— Ты успокаивай пассажиров... Как будто все хорошо, чтобы они не убивались, что попадут в Гусиную землю!

— В какую Гусиную землю?

— В землю мертвых! Туда все попадают, кого море возьмет!

— Идет! — сказал я.

— Так держать! — закричал вдруг Митя и побежал на нос корабля.

— Есть так держать! — сказал я.

— Ветер Всток! — заорал Митя. — Пошто пассажиры голкотят дак?

— Есть Всток! — крикнул я. — Сейчас я их успокою!

— Скажите им, что через час все будут на земле! Пусть не убиваются!

— Есть сказать, что через час они будут на земле!

— На Гусиной, боцманман, на Гусиной! — свирепо захохотал Митя. — Ха-ха-ха! Хэ-хэ! Успокойте их!

Я тоже дико захохотал, а потом заорал:

— Товарищи пассажиры! Прекратите панику и волнения! Все идет отлично! Через час вы будете на земле! Мои дорогие!

— Спасибо, боцманман! — проникновенно сказал Митя. — Как наша пробоина? — спросил он тихо.

— Матросы черпают воду, — ответил я шепотом. — Но дело плохо!

— Повторите! — заорал Митя. — Я вас не слышу! Ветер!

— Матросы черпают воду! — заорал я что было сил. — Все отлично! Шлюпки разбиты! Идем ко дну!

— Свистать всех наверх! — заорал Митя.

— Есть свистать всех наверх! — и вложил в рот два пальца и свистнул.

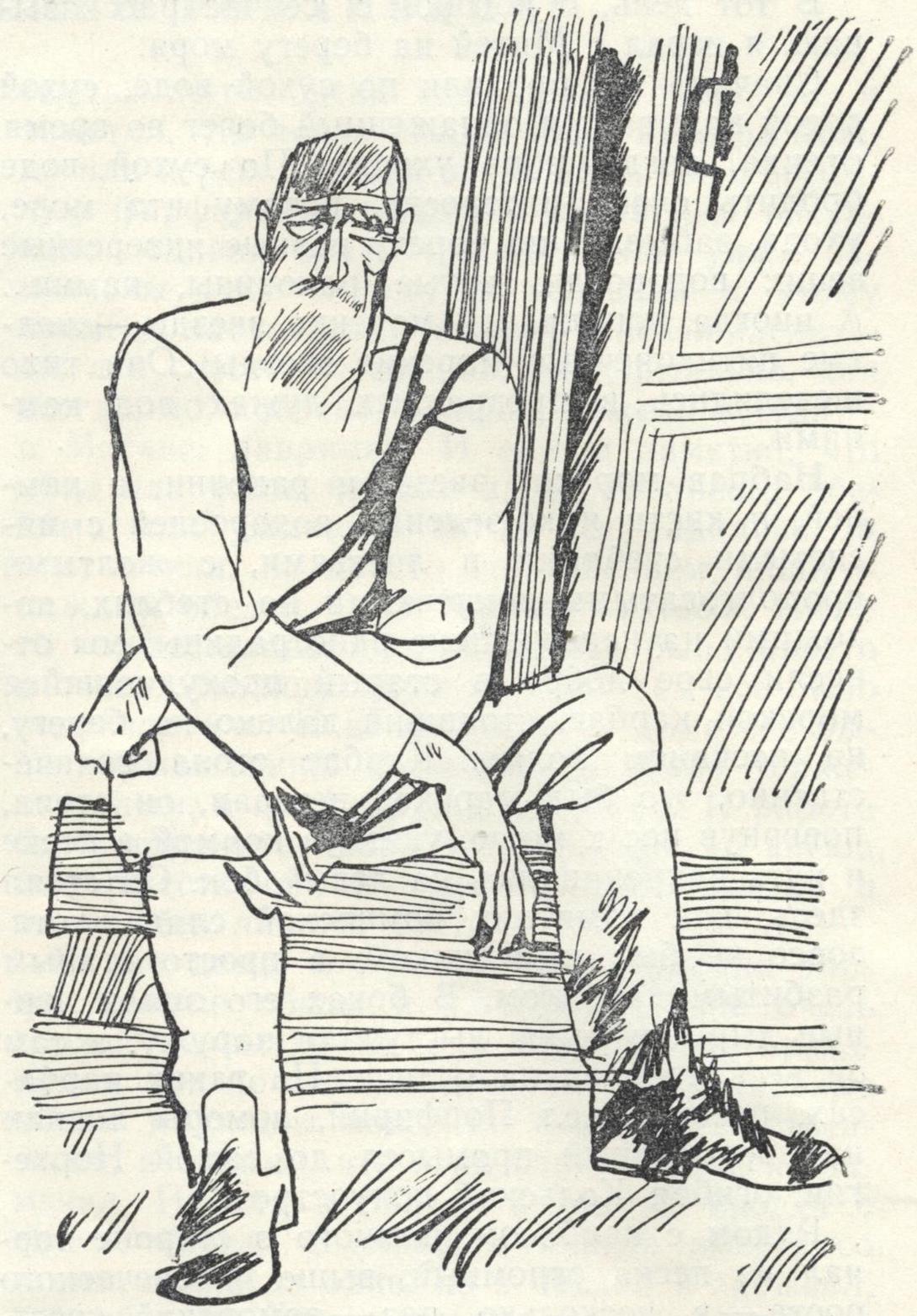
— Прощайте, товарищи! Все по местам! — громко запел Митя, стоя с откинутой назад головой.

— Последний пара-ад наступа-ает! — подхватил я...

— Э-ге-ге-ге-ей! — услышали мы вдруг. Мы обернулись и увидели дядю. Он быстро шел к нам, почти бежал, с высокого глядня — горы над морем.

Мы соскочили с карбаса и побежали навстречу. Дядя был чем-то взволнован, это я понял еще на расстоянии. Он спешил, увязая ногами в песке и широко размахивая руками.

Когда я подбежал к дяде, он остановился, глядя на меня сверху вниз, и спросил, прищурив глаза и переводя дыхание:



— Доннерветтер! Что ты там натворил?

— Где?

— Не знаю где! Тебя Пантелей Романович вызывает!

Я увидел, как сразу побледнел Митя, уставившись на меня со страхом. Мне стало нехорошо, кровь прихлынула к сердцу, и оно горячо застучало.

— Я ничего не натворил! — крикнул я.

Я действительно ничего не натворил. Но мало ли что бывает!

— Не знаю! — сказал дядя мрачно. — Пантелей Романович сказал, чтобы тебя немедленно привели к нему...

Мы пошли вверх по склону...

Пантелей Романович ждал нас на крыльце избы. Под окнами на лавочке сидели Порфирий и его жена. Лица у них были серьезные.

— Вот он, разбойник! — сказал дядя Пантелею Романовичу.

Дядя отошел, глядя в сторону моря. Митя замер с открытым ртом, глядя то на меня, то на дедушку.

Пантелей Романович стоял на крыльце, длинный и худой, его белые волосы, тронутые желтизной, и длинная белая борода ярко освещались солнцем на темном фоне раскрытой двери. На старике была синяя в белую полоску рубаха и черные штаны, заправленные в тюленьи бахилы — высокие, до колен, сапоги.

Голубые глаза смотрели строго и весело.

— Дай-ка руку дак! — сказал он высоким голосом. — Пойдем в избу.

Мы вошли в полутемные длинные сени, прошли в самый конец и полезли вверх по крутой лесенке, на второй этаж. Левой рукой старик придерживался за перила, а правой крепко, как клещами, держал меня за руку. Мы прошли мимо нашей с дядей спальни и остановились перед комнатой Пантелея Романовича. Открыв дверь, он подтолкнул меня в спину. Я переступил порог.

Это была большая комната, вернее не комната, а целый музей!

Она сразу ослепила яркостью красок, сверкавших в рассеянном свете окна, выходившего на север. В комнате пахло клеем, и деревом, и масляными красками. Напротив двери, перед окном, стоял стол, справа от окна верстак, заваленный деревянными брусками и стружками, в темном углу над верстаком мерцали иконы, налево от окна стояла зеленая железная кровать, застеленная разноцветным лоскутным одеялом, еще была табуретка перед столом и кресло в углу за кроватью, и за креслом зеркало — больше мебели не было, но зато везде висели картины и стояли игрушки: на полу, и на полках вдоль стен, и на столе, и на верстаке, и под кроватью, и под столом, и еще игрушки были свалены в кучу на полу возле двери и насыпаны в деревянные ящики, и сами игрушки были все деревянные, раскрашенные и нераскрашенные, потемневшие от старости и совсем беленькие, из свежего дерева, величиной с бутылку и совсем маленькие, с наперсток. Здесь были медведи и лошади, и разные страшные рыбы, и матрешки, и мужики, и бабы, и птицы, и коляски, и раскрашенные туески — чего-чего здесь только не было!

По стенам еще висели картины, тоже большие и маленькие, тоже яркие и темные, с разными зверями, мужиками и бабами.

Пантелей Романович сел в кресло под зеркалом.

— Это вы все сами делаете? — спросил я.

— Конешно, — сказал он. — Выбери себе, вот, что понравится. И возьми.

— Насовсем?

— Конешно, насовсем, — кивнул он белой головой.

А у меня глаза разбежались!

Я увидел перед собой медведя на столе — он был еще чистый, некрашеный, он пристально глядел на меня, выставив правую лапу вперед на уровне груди — он стоял на задних лапах.

— Вот этого можно, Михайлу? — спросил я.

— Можно. И еще возьми.

— Вот эту птицу, — сказал я. — Или она женщина?

— Птица Сирин, — сказал старик. — Лицо дак бабье, а сама — птица. Вещунья. Радость вещает. Возьми.

— Спасибо, — сказал я.

— Бери, бери, — сказал Пантелей Романович. — Бери еще.

Я не знал, что мне взять еще. Я бы взял все, если бы не стеснялся. Или хотя бы ящик!

— Спасибо, — сказал я опять. — Хватит.

Пантелей Романович встал, подошел к верстаку и достал снизу фанерный ящик из-под посылки: на нем даже был полустершийся адрес химическим карандашом. Старик поставил ящик на стол и стал складывать в него игрушки. Некоторые он брал с полок, некоторые со стола.

— Радеешь наукам-то? — спросил он.

— Что? — не понял я.

— Об учебе радеешь?

— Радею, — сказал я.

— Молодец, — кивнул старик. — Дядю люби! Дядя у тебя человек замечательный...

Он передал мне ящик с игрушками и какую-то большую деревянную трубу — наподобие бычьего рога — только деревянную...

— Большое спасибо! — сказал я.

Что я мог еще сказать? Я был горд.

— Отнеси игрушки к себе и выходи на крыльцо. И ждите меня там.

Я мигом побежал в спальню, поставил ящик на стол и выбежал на крыльцо.

— Ну, что? — спросил дядя. — В чем дело?

— Ни в чем! — сказал я. — Просто Пантелей Романович хотел мне свои игрушки показать. И подарил целый ящик!

Дядя еще никогда не смотрел на меня с таким удивлением. У него даже усы от удивления зашевелились.

— Ну, ну, — сказал дядя.

Они с Порфирием встали.

— Мы пойдем в город, — сказал дядя. — На почту. А ты играй.

— Я жду Пантелея Романовича, — сказал я возможно небрежнее. — И вам не велено уходить, вам велено подождать!

Они так и сели! На лавочку, конечно. А мне что — я стоял, глядя в сторону моря и постукивая носком сапога по крылечку.

— Порфирий! — тихо позвал сзади старик.

Порфирий вскочил.

— Поди достань в повети трезубцы и тресковую снасть. Опосля вместе с Петром наладите карбас. Я поеду с Мишей на рыбалку....

— А я? — дрожащим голосом спросил Митя.

— И ты поедешь. — сказал Пантелей Романович, и Митя сразу просиял.

ПТИЦА СИРИН

Я не буду вам подробно описывать эти последние сутки на Севере.

С тех пор прошло много лет, многое позабылось, да дело и не в подробностях, а в самом главном, что остается в душе, как песня — о давно минувшем, но полном смысла для будущей жизни.

Некоторые подробности я вам, конечно, расскажу — наверное, они тоже нужны, потому-то я их и запомнил.

Когда мы вышли в море — дедушка, Митя и я — подул береговой южный ветер Полудник, и дедушка сказал, что должна хорошо клевать треска.

Потом мы шли вдоль берега по кроткой воде — был самый отлив — шли вверх по заливу на Север.

Под карбасом проплывали подводные камни, называемые корги.

— Когда с моря дует Полуношник, — сказал дедушка, — море над коргами кипит и не дай бог попасть сюда какому суденышку — оно разлетится в щепки!

А сейчас ветер был нежен и тих, и море вдали ослепительно блестело под солнцем, а рядом с нами, под бортом карбаса, оно было прозрачным.

Дедушка сидел в середине карбаса и неслышно греб.

Я стоял на носу, держа в правой руке трезубец на длинной палке, и, наклонившись вперед, внимательно смотрел вниз.

Мите нельзя было доверять трезубец, он был еще маленький, он сидел на корме, сложив на коленях руки.

Море под карбасом просматривалось до самого дна, не было никакой разницы между водой и воздухом: мы бесшумно скользили у берега, как в высоком стеклянном сосуде — над нашими головами плавало солнце, а внизу проплывали песчаные отмели и камни, похожие на тучи, и змеевидные водоросли, и чудно горели в зеленоватой мгле оранжевые морские звезды, словно под нами было второе небо — морское.

Я пристально следил за проплывавшими внизу очертаниями.

Я ждал, когда внизу появится серая продолговатая тень, и когда я замечал эту тень под камнем, я прицеливался и швырял в нее свой трезубец, тут же выхватывая его из-за борта, и уже на трезубце была не тень — на трезубце извивалась страшномордая уродливая рыба зубатка, раскрывая широкую пасть с острыми маленькими зубами.

Она молча разевала страшную пасть, тараща глаза — казалось, она сейчас что-нибудь скажет — и я поскорее стряхивал ее в карбас и опять стоял на носу, вглядываясь в глубину.

Так мы плыли долго, не разговаривая. Была совершенная тишина, только с весел с тихим звоном срывались капли, и зубатка глухо стучала хвостом по дну карбаса.

Потом дедушка сказал «кончай», и я сел на нос, положив трезубец на дно, где трепыхалось уже много зубаток, а дедушка положил на дно весла и поднял парус.

Парус хлебнул воздуха, мы развернулись и пошли через залив к синевшим вдали островам.

— Море вздохнуло, — сказал дедушка. — Слышишь? Это прилив...

Острова быстро приближались. Они были каменистыми и покрытыми лесом.

Мы скользили по голубой ряби, и дно уже не проглядывалось.

Не знаю, сколько прошло времени, пока мы достигли острова под серой отвесной скалой.

Здесь была прозрачная тень, потому что солнце опустилось к горизонту по другую сторону острова. Я поежился от холода.

Чайка кружилась над нами, вскрикивая, как испуганный ребенок.

Дедушка неслышно опускал в море якорь.

— Пошли, — сказал он и первым ступил на скалу.

— А здесь кто-нибудь живет? — спросил я тихо.

Дедушка кивнул и приложил палец к губам.

Мы полезли вверх по тропинке, прижимаясь к скале. Из-под ног вырвался камень и с высоты громко плюхнулся в море.

— Тише ты! — зашипел Митя.

Мы поднялись и сели передохнуть.

Дул ветер.

Глубоко внизу покачивался на волнах наш карбас со спущенным парусом, как в синем колодце. Тень от скалы лежала на воде длинным треугольником, и в основании этого треугольника — в воде под скалой — вспыхивало и сверкало темно-красным, как будто на дне что-то горело.

За краем тени поверхность моря все время меняла цвета, как вертящаяся плоскость калейдоскопа — появлялись и исчезали разноцветные полосы и многоугольники — синие, красные, желтые...

По сравнению с морем и небом, остров казался мрачным. Сразу за краем скалы, неизвестно как, росли вековые ели среди высоких причудливых камней, соперничая с ними в росте, росли густо-густо, почти вплотную, а между ними переплетались кусты можжевельника. Ветер глухо гудел в чаще, и верхушки елей покачивались.

И вдруг я услышал тихий перезвон колокольчика. Я не мог понять, где он звенит — то он раздавался в чаще, то внизу под скалой.

Я вспомнил, что так же звенит колокольчик Порфириевой коровы, когда она бродит вокруг дома, пощипывая траву, или когда спит в сарае, вздыхая и ворочаясь — у коровы на шее висит колокольчик и всегда подрагивает и звенит, днем и ночью.

— Тут где-то корова, — сказал я. — Колокольчик...

— Это птица поет, — тихо сказал дедушка.

И колокольчик сразу зазвенел! Или это была флейта?

Мы теперь сидели спиной к морю.

Дедушка посмотрел в чащу, потом в небо, где появились вытянутые розовые облака. Ветер шевелил белую бороду и волосы на голове деда.

Флейта заплакала совсем рядом.

— Пошли, — сказал дедушка.

Мы пошли в чащу и стали продираться сквозь заросли. Здесь было темно. На лицо садилась паутина, я вздрагивал и смахивал ее пальцами. И опять шел за дедушкой и Митей, проваливаясь в мох и разводя ветви руками.

Деревья гудели, и колокольчик позванивал, и пела флейта, как будто кто-то плакал, но легко и радостно.

Впереди забрезжило оранжевым, там угадывались переплетения ветвей и стволов, а в середине чернело что-то огромное и непонятное.

— Садись, — прошептал дедушка.

Я нащупал под собой камень и сел.

Флейта запела высоко-высоко, и темнота впереди зашевелилась, загораясь пламенем, обретая форму — и я увидел огромную птицу!

Я увидел, как темным золотом осветилось ее курносое женское лицо, зашевелились полуопущенные крылья и ярко вспыхнула над головой золотая корона...

— Птица Сирин! — заорал я. — Птица Сирин!

Я вскочил с места... И в то же мгновение вся чаща заполыхала, как огромный костер — остров горел! — ослепительной паутиной зажглись ветви деревьев, столбом искр взметнулись в красном воздухе золотистые мошки, и опять все потухло — остались черные ветви на фоне заката и высокий оранжево-белесый камень, похожий на потухшую головешку...

ЧЕГО БОЯЛСЯ НЕИСТРЕБИМЫЙ ЧЕЛОВЕК

Мы пришли с дядей на берег моря — проститься с полуночным солнцем. Потому что назавтра мы уезжали. В Москву. У дяди уже были в кармане билеты.

В доме Порфирия давно спали. Да и все вокруг спало. Даже громкоговоритель на станции. И Чанг спал возле наших ног, возле камня, на котором мы сидели.

Спали ветры — и Всток, и Полуношник, и Полудник — спали камни и песок под ними, и избы на песке спали, блестя глазами на Белое море, и море спало, и белыми челноками спали на воде чайки.

Приплюснутое овальное солнце лежало на море, как лебедь, спрятавший под крыло свою голову: розовый лебедь, заснувший на волнах!

Была глубокая белая ночь.

— Скоро солнце совсем уйдет, на всю зиму, — сказал дядя. — Видишь — оно уже краем заходит за горизонт...

— Неохота с ним расставаться, — сказал я. — Хотя и в Москву хочется. Что-то там мама сейчас делает...

— Письмо у нее грустное, — сказал дядя. — Она пишет, что у меня там какие-то сложности...

— У тебя? Какие?

— На работе. И вообще.

— Наверное, тебя опять куда-нибудь пошлют, — сказал я. — Воевать. Или строить.

— И вся-то наша жизнь есть борьба! — улыбнулся дядя.

— С врагами?

— И с врагами, и с самим собой, и с обстоятельствами...

— Послать бы их к черту, все эти обстоятельства! — сказал я. — И привезти сюда маму! Вот было бы здорово!

— Тебе здесь очень понравилось? — спросил дядя.

— Еще бы! — сказал я.

— Скажи мне: что ты вынес вчера? — спросил дядя. — Из этой поездки на остров?

— Вчера? Я?

— Да — именно ты! — повторил дядя, глядя на меня серьезно.

— Я вынес целый мешок трески! И зубатки! — сказал я гордо. — Правда, меньший, чем Пантелей Романович... Зато я еще нес весло! А Митя ничего не нес — когда мы шли домой, он спал на ходу...

— Сам ты мешок трески! — рассмеялся дядя. — Я тебя спрашиваю в высшем смысле! Что ты вынес для себя *в высшем смысле* — понимаешь?

— Понимаю, — сказал я, покраснев.

— Ну, что же ты вынес?

— Птицу Сирин! — сказал я. — Я обязательно нарисую ее, как только приеду в Москву. Но скажи — откуда она там берется?

— О, это тайна! — воскликнул дядя. — Хотя все открывается просто...

— Наверное, закат... но почему она поет?

— И закат, и камни, и ветер, — сказал дядя. — И еще кое-что!

— Что?

— *Этвас*! — улыбнулся дядя.

— Ну, дядя же!

— Это не моя тайна, — сказал дядя. — Додумайся сам... Но дело не в этом! Что ты вынес еще? Ибо не это главное!

— А что главное?

— Подумай, — сказал дядя, закуривая. — Я могу тебе подсказать: что ты вынес изо всей нашей поездки? Что самое поразительное?

Я задумался. Мысленно перебрал я в памяти всю нашу поездку. Все наши приключения: и дядины единоборства с семгой, и мои — с форелями, и как Порфирий спускался на бревне, и как мы поднимались на сопку, и наше крушение на плоту...

— Наверное, наши приключения, — сказал я робко.

— Люди! — перебил меня дядя. — Вот что главное! Прекрасные люди, с которыми я тебя познакомил.

— Порфирий?

— Порфирий.

— И Пантелей Романович?

— И Пантелей Романович...

— А Потапыч? — воскликнул я. — Вот был молодец! Ты еще о нем расскажешь?

— Отчего же? — сказал дядя. — Расскажу!

— А может, и познакомишь? — сострил я.

— А может, и познакомлю...

— Так он еще жив?

— Конечно, жив! — сказал дядя. — Он же Неистребимый!

— И ты его сейчас... видишь?

— Вижу, — сказал дядя. — Иногда.

— Где? На работе?

— В зеркале! — улыбнулся дядя.

— В каком зеркале?.. Так, значит, это... значит, это ты сам! Ты, да?

— Зачем — я? — рассмеялся дядя. — Вовсе не я!

— А кто?

— Мое отражение!

— Значит, ты! — вскочил я. — Все это ты! И стихи — ты, и Потапыч — ты! Признавайся-ка, Отражение, что это ты!

Я бросился на дядю, сразу повалил его на песок. Чанг тоже вскочил, вскочил на ноги и бросился на меня.

— Подожди, Миша! — сказал дядя. — Моя трубка!

— Будет тебе трубка! — закричал я. — Признавайся!

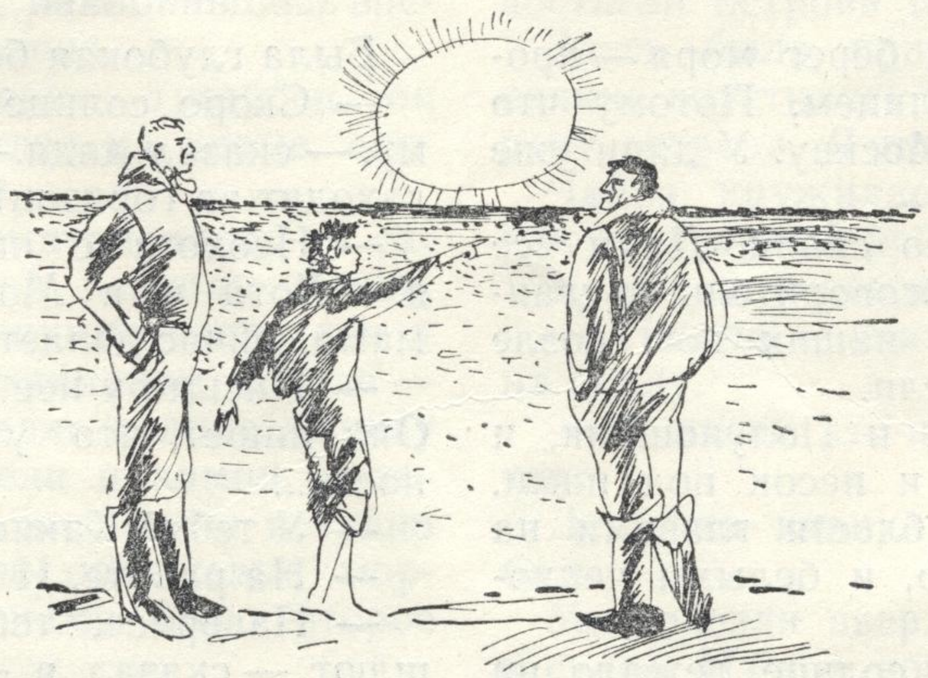
Я стал щекотать дядю.

Чанг лаял, наскакивая на меня.

— Признавайся! — кричал я. — Признаешься, что это ты?

— Я! — прохрипел вдруг дядя, давясь от смеха. — Это я.

— Эх, ты! — сказал я, вставая. — Неистребимый, а боишься щекотки!



Конец

В АРТЕКЕ

Артек. Июль 1967 года. III-ий Всесоюзный пионерский слет.

На слет прибыло 4.054 делегата от 23-х миллионов советских пионеров. Гости слета — 442 представителя детских демократических организаций более чем из 30 стран.

Каждый день слета — новое: новые встречи, новые песни, новые дела. Звездный поход на Роман-Кош. День мира. Спартакиада. Праздник искусств. День революционных традиций. Все увидеть! Все запомнить! Все увезти с собой!

В этом номере «Костра» мы печатаем заметки делегатов слета — ленинградцев, рассказы и стихи, написанные в Артеке писателем В. Голявкиным и поэтом В. Торопыгиным.

САМЫЙ ЛУЧШИЙ ЛАГЕРЬ

Дело в том. что в «Прибрежном», «Лазурном» и «Горном» мы уже были. А теперь отправились с визитом в лагерь «Морской».

В шлюпке спор завязался, какой лагерь лучше.

Потом спор до того разгорелся, что лодка стала качаться, честное пионерское! Но мы все равно спорить продолжали. Только когда Коля Яблочкин встал и замахал руками, мы его обратно посадили.

Коля Яблочкин закричал:

— Самый лучший лагерь — наш «Кипарисный»! У нас столько кипарисов, что другим лагерям никогда столько не насажать, а если даже насажают — жди, когда они вырастут! А когда они вырастут, наши кипарисы еще больше вырастут! Вы это соображаете?! А те будут расти и расти, и все без толку! Никогда им наших в жизни не перерасти!..

Витя Курочкин закричал:

— Мне нравится «Прибрежный»! Там в воде меньше камней, чем в других местах, а в других местах камней больше!

И он стал так хвалить «Прибрежный», так орать, что его пришлось успокаивать, как Колю Яблочкина.

— Ой, девочки! — вдруг закричала Катя, когда мы проезжали мимо «Лазурного», — Пушкин знал, где стихи писать, Пушкин все знает.

И все поняли, что ей «Лазурный» лагерь больше нравится.

Все посмотрели на грот Пушкина.

Все немножко помолчали, а когда проехали, снова заспорили,

Патрик заявил через переводчика, что ему трудно ответить, какой лагерь лучше, но «Горный» не хуже.

Его спросили через переводчика, что значит «Горный» не хуже», и он ответил через переводчика, что его слова означают «Горный» лучше».

Его спросили через переводчика, чем ему «Горный» больше нравится, и он ответил через переводчика: «Потому что на горе».

Больше его не стали спрашивать, но спор продолжался до тех пор, пока к «Морскому» не причалили.

В «Морском» лагере Витя Курочкин прямо ошалел, бегал с вытаращенными глазами мимо архитектурных сооружений и кричал, что он всегда «тянулся к бетону и стеклу». Не хотел даже ехать обратно, заявив, что он к кипарисам никогда не тянулся. Я сам, между прочим, несколько раз на кипарисы пытался залезать. Однажды даже с одного кипариса на ежа свалился.

На обратном пути мимо всех лагерей ехали тоже споря.

Мы всю дорогу спорили, а в конце концов решили, что самый лучший лагерь — Артек.

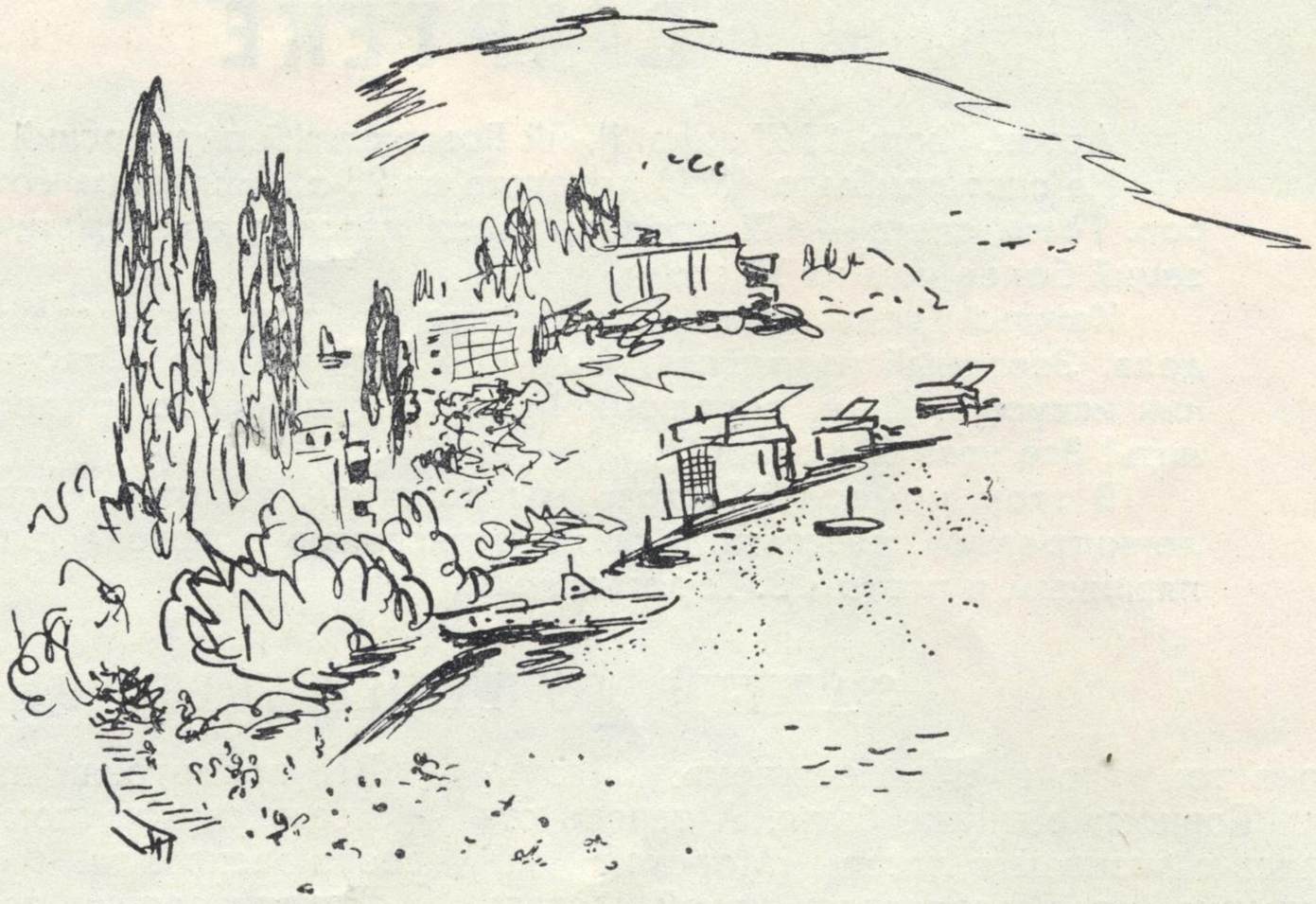
Ведь это и есть Артек — все пять лагерей, о которых мы спорили.

НА СИНИХ СКЛОНАХ ГОРНЫХ ГРЯД...

На синих склонах горных гряд
костры артековцев горят.
Остроязыкие огни
оранжевы и алы, —
за кипарисами они
и на прибрежных скалах.

А там, где горизонт, со дна,
из волн темно-лиловых,
восходит рыжая луна —
вся в отсветах костровых.

САМЫЙ БОЛЬШОЙ ЛАГЕРЬ



Прекрасное море, прекрасное небо, прекрасная земля. Погода отличная, место исключительное, воздух поразительный.

Что Артек самый известный лагерь на свете, я знал. В детстве хотел в Артек. Но только сейчас понял, насколько он большой. Я из конца в конец прошел, устал, сел на траву. Ребята подошли.

— Чудесный вид на море, — говорю.

— Вам же моря не видно, — говорят, — куст закрывает. Вы вон на ту гору залезьте, оттуда вид что надо!

С уважением смотрю на громадную гору под названием Аю-Даг. С таким же уважением смотрю на пионеров. Они на эту гору, представьте, лазают как ни в чем не бывало.

— Оттуда весь Артек, — говорят, — увидите своими глазами.

— Я ваш Артек, — говорю, — уже прочувствовал своими ногами.

— Как хотите, — говорят, — но мы для вас самую лучшую точку выбрали.

Продолжаю смотреть с уважением на гору и на них. Думаю о своем обратном движении.

— Раскинулся ваш лагерь, — говорю, — прямо скажем, грандиозно и величественно. Красотища редкая, нет слов. Расскажите про свою жизнь. Я о вас книгу напишу, если у меня получится.

Друг друга перебивая, очень живо вводят меня в свою жизнь.

— Слышали про бутылочный телеграф?

Не так давно одну нашу бутылку теплоход «Абхазия» выловил. Мы там написали, что всем честным людям шлем привет и стоим за мир во всем мире. Моряки нам медвежонка подарили, не верите? Симпатичный такой, бурый медвежонок. Телевизор любит смотреть, представляете? Из клетки его выпустили, так он телевизор бросился грызть, чуть не сгрыз весь телевизор, зубы у него режутся...

— А нашу космическую выставку видели? Все как есть настоящее, и корабль, и костюм, и лодки резиновые с парусами, и парашют...

— А в радиоклубе ребята из Америки, Англии, Австралии со своими родителями запросто беседуют, справляются о самочувствии. К примеру, какой-нибудь зарубежный радиолюбитель поймает Артек, его сейчас же просят позвать родителей такого-то. И вот вам пожалуйста:

«Как живешь?» — «Прекрасно!» — «В море купаешься?» — «А как же!» —

«Ну, будь здоров, гуд бай, сынок!» — «О'кей, мама с папой, до встречи!»

— А знаете, какой у нас оркестр? Если грянет, в Ялте слышно. Знаете, сколько у нас человек в оркестре?

— А вы видели наши новые корпуса?

— Вот погодите, на закрытии, говорят, у нас такой фейерверк будет, как на Красной площади...

Потом я попрощался с ребятами и пошел обратно.

Еще раз прочувствовал своими ногами весь Артек.

Вокруг все прекрасно. Но устал я ужасно.

МОРЕ-ПОЧТАЛЬОН

Стали пустыней —
сгорела трава —
моря Эгейского
острова.

Пепельный камень,
желтый песок,
скалы нацелены
небу в висок.

Краской сверкают
новой своей
только заборы
концлагерей...

Тихо, без песни —
здесь нынче так —
в море выходит
старый рыбак.

Плещет о борт
голубая волна,
в пене белесой
бутылка видна.

Добрый обычай:
тысячи лет
море приносит
кому-то привет.

Вынул записку
старый рыбак —
сверху рисунок:
гора Аю-Даг.

Почерк размашистый:
«Наши слова
слушайте,
греческие острова!

Мы — с патриотами
вашей страны
против фашизма
и против войны!»

Выпрямил плечи
седой человек
и улыбнулся:
— Спасибо, Артек!

III Всесоюзный слет провозгласил: «Пионер — тот, кто полезен Родине».

Мы пригласили в редакцию членов ленинградской делегации слета, пионерских активистов. Говорили о разном, но когда разговор кончился, оказалось, что каждый как бы ответил на один и тот же вопрос.

А вопрос можно сформулировать так:

НАД ЧЕМ ТЫ ЗАДУМАЛСЯ ПОСЛЕ СЛЕТА?

Ира Васильева, член районного пионерского штаба:

— **Над проблемой громких и негромких дел.** У нас в школе, например, старшие ребята работали осенью на строительстве гостиницы «Советская», а младшие в это время убирали с улиц палые листья. И завидовали: у вас, мол, «пионерстрой», вам почет, а нам совок и метла, и ни в газете, ни по радио о нас ни строчки. Вот как быть? Как убедить малышей, что скромная помощь — тоже помощь?

Володя Васюков, член городского штаба:

— **Над нашими праздниками и буднями.** Я сам отвечаю в нашем штабе за учебу барабанщиков и знаменосцев, и считаю, что этим заниматься нужно, нужно, чтобы строго соблюдался единый пионерский ритуал. Но вот мы недавно на воскреснике работали на строительстве. Длиннющие доски выносили из подвала, ни тебе знамен, ни фанфар, — а все равно было здорово. Может быть, не надо нам очень уж увлекаться внешней стороной наших мероприятий, придумывать им романтиче-

ские названия, изобретать сопроводительное действо? А лучше просто сказать: ребята, сделайте, это крайне нужно для того-то и того-то!

Люда Семенова, командир школьного отряда красных следопытов:

— **Как ни странно, над судьбой нашего стадиона.** У нас хорошая школа, «Маяк Ленинского смотра», держим вымпел за октябрятскую работу, — но вот есть у нас двор, а стадиона на дворе нет, просто нет, и все.

Значит, мы что-то проглядели, не настояли на своем, не додумались. Пускай я вроде бы за это не отвечаю, мне с моими следопытами хватит работы. Но ведь пионеру до всего должно быть дело, он же не только по общественному поручению живет, верно?

Маша Басина, комиссар городского пионерского штаба:

— **Над тем, что нам теперь, как никогда, необходимо больше думать.** Над формами работы, а главное, над ее содержанием, и над тем, как сделать, чтобы каждому, именно каждому пионеру жизнь организации была близкой. Слет был посвящен пятидесятилетию Октября. Октябрь прошел, но это совсем не значит, что решения Слета устарели. Пионерия всегда должна быть верным помощником партии и комсомола.

ОТВЕТ

— Что в летний день тебе необходимо?
— Вобрать в себя весь горный воздух
Крыма,
всю соль морского пенного прибоя,
все радостное небо голубое!
Мне надо, чтоб в душе росла отвага
волны, что бьет в подножье Аю-Дага.
Хочу на Север, солнцем небогатый,
свезти загара бронзовые латы.
Хочу совсем иначе жить начать:
вобрать весь Юг, чтоб солнце излучать!

Рисунки В. Голявкина

Поздравляем тебя, Муртаз!

Накануне полуфинальной игры всесоюзного первенства «Кожаный мяч» Муртаз Хугашвили проснулся раньше обычного.

Капитан «Цискари» Коте Джалиашвили и все игроки команды пришли поздравить Муртаза, пришлось ему принимать цветы. А через несколько минут уже сам Муртаз обнимал Дато, которому, как и Муртазу, исполнилось в этот день 15 лет. На торжественном обеде именинникам преподнесли два огромных торта. Рядом за столом сидели юные футболисты из Литвы. Дато и Муртаз, без слов поняв друг друга, поставили один торт на стол соперникам...

Вечером состоялся полуфинальный матч с киргизской «Энергией». Перед началом матча на стадион звонили прямо из Тбилиси. Первый секретарь райкома партии Акакий Григорьевич Каранадзе поздравил именинников и пожелал им добиться победы.

Особенно опасен игрок под № 10 из киргизской «Энергии» — Мусхат Джолчиев, капитан команды. Он неутомим и стремителен. «Опекать» его и поручили Муртазу. Спокойно, уверенно провел игру Муртаз. Его футболка мелькала и в гуще схваток, и в центре поля, и на штрафной площадке. Когда Муртаз подкатом ликвидировал опасный проход Мусхата, весь горьковский стадион «Динамо» рукоплескал ему. «Цискари» выиграла полуфинал. И в финале они победили ребят из Азербайджана. Девять победных голов забили форварды «Цискари» в финале. И ни разу их вратарь не вынимал мяча из сетки ворот. В этом немалая заслуга и Муртаза.

На прощальном параде ребята из «Цискари» получили золотые медали, главный приз турнира — Хрустальный мяч. Строгая судейская коллегия определила лучших игроков турнира. Диктор объявил по стадиону: «Приз журнала «Костер» «Лучшему защитнику» вручается игроку команды «Цискари» Муртазу Хугашвили».

С. Фурин

Евгений Фейерабенд

СВИРИСТЕЛЬ

В саду свистит знакомо
Осенний свиристель.
У этой птицы дома
Давно метет метель.

Он прилетел оттуда,
Где все белым-бело —
Всю ягодную тундру
Снегами замело.

И гроздья ягод ярких
У нас он видеть рад:
Рябина и боярка
Как зарево горят.

Ой, тут живут богато,
Всего позапасли!
Зачем летят куда-то
Отсюда журавли?

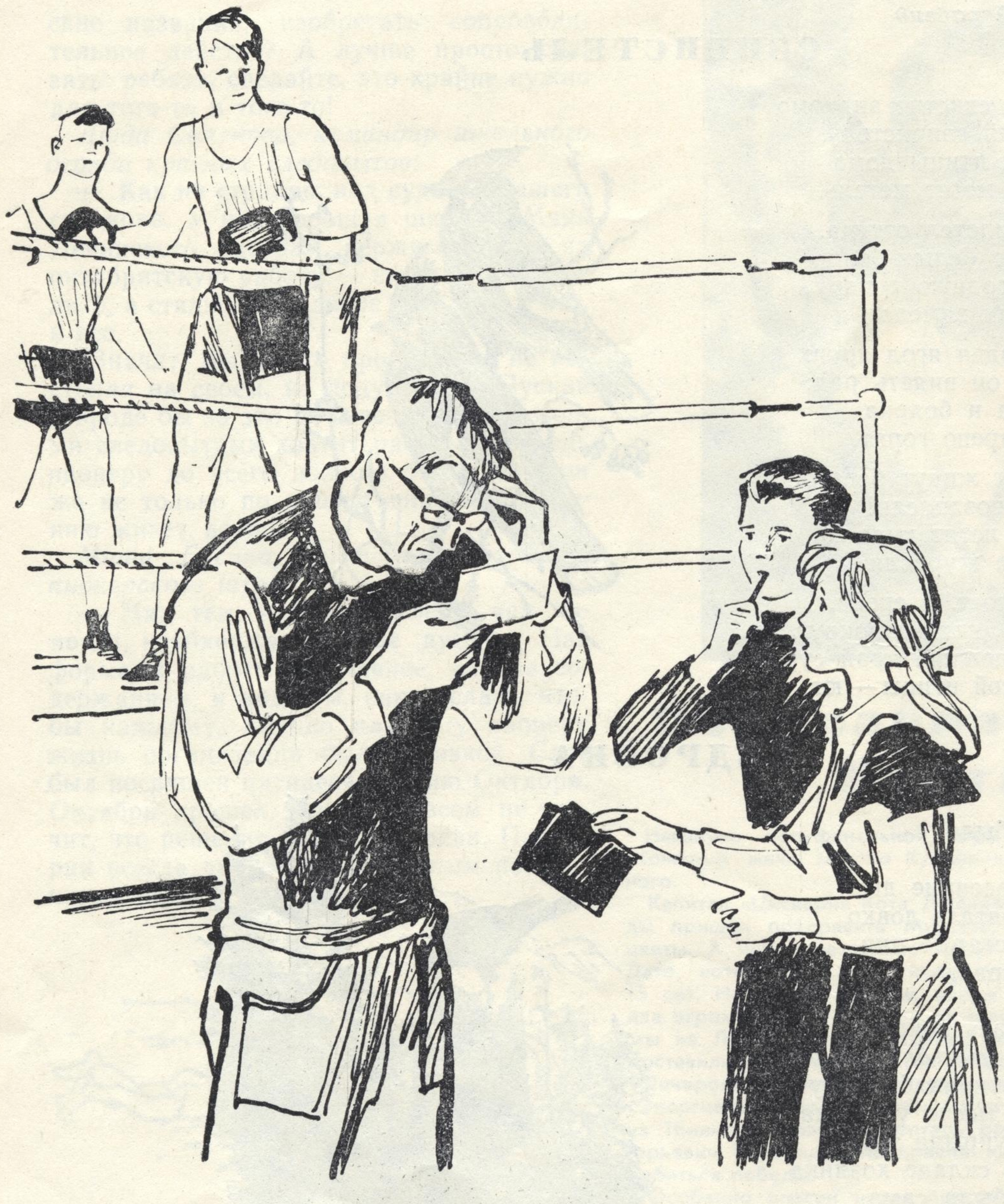
И он поет, и снова,
Дивясь, глядит вокруг...
Ведь здешний край суровый
Для этой птицы — юг.

КЕДРОВКА

Давно это было.
Кедровка
По лесу в осенние дни
Летала и прятала ловко
Орехи под старые пни.
Порой замирая,
С опаской
Она озиралась вокруг,
Чтоб белки не съели запасов,
Чтоб их не украл бурундук.
Но вот уже место узнай-ка,
Все снегом укрыла зима.
И, может, о складе хозяйка
Давно позабыла сама.
Ведь зимние птичьи кочевки
По снежной тайге — далеки.
Но выдали тайну кедровки
Взошедшие в мае ростки.
И корни впиваются в недра,
И хвоя пышней и пышней.
И новые стройные кедры
Встают молодецки у пней.
Из каждой укромной кладовки
Они появились на свет...
А той работящей кедровки
На свете давно уже нет.
И песня ее отзвучала,
Наверно, полвека назад.

Но здешнего леса начало —
Старинный ореховый клад.
И кедры — зеленые вышки —
Хотят облака подпереть.
И белки срывают там шишки,
И кормится бурый медведь.
В ветвях с небывалой сноровкой
Он лазает целые дни.
А с кедров слетают кедровки
И что-то все прячут они...

Рисунки И. Ризнича



ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Б. Раевский, А. Софьин *Рисунки И. Харкевича*

Возможно, многие из вас читали повесть Б. Раевского и А. Софьина «По следам М. Р.». Несколько лет назад она печаталась в «Костре», а затем вышла отдельным изданием в Детгизе. Сейчас Б. Раевский и А. Софьин написали новую книгу о красных следопытах «Цель № 301». Теперь ребята пытаются разгадать тайну исчезновения дальнобойной немецкой пушки, которая обстреливала Ленинград. Кто вывел ее из строя? Каким образом?..

Мы печатаем одну главу из новой повести. Вся книга выйдет в будущем году в издательстве «Детская литература».

В вестибюле института физкультуры было полно студентов.

По лестнице, перемахивая сразу через четыре ступеньки, мчался какой-то длинноногий парень.

— Спринтер! Сразу видно! — шепнул Генька Оле.

Сквозь толпу, легко раздвигая людей железным плечом, как ледокол сквозь льдины, продвигался коренастый крепыш.

— Штангист! — шепнул Генька. — Факт. Спорим на десять щелчков?

Но Оля спорить не стала.

В дальнем углу вестибюля, возле белой мраморной доски, щебетала целая группа тоненьких изящных девушек.

«Гимнастки»,— подумала Оля.

Сама она тоже занималась художественной гимнастикой. Ей захотелось разглядеть этих девушек поближе, и она потянула Геньку за собой.

И сразу бросилось в глаза глубоко врезанное в белый мрамор:

«Погибли на фронтах Великой Отечественной войны».

Оля пробежала взглядом незнакомые фамилии и вдруг, во второй колонке!.. Перечитала еще раз, шепнула Геньке:

— Смотри!

Но тот уже и сам увидел:

«Окулов А. И., студент».

Молча пошли ребята на кафедру, где их ждал Олин тренер.

Генька думал, что кафедра фехтования похожа на спортзал, и все преподаватели — в тренировочных костюмах, со шпагами и рапирами. И с защитными масками на лице. Но Оля привела его в обыкновенную комнату, совсем такую же, как школьная учительская. Такие же облупленные шкафы. И так же тихо тикают часы на стене. По углам сидели, склонясь над бумагами, несколько мужчин и женщин в обычной одежде, а знаменитый тренер Григорий Михайлович из Олиной спортшколы оказался уже немолодым и с большой лысиной.

Оля рассказала тренеру о том, что они узнали в вестибюле.

— Что ж ты мне сразу не сказала, кого ищете? — упрекнул Григорий Михайлович. — Наговорила полный короб: «разведчики», «особое задание», а фамилию и не назвала. Об Окулове я слышал, классный был боксер. Перед самой войной стал чемпионом. Но подробностей не знаю. Если надо... Сходим в соседний корпус.

В главном зале соседнего корпуса был установлен ринг.

До сих пор ребята видели ринг только в кино, и то Оля зажмуривалась, когда боксеры начинали колошматить друг друга кожаными клешнями.

А тут как раз шел бой. Учебный бой — это ребята сразу поняли. На ринге не было судьи, а сутулый, хромой человек за канатами поминутно останавливал боксеров и делал замечания.

Увидев Григория Михайловича, хромой тренер приостановил бой:

— Ко мне?

— К тебе. Пользуйтесь случаем, ребята: Эрик Сергеевич — наш ветеран. И память у него, как у электронной машины.

— Брось, Григорий, зря треплешься!

— Зря? Ну, тогда: на какой минуте Николай Королев нокаутировал чемпиона Финляндии Матсона в сорок седьмом году?

— Это же всем известно. — Эрик Сергеевич начал злиться. — На первой же минуте крюком в челюсть.

— Вот, видите! Ну, давай! — и он подтолкнул оробевшую Олю поближе к тренеру.

— Скажите, пожалуйста, — начала Оля, доставая из черного конверта фотографию. Генька поручил ей вести расспросы, но предупредил: не тараторить.

— Узнаете ли вы здесь Окулова? А. И. Окулова, бывшего студента?

Эрик Сергеевич взял снимок, взглянул и, словно не веря глазам, сунулся в карман за очками. Кое-как нацепил их, снова уставился на фотографию: заглянул на обратную сторону, и, наконец, сказал:

— Узнаю. И не только его. Тут и я снят — вон, во втором ряду. С автоматом.

Ребята бросились смотреть. Позади ефрейтора Кубарева стоял тоненький юноша в пилотке, ухарски сбитой набекрень. Да, конечно, Эрик Сергеевич теперь огрузнел и седина появилась. А все-таки видно — он самый!

— Через столько лет! Вся группа! — взволнованно повторял он. — Ну, а когда это снято? Постойте — сам скажу! Числа двадцатого, нет... восемнадцатого августа... Сорок второй, конечно! Так?

— Значит, помните? — Оля придвинулась еще ближе и раскрыла блокнот.

— Еще бы! Первый раз в деле! Первый — а через пять дней и последний! С тех пор и прыгаю, как воробей, — Эрик Сергеевич попытался поднять больную ногу, но неловко повернулся и снова на лице его мелькнула гримаса.

— Только вот что, — он взглянул на часы, — через десять минут у меня совещание. А вы хотите подробно? Я как раз недавно записывал. Для истории института. А вам для чего? — лишь теперь спохватился тренер.

— Мы — красные следопыты, — привычно затараторила Оля. — Мы изучаем славное прошлое нашей родины. И особенно интересуемся теми героическими людьми, которые завоевали для нас, пионеров, свободу и счастье.

Оля говорила, как всегда, плавно и гладко. Как по книжке. Обычно эта гладкость удивляла незнакомых людей. Но Эрик Сергеевич не удивился. Или он спешил и просто не заметил?

— Понятно, — сказал Эрик Сергеевич. — Тогда давайте так: завтра я притащу свои записки...

Ребята сидели в пустой боксерской раздевалке. Из-за тонкой стены доносились тяжелые глухие удары: будто в землю вгоняли сваи.

«Неужели это боксеры так... Друг друга?» — поежилась Оля.

Эрик Сергеевич дал пачку отпечатанных на машинке листков, сказал: «Если будут вопросы, вернусь — отвечу», — и ушел.

«В начале войны мне не повезло, — так начинались записки. — Оставили инструктором

по физкультуре в запасных частях. Работа оказалась несерьезной и даже обидной: мотайся из полка в полк, инструктируй командиров, проверяй рапорты и отчеты. Вскоре я понял, что отчеты эти — сплошная липа. Где уж было заниматься физподготовкой, когда новобранцам еле успевали показать, где у винтовки штык, а где приклад и как спускать курок. Сорок первый год! Каждый день из запасных полков спешили на фронт маршевые роты.

Мыкался я на этой инструкторской работе больше года, пока вдруг не встретил в столовой Штабфронта нашего бывшего студента Толю Окулова. И тут моя военная судьба круто повернулась».

— Вот он! Окулов! — воскликнула Оля.

Генька молча кивнул.

Дальше Эрик Сергеевич писал, как Анатолий Окулов, узнав о его должности, ехидно высказался — мол, не к лицу молодцу, да еще боксеру, засиживаться на тепленьком местечке, и туманно пообещал узнать насчет перевода на более веселую службу. К ним в часть. О том, какая это часть и что это за служба, он говорил еще туманней.

Потом Анатолий несколько недель не показывался, но Эрик чувствовал на себе чье-то пристальное внимание: в кабинете начальника с ним беседовали какие-то незнакомые люди и подробно расспрашивали об учебе в институте, о семье и о всех двадцати годах его жизни. Затем знакомый писарь шепнул, что личное дело Эрика затребовали «наверх». И, наконец, Анатолий Окулов, появлявшийся так же неожиданно, как и исчезал, познакомил Эрика с высоким смуглым лейтенантом лет тридцати, и тот предложил ему перейти в особый разведотряд Штабфронта.

«Лицо лейтенанта показалось мне знакомым, — писал Эрик Сергеевич. — Да, это был Игорь Юрьев, знаменитый некогда прыгун, чемпион Союза тридцать четвертого года. В тридцать шестом он не вышел на соревнования, о нем стали забывать, но в тридцать девятом снова появился, худой и черный, как головешка: ходили слухи, что он дрался в Интернациональной бригаде под Мадридом...

Перед самой войной Юрьев вернул себе чемпионский титул и стал аспирантом кафедры легкой атлетики. Нам, второкурсникам, он казался уже немолодым, хотя прыгал он по-прежнему как бог.

На сборы мне дали полдня. Обычно, когда человека переводили в другую часть, волокита затягивалась надолго. Но тут строевая канцелярия и тыловые службы так быстро оформили мои документы и аттестаты, словно

их подхлестывала какая-то невидимая, но сильная рука. К вечеру я уже был обладателем свежезастеленной койки в маленьком домике на Каменном острове, новенького трофейного «Вальтера», неодеванного летнего маскхалата с зеленой травянистой бахромой и широкого кинжала в кожаных ножнах».

Эрик Сергеевич вскоре понял причину такой спешки. Группа Юрьева два дня назад получила особое задание Штабфронта, но трое разведчиков недавно выбыли из строя и их надо было срочно заменить. Вот тогда и решено было ускорить его перевод в разведотряд.

Пять дней с утра до поздней ночи шли тренировки: стрельба, силовые приемы, ориентировка на местности, минное дело, рация, способы маскировки.

Кроме Юрьева и Окулова, о задании никто ничего не знал. Но, судя по инструктажу в Штабфронте, надо было встретиться за линией фронта с каким-то человеком. Для него, видимо, предназначался и тот увесистый пакет, который Окулов перед самым уходом положил к себе в мешок.

И дальше Эрик Сергеевич, шаг за шагом, описывал действия их группы: благополучный переход линии фронта на болотистом участке возле Финского залива, бесшумное ночное продвижение в немецком тылу и бесконечно длинный день, проведенный в лесном тайнике.

Это была небольшая пещера в склоне холма, наглухо закрытая деревьями. Пещерка — хоть и неглубокая — оказалась очень кстати.

Лишь когда стемнело, снова двинулись в путь. Вскоре на опушке леса Окулов подобрал два розовых бумажных квадратика, потом прямо на тропинке — еще два. А когда вышли на поляну — она вся была словно усеяна огромными розовыми лепестками.

Через полчаса в глубоком овраге Юрьев приказал группе остановиться и укрыться, а сам с Окуловым пошел дальше.

«Я видел, — писал Эрик Сергеевич, — как они притаились там, где овраг резко выгибался влево. И стали ждать.

Прошел час... И полтора... И два часа... Никто не появлялся.

Я уже решил, что встреча сорвалась. Но тут из глубокой боковой щели выдвинулась какая-то фигура».

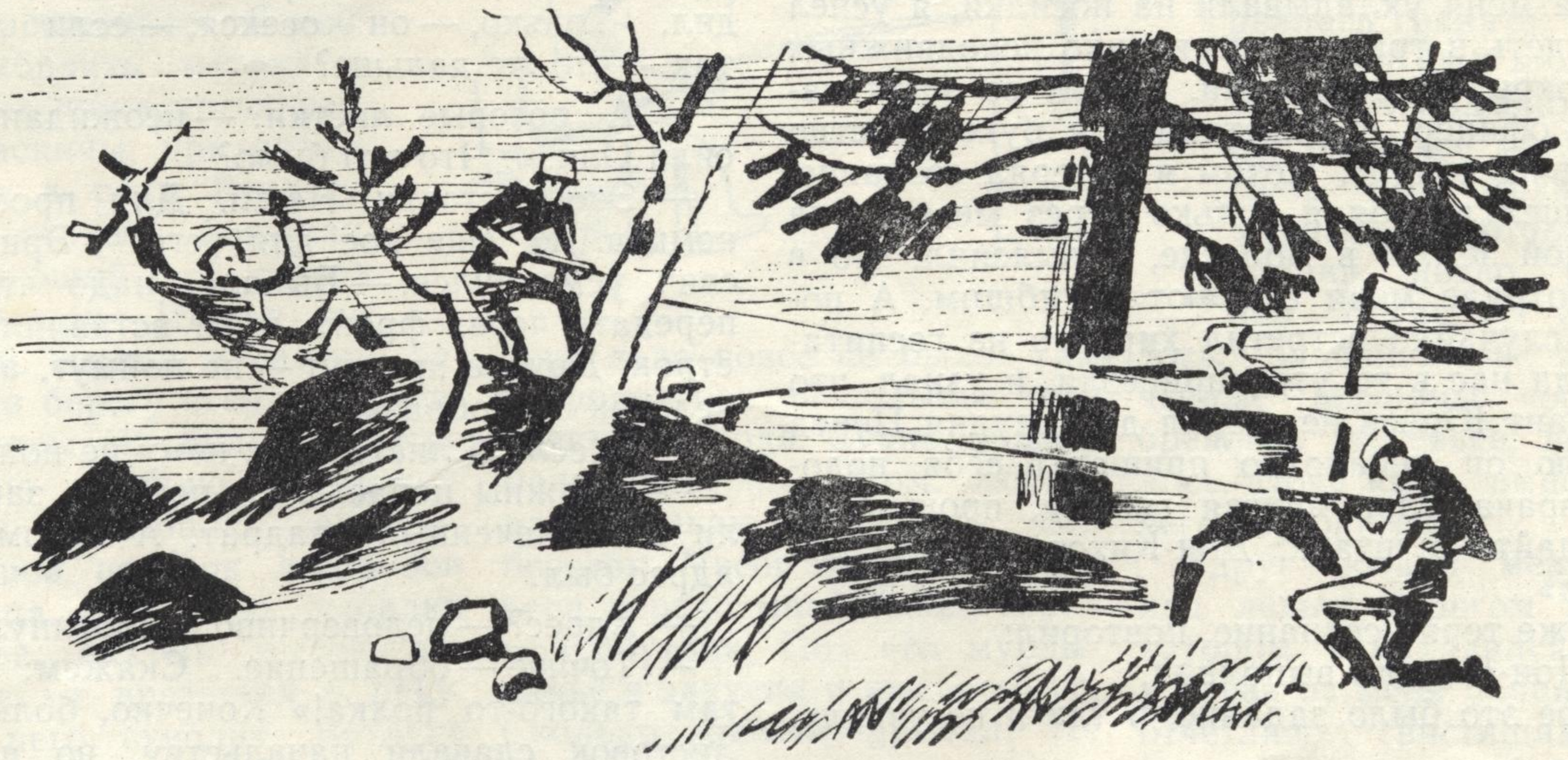
Смеркалось. На дне оврага скопились густые тени, и Эрик не разглядел незнакомца.

Обратный путь был куда легче. Нейтралку проползли бесшумно, дивизионные разведчики встретили их в намеченном месте и провели в наше расположение. Как раз тогда и подоспел фотограф и снял всех, веселых и разгоряченных успехом, в траншее, освещенной ранним утренним солнцем.

«Но сделано было лишь полдела, — говорилось далее в записках Эрика Сергеевича. — Через пять дней мы повторили наш рейд. На этот раз в овраге было посветлее, и я смог хоть немного рассмотреть пришедшего. Игорь говорил с ним шепотом, потом пожал ему руку и поднял сжатый кулак. «Рот фронт!» С детства знал я этот салют антифашистов. Тот сказал ему «камерад» — как-то странно он выговорил это слово, — они обнялись, и сразу мы двинулись обратно.

Я понял, что теперь дело сделано до конца».

План возвращения, как и в первый раз, был детально разработан. Глубинники должны выйти к немецкой передовой в 23.00 и начать



переход. Окажутся помехи — залечь и ждать. Лишь в самом крайнем случае — если никак этого не избежать — пробиваться с боем. И тогда придет на помощь дивизионная разведка. Сигнал — две красные ракеты. Игорь дал Эрику тяжелый ракетный пистолет и велел беречь его пуще глаза.

Помехой оказался немецкий патруль. То ли фашисты решили усилить охрану, то ли что-то заподозрили, но едва разведчики выползли в нейтралку, послышался шорох шагов. В ночной тьме плыли осторожные фигуры. Немцы!

Юрьев замер на месте. Пропустить и наблюдать! Немцы почти беззвучно скрылись,

Появятся ли снова? Время шло медленно-медленно. Появились! Надо рассчитать темп их движения и в интервале проскочить. Толя Окулов рассказывал — так бывало и раньше.

Шаги приблизились: прошло семь минут. Пропустить еще раз и тогда...

Но вдруг — неожиданный шум. Возле немцев появились люди в советских пилотках. Глухой удар — тяжелое тело упало на землю. Остальные немцы немедленно открыли огонь.

«Почему дивизионные разведчики изменили первоначальный план, — читал вслух Генька, — этого я и до сих пор не понимаю. Над нами засвистели пули, стали рваться гранаты. Взвились в воздух две красные ракеты, и я едва успел подумать, кто же их пустил? Ведь наша ракетница у меня. Игорь крикнул: «Вперед!» — и вскочил с земли. Рядом раздался чей-то громкий стон. Немецкий огонь нарастал.

Когда подмога приблизилась, было уже поздно. Игорь Юрьев, теряя сознание, зажимал ладонью рану в животе. Я еле полз, волоча перебитую ногу и чувствуя нестерпимую боль в боку. Больше никого не осталось в живых.

Пока меня укладывали на носилки, я успел разглядеть в траншее несколько неподвижных тел, покрытых шинелями. Рядом со мной какой-то офицер с ракетницей в руке яростно кричал на солдат. Потом я потерял сознание.

Пришел в себя я только через месяц — на Большой земле, в Вологде, и выяснил, что в разведотряде меня считают погибшим. А потом я случайно встретил хирурга из госпиталя, куда нас в то утро привезли, и узнал, что лейтенант Юрьев не дожил до полудня. Перед смертью он ненадолго пришел в себя, подозвал врача, едва двигая губами, прошептал: «Передайте в штаб... Дон-Кихот задание выполнил».

И, уже теряя сознание, повторил:

— Дон-Кихот... выполнил.

Какое это было задание, я так и не узнал».

Генька хмуро уставился в пол. У Оли подергивались губы.

Когда вошел Эрик Сергеевич, никто не решился заговорить первым. Тренер подошел поближе, сел на низкую скамеечку рядом с ребятами:

— Фотография с собой?

И показал на снимке высокого худощавого человека с острым кадыком и пристальным взглядом:

— Наш лейтенант.

— Дон-Кихот? — спросила Оля.

— Не знаю. При мне его так не звали. Ни разу.

Генька поднял голову:

— А он вам ничего не говорил о пушке?.. О «Большой Берте»?

Тренер удивленно пожал плечами.

— Понимаете, очень уж все совпадает! Вас когда перевели в разведгруппу?

— Одиннадцатого августа.

— Так! А восьмого или девятого Штабфронт дал задание насчет «Берты» — это мы точно знаем. И потом: вас встречали разведчики рабочей дивизии, а пушка стояла в ее полосе...

— Постой! — перебил Эрик Сергеевич. — Постой! Ты говоришь — пушка? Теперь я припоминаю — к Игорю перед рейдом зачастили пушкари. И в штабарт он каждый день ходил. Только, — он осекся, — если даже и так — что же дальше?

— А розовые листки? — неожиданно спросила Оля. — Что это было?

— Это листовки. Наши. Для просвещения немцев. И еще кое для чего! — Эрик Сергеевич усмехнулся. — Бывало, надо что-нибудь передать через фронт, ну и вставляли между строк. Другие прочтут — не поймут, а нужный человек — сообразит.

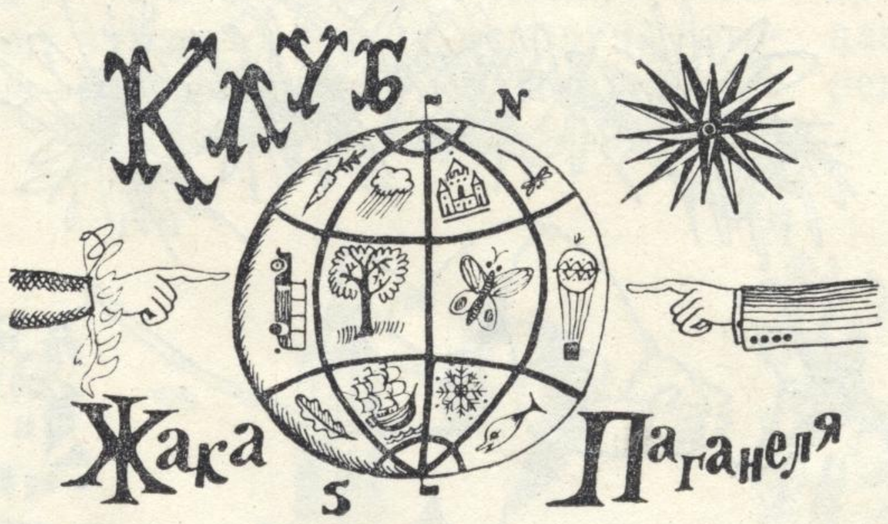
— А если б листовки к нему не попали?

— Должны попасть! Во-первых, забрасывали в назначенный квадрат. А потом на них адрес был.

— Адрес? — недоверчиво протянула Оля.

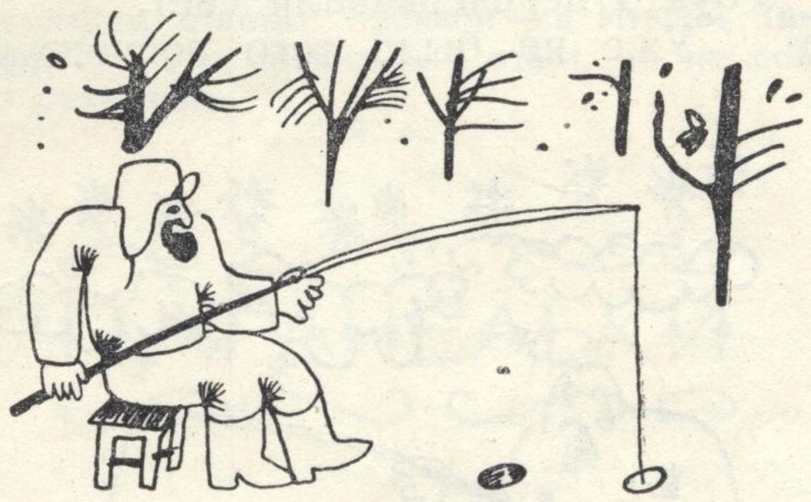
— Точнее — обращение. Скажем: «Солдатам такого-то полка!» Конечно, большинство листовок сдавали начальству, но несколько штук всегда шли по рукам. И доходили до кого надо.

Впрочем, я отвлекся. Вы ведь спрашивали о пушке... Может, она имела отношение и к этому делу, но мы ее не видали. Могу поручиться.



Быть свидетелем визита таинственного гостя из межпланетного пространства! Кто не мечтает об этом?

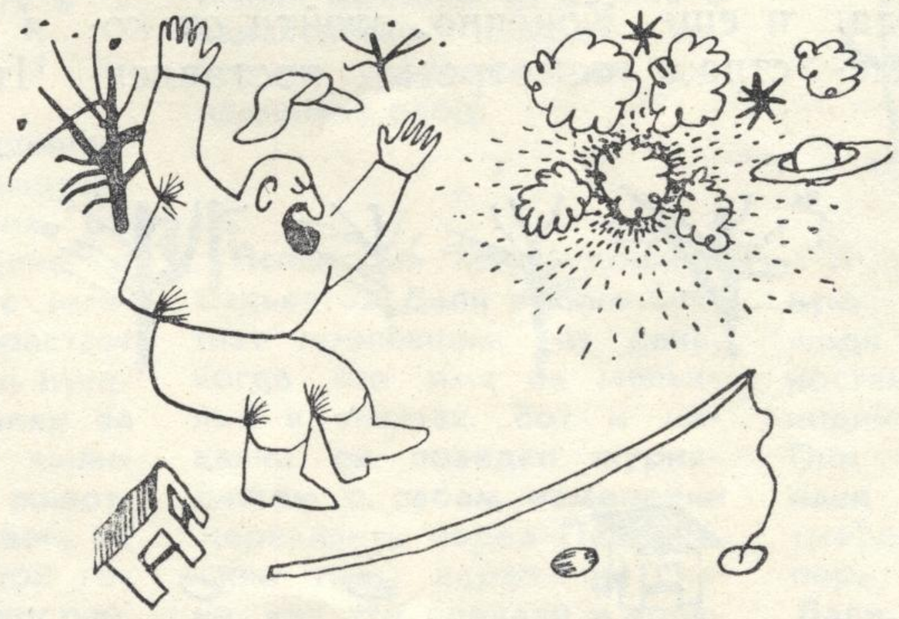
Думаете, обязательно надо ехать куда-то в удивительно далекие места? Я угадал? Не торопитесь отвечать, послушайте-ка лучше рассказ-быль рыболова-любителя, записанную писателем **Н. Шѓориным.**



«...Часа в три пополудни 19 ноября 1966 года приехал я на реку Ветлугу.

Место, как говорят у нас, «насиженное». Я люблю рыбачить метрах в трехстах ниже устья речки Красницы, при впадении ее в реку Ветлугу. Здесь старый большак, пролегающий с севера от станции Шарья на Горький, жмется к самому берегу. На берегу стоят высоченные осины. В полукилометре ниже по течению Ветлуги — деревня Пустошка, выше — небольшой поселок лесорубов Красница. Место для рыбалки красивое, окатый мысок далеко на юг врезается в реку. Возле него суводит. Ветлуга тут глубока. Рыба всегда есть. В берегу мною сделана землянка. Но ею я пользуюсь редко. Чаще отдыхаю и ночи провожу у костра.

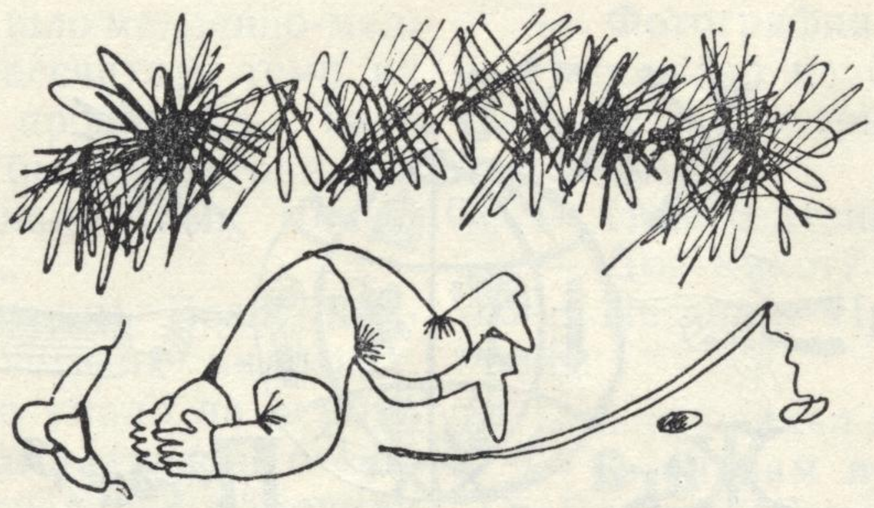
Не изменил я себе и на этот раз. Я продолбил пешней пять лунок. В них забросил донки. Конечно, хотелось бы отойти подальше от берега, но лед был тонок и отпугивающе потрескивал. На быстрине, на самой середине реки льда вовсе не было. Там в продолговатой полынье тихо клекотала вода. Сухие дрова у меня запасены летом. Костер раскладываю я в нише, под берегом. Часов около семи вечера передо мной бойко горел мой спутник. Под его мурлыканье я закусил и придремнул. Сколько времени дремал? Не скажу.



Вскочил от сильного взрыва. Мне показалось, что там, на берегу за осинами и большаком, разорвалась граната: настолько силен был этот взрыв. Я стал оглядываться: что бы это такое могло быть? День был тихий, пасмурный. Плотные седые облака низко стлались над Ветлугой и, казалось, зацепившись за высоченные вершины сосен прибрежных деревьев, не двигались. Ночь пала темной. Я ничего не понимал...

Вдруг позади меня, снова над левым берегом реки, на котором я находился, справа и слева от меня появились два отчетливо свистящих звука. Словно два дальнобойных снаряда со страшным свистом понеслись поперек реки, к югу. В лесу, за рекой, они где-то сошлись, а гул от них слился в единый противно вибрирующий вой. На фронте мне пришлось быть от «начала» и до «конца». И эта темная ночь быстро воскресила ту обстановку. Мозг заработал, сравнивая звуки. Я невольно опустился возле костра,

закурил и, теряясь в догадках, мучительно искал ответа: что такое?



А справа, за рекой, в лесу появились равномерно-методические звуки, которые можно сравнить с гулом перекатывающихся мерзлых бревен, когда их грузят на автомашину или на железнодорожную платформу. Упадет бревно и откатится. Снова упадет и снова откатится.

Я еще осмотрелся. Небо, плотно укутанное облаками, будто опустилось ниже. Тишина прежняя. Темень за костром сгустилась до ощутимой синевы.

В это время над рекой и лесом облака разом раздвинулись, словно невидимая рука отжала их, и они, легкие, быстро поднялись вверх, потеряв вес. На берегу, у костра, у кромки льда — повсюду стало светло, как днем.

Выше леса и над Ветлугой завыли снаряды. К юго-западу от меня на небе появился огромный огненный пучок. В нем рвались мины. Оттуда неслись осколки: «вжвить, вжвить, фюить, фить...»

Через минуту все стихло. Небо потемнело, приняло прежнее, чуть блеклое свечение.

...Постепенно стал нарастать ровный фосфорический свет. Он лился неизвестно откуда. Точно фантастических размеров прожектор из недосягаемой глубины реки освещал поддоны низких облаков, а они еще к тому светились сами, и этот отраженный свет делал ночь белесо-светлой даже у костра.

Ночи больше не было. Лес загудел. И по тонкому осеннему льду, у того берега Ветлуги, с большой быстротой пронесся эскадрон. «Чек-чек-чек-чек-чек», — ровно выбивали копыта лошадей. Гулко им вторил звонкий лед. Потом снова все стихло. Лишь было заметно мерцанье неба. Теперь по нему будто передергивали свет.

Уже не было того ровного

льющегося отражаемого мягкого свечения, а была игра еле различимых сполохов.

Прошло несколько времени. Первое ощущение страха у меня миновало, схлынуло. Я чувствовал теперь непреоборимую страсть видеть это еще и еще. Конечно, отойти от костра, осмотреть поставленные рыболовные снасти я не решался. Сидел, наблюдал.

И опять. С того берега реки, к югу, понесся ржаво-завывающий звук, все убыстряющийся, разрастающийся... Окончился, словно оборвался на полуноте. А по тонкому льду снова загарцевали всадники. И я понял, что на лед с большой скоростью падали осколки рвущихся снарядов и мин, сыпались пули: «вэи-у-у, фить, чек-чек-чек». Я невольно обратил внимание на свои лунки, в которых покоились донки. И заметил: над лунками пронеслось маленькое круглое облачко. Белесое, оно, казалось, катится. Пролетая над последней лункой, облачко выстрелило, хлопнуло и разлетелось. За ним покатилось следующее. И так несколько раз.

— Ох, ты! — не успел произнести я, как там, на быстрине, где беспечно клекотала вода, послышался сильный всплеск, точно шалун-малец бросил в воду порядочную по размерам гайку.

Таков был булькающий звук.

— Да что же это такое было? — терялся я в догадках, вытаскивая снасти и поглядывая на небо. И ничего не мог придумать. Донки были пустыми. Сматывая последнюю, я вдруг ощутил толчок. «Ага! Что-то есть!» — обрадовался я и осторожно стал выводить рыбину. И когда выбросил на тонкий лед полукилограммового налима, подсознанье сработало: «Космический», — воскликнул я от радости. И тут сразу все стало на свое место: ночью я был свидетелем удивительнейшего зрелища — мете-

оритного дождя. О нем я слышал по Центральному радио, но сразу определить как-то не сумел.

На следующее лето я обязательно поищу осколки, которые сам видел, где падали. Это же очень интересное явление природы, которое, может быть, дано наблюдать людям крайне редко.

ВОПРОС ПАГАНЕЛЯ ЮНЫМ ЧЛЕНАМ КЛУБА:

Где протекают реки Рубикон, Темза и Конго?
Каждый, разумеется, ответит: Рубикон — в Италии, Темза — в Англии, Конго — в Африке. Это правильный ответ, но не полный. Напишите, где еще текут реки-тезки.

ПАГАНЕЛЬКИ

В XVI—XVII веках в Россию зачастили гости-иноземцы. В их путевых записках, в придачу к сведениям, достойным веры, читатель исправно проглатывал множество небылиц, достойных удивления, и только.

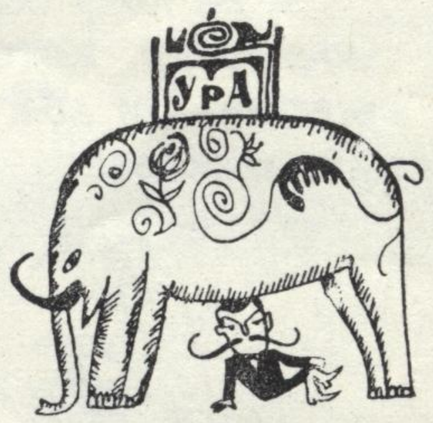
Не в одном старинном описании России отыщется страничка с рассказом об одном и том же диве, о редкостном овоще с именем баранец. Произрастает тот баранец, — писали путешественники, — в степях за Волгой. С виду это вылитый ягненок, не то животное с корнями и ботвой, не то растение с рогатой головой и кудрявой шерстью. День-деньской баранец пощипывает травку, лежа на боку. А ходить — не ходит, копыт ему природа не дала. Мясо баранца — прямо тает во рту. Вкусом оно напоминает печеного рака, цветом — рубин. Мех идет на шубы и шапки.

Лакомки тех времен сулили огромные деньги тому, кто доставит баранца к их столу. А ученые нашего века до сих пор не могут взять в толк, отчего приключилась такая путаница сразу во многих головах и каким образом от слухов о каракулевых шкурках и... арбузе уродился этот диковинный плод.

* * *

Испанский художник Сальватор Дали втайне считает пропавшим тот день, когда его имя не мелькнет в газетах. Вот и недавно он поведал журналистам о своем намерении перевалить через Пиренейские горы верхом на слоне, как это сделали в древности карфагенские слоновые отряды под водительством отважного Ганнибала.

Всему миру известно, что за человек этот Дали: скоморох, тартарен, сочинитель несбыточных планов. Однако в числе немногих, кто принял всерьез его новую причуду, оказались люди с большими возможностями — руководители индийской авиакомпании. Они нашли любопытным план художника и взялись снабдить его слоном. Теперь дело за Сальватором Дали.



КАК ЕГО ЗОВУТ?

Композитор А. Островский вспоминал:

«Очень часто ребята спрашивают меня: «Как вы сочинили песню «Пусть всегда будет солнце»!.. И я рассказываю, что прочитал в газете праздничный отчет о первомайской демонстрации. В нем рассказывалось про самодельный плакат, который нес какой-то мальчик. На плакате было нарисовано солнце, небо, маленький человечек и написано кривыми буквами: «Пусть всегда...» и так далее.

Таким образом, песня начиналась с припева. Потом уже поэт Лев Ошанин написал основной текст песни в ее теперешнем виде».

Значит, совершенно ясно, что слова припева — идейного стержня песни — не принадлежат Ошанину. Кто их автор?

Судя по всему, плакат, о котором говорилось в газете, не был самодельным, — это был плакат художника Николая Чарухина, созданный им в 1961 году, или копия с него.

Говорит художник Чарухин:

«Когда мне предложили нарисовать плакат о мире, я вспомнил, что когда-то записал в своей записной книжке слова из книги Чуковского «От 2 до 5»: «Пусть всегда будет солнце...», и решил ими воспользоваться. А так как слова были сочинены ребенком, то и с плаката их должен был произнести малыш».

Итак, художник знает и помнит своего «соавтора». Кто же он, маленький помощник Чарухина, Островского и Ошанина?

Говорит Корней Чуковский:

«Вот, например, гениальный анапест четырехлетнего мальчика, которому только что объяснили слово «всегда»:

Пусть всегда будет солнце,
Пусть всегда будет небо,
Пусть всегда будет мама,
Пусть всегда буду я!»

Ниже в книге «От 2 до 5» следует ссылка: см. журнал «Родной язык и литература», стр. 179, № 4—5, 1926 г.

Вот фотоснимок этой страницы.

Говорит автор статьи, К. Спасская:

Я не хочу быть голословной и привожу стихи маленького четырехлетки, которому только-что объяснили, что значит слово «всегда». Он долго бегал по дорожке, а потом подбежал к своей маме и сказал:

Пусть всегда будет небо,
Пусть всегда будет солнце,
Пусть всегда будет мама,
Пусть всегда буду я.

А теперь говорит редакция «Костра»:

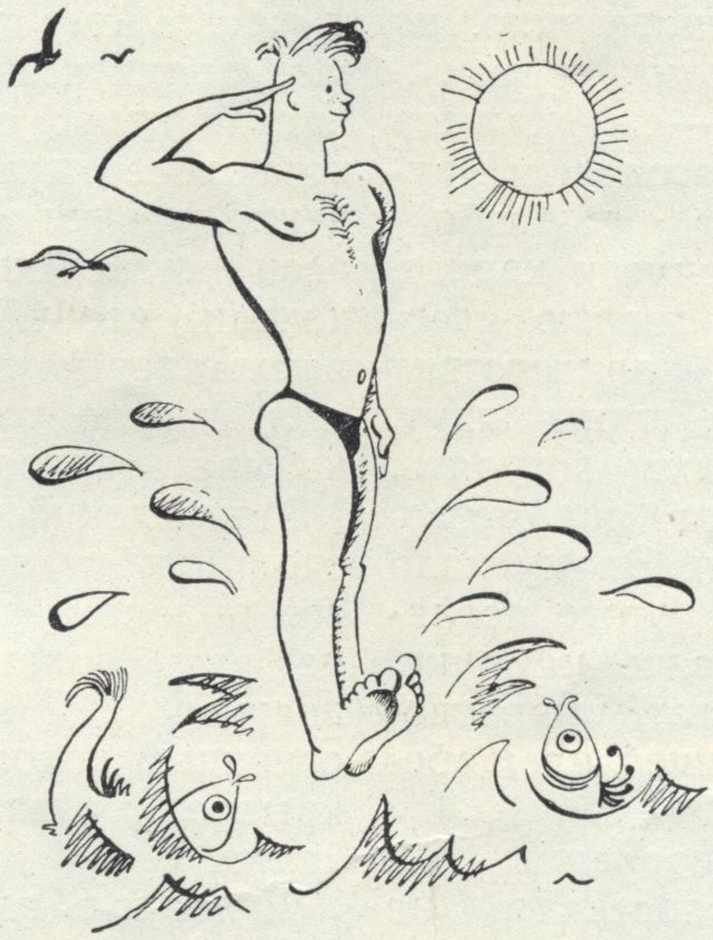
АВТОР ПРИПЕВА ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНОЙ И НЕ РАЗ ПРЕМИРОВАННОЙ ПЕСНИ ДО СИХ ПОР НЕИЗВЕСТЕН. СЕЙЧАС ЕМУ ДОЛЖНО БЫТЬ ОКОЛО СОРОКА ЛЕТ. МОЖЕТ БЫТЬ, ЗДРАВСТВУЕТ И ПЕДАГОГ К. СПАССКАЯ? ПУСТЬ, ЕСЛИ ТАК, ОНИ ОТКЛИКНУТСЯ. МЫ ХОТИМ ЗНАТЬ, КАК ЕГО ЗОВУТ!

Материалы собрал и подготовил к печати Ф. Арсеньев

Олег Григорьев
Рисунки И. Казаковой

ПИТЬЕВОЙ БАК

В бак налили кипяток.
Бак закрыли на замок.
Не поднять его никак,
Точно сейф, тяжел наш бак.
Сбоку кружка на цепи
—На, попробуй, отцепи.
Бак запаян, замурован,
Ввинчен в пол, к стене прикован,
Остается к баку
Привязать собаку.



МОРЯК

Молодой моряк в матроске
Вышел к берегу реки.
Снял матроску по-матросски,
Снял морские башмаки,
По-матросски раздевался,
По-матросски он чихнул,
По-матросски разбежался
И... солдатиком нырнул.

* * *

— Яму копал?
— Копал.
— В яму упал?
— Упал.
— В яме сидишь?
— Сижу.
— Лестницу ждешь?
— Жду.
— Яма сыра?
— Сыра.
— Как голова?
— Цела.
— Значит, живой?
— Живой.
— Ну, я пошел домой.

ЗООПАРК НА ДОМУ

А. Батуев

Фото автора

Меня часто спрашивают, как это я живу с двумя десятками обитателей в одной комнате? Не кричат ли они ночью, не будят ли утром. Нет, сплю я нормально. Только очень редко бывают «ночные тревоги». Уж не знаю, приснится ли что-нибудь страшное кому-то из попугаев, но вдруг я просыпаюсь оттого, что кто-то в страхе мечется. Через секунду паника охватывает и другие клетки. Я включаю свет. На меня смотрят испуганные глаза переполошившихся птиц. «Я здесь», — тихо говорю я, подходя к клеткам, — «не надо бояться». И хотя они не могут понять значения сказанных слов, но звук моего голоса и свет успокаивают птиц. Они усаживаются на жердочки и успокаиваются. Я гашу свет, и вскоре мы уже спим.

Как бы поздно я ни проснулся, ни один попугай, пока я сплю, не закричит. Они тихо спустятся к кормушкам и в полной тишине лущат подсолнух или грызут яблоки. Но вот я встаю, отдергиваю штору. Первым здоровается со мной жако Вова. «Доброе утро», — говорит он. Из спального домика выбегает лори Куконя и радостным «ви-ви» приветствует наступление дня. Амазоны Нора и Исаболь, следуя традициям отцов и дедов, пронзительно кричат, возвещая, что они проснулись, а амазон Лора, спавший на печке, с шумом вылетает из своего укрытия и, покружившись по комнате, за неимением пальмы или секвойи, садится на картину. Обезьяна Тиша лениво жмурится, зевая.

Попугаям еще с вечера насыпан зерновой корм, но лори, майне, горихвостке каждый раз надо давать свежее.

Горихвостка Мурзилка вертится около передней стенки клетки — ждет лакомства — мучных червей, а попугай Жако, увидев виноград, кланяется и говорит басом «Жаа-ко-о», это он просит винограда. После уборки в клетках мы с Тишей отправляемся завтракать. Она ест все — хлеб с маслом, булку, жареный картофель, пельмени и даже соленые огурцы. Но надо идти на работу. Я беру Тишу и несу в клетку.

Когда я возвращаюсь домой, в моей комнате тихо, но стоит вставить ключ в замочную скважину — и комната оглашается многоголосым приветствием. Чика по-разбойничьи свистит, попугаи кричат, обезьяна стучит дверью клетки. К счастью, приветствие длится недолго. Птицы ждут, чтобы их выпустили погулять, приласкали, дали лакомство. Открываю клетки. Этому надо почесать голову, этого погладить, третьего взять на руки. Наконец наступает умиротворение, и мы с Тишей идем обедать.

Все обезьяны сорванцы. Думаете, можно поставить на стол тарелку с горячим супом, если в комнате обезьяна? Да она обязательно эту тарелку кувырнет, ошпарится. Но Тиша исключение. Горячий суп стоит на столе, Тиша сидит рядом и терпеливо ждет, пока ее угостят. Если она начинает подвигаться к тарелке, мне достаточно тихо сказать «вернись, пожалуйста», и Тиша, скроив унылую гримасу, возвращается к своему подносику.

Я так привык к своей четверорукой приятельнице, что могу без помехи читать и писать, пока Тиша дремлет у меня на коленях. За годы знакомства мы ни разу не поссорились. Никогда она не оттопырила на меня свои уши и не раскрыла рот, что является у обезьян выражением злобы и угрозы, а об укусах и говорить нечего. Если ей что-либо кажется обидным, она хватает себя за ногу и кусает за пятку. Это значит, что она недовольна. Вечером я опять убираю клетки, кормлю и обучаю своих пернатых друзей.

«Попочка-попугай», — говорит просительно попугай Вова. Приходится прерывать уборку и «чесать ему голову», но стоит мне приняться за работу, как хитрая птица опять топорщит на голове перья и еще более нежным голосом повторяет свои магические слова. Если хочешь, чтобы попугай легко вызывался на разговор и говорил именно то, что надо, отказывать в поощрении нельзя.

Молуккский какаду Джонни очень любит ласку. Я угощаю его яблоком, а он кладет мне на руку голову. Ну как тут поступить? Я ерошу огромный огненный хохол, а Джонни закрывает глаза от удовольствия.

В полночь гаснет свет. «Спокойной ночи», — проникновенно говорит Вова. «Спать, спать», — вторят Куконя и Корелла. Я ухожу и еще работаю до двух-трех часов ночи.

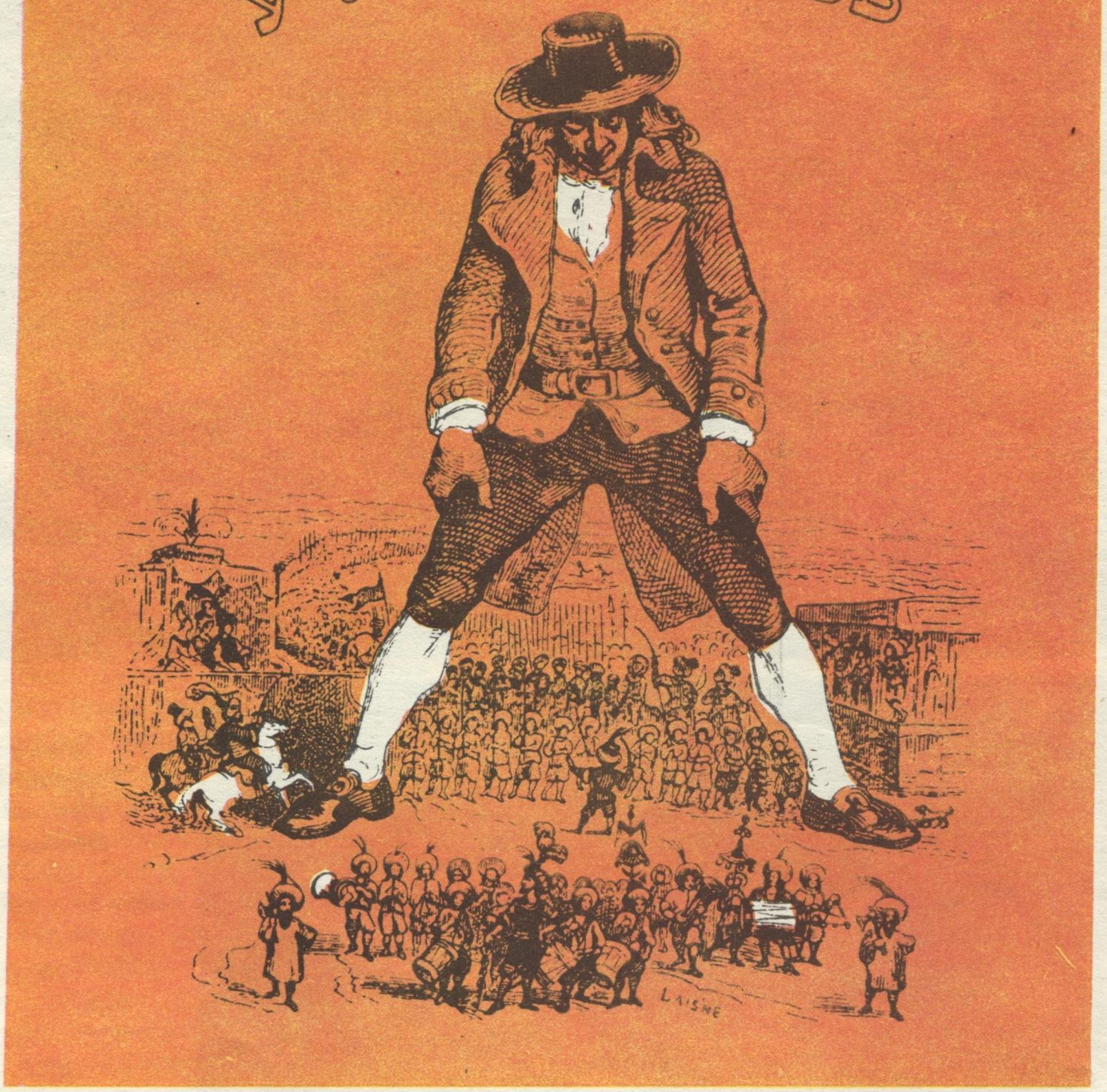
Когда я возвращаюсь, то уже не зажигаю свет, но и в темноте Вова ухитряется поймать меня за рукав клювом. Поразительная привязанность, даже в полусне он ищет мою руку. Тиша тоже обязательно окликнет меня. Услышав мои крадущиеся шаги, она радостно причмокнет губами, приходится и мне ответить тем же.

Я ложусь, и наступает тишина, только временами слышится какое-то движение — проснулся тушканчик Тувик — он бодрствует по ночам.

Рекордсмен среди говорящих попугаев лори Куконя. В его словаре больше ста слов

Макака Тиша со своей кукл

ГУЛЛИВЕР
У ЛИЛЛИПУТОВ



Рисунки
Жана Гранвиля

ГУЛЛИВЕР В СТРАНЕ ЛИЛИПУТОВ

Лев Успенский

Он родился триста лет назад в Дублине, в Ирландии, угнетенной англичанами. Он явился на свет человеком с гениальным умом, с пламенным сердцем бойца, с великим талантом художника слова, с жадным и неукротимым честолюбием в душе.

Но родился он в угнетенной стране, в бедной семье. Все пути к славе, к счастью, к тем огромным деяниям, о которых он скоро начал мечтать, были для него отрезаны.

Первые годы он рос почти что из милости в семье своей кормилицы, женщины еще более «низкого» происхождения, чем его мать и отец.

Потом его подобрали какие-то состоятельные родичи. Он кормился у них как нахлебник и должен был выносить все — попреки, брань, насмешки. Он не мог отказаться от подаяния — надо было учиться.

Покровительство получужих людей позволило ему кончить школу и университет. Что же достается затем на долю гения?

Ему достается место секретаря у знатного, блещущего богатством и щегольством, ослепительными кружевами и бархатными камзолами, высокомерного вельможи Вильяма Темпля.

Место секретаря? Какого там секретаря! Этот секретарь обязан, как лакей, подавать своему хозяину его сорочки, сдувать пылинки с его плащей, склоняясь до пояса, вручать ему при выходах трости с драгоценными набалдашниками, кланяться, поддакивать и расшаркиваться, чтобы не потерять такое место... Секретарь-слуга, презираемый и жалкий.

И все вокруг шло точно так же. Были владыки мира — аристократы, собственники огромных земельных угодий; в их руках была почти вся власть в стране. Были и преуспевающие торгаши — купцы. Они тоже стремились к власти, и жадные руки их загребали с каждым днем, с каждым годом все большую и большую долю богатств. Джонатан Свифт не принадлежал ни к тем, ни к другим. А быть в числе униженных, нищих, кровавыми слезами плачущих под гнетом сильных, он не хотел...

Джонатан Свифт

В те далекие годы не было ни ежедневных газет, ни журналов. Каждый мог за свой страх и риск писать и печатать все, что он думал, о жизни, о государстве, о религии... Мог? Конечно, мог, если не боялся, что его узнают, что его статьи или романы прикажут сжечь на площади, а его самого, как автора «Робинзона Крузо» Даниэля Дефо, поставят у «позорного столба». Свифт не испугался. Вращаясь среди знати, он видел, как чванились придворные, как они лгали, воровали, угнетали и разоряли народ, как дрались и интриговали в парламенте, кляузничали в судах, одуряли в церквях простой люд. Свифт не мог молчать, видя, как глупость, жадность, подлость вознаграждаются, а честность, прямота, благородство втаптываются в грязь. И он стал писать. Но как?

Каждый его новый памфлет — остро отточенная ядовитая статья, каждая новая книга — это пощечина подлецам и дуракам. Он обрушивал на своих противников огонь такого свирепого остроумия, яд такой жгучей насмешки, каких не знало еще человечество.

Его стали бояться. Он стал вызывать трепет у министров и вельмож. Он примкнул к одной из тогдашних партий, к партии тори, и стал ее мозгом, ее душой.

Высокий, красивый, с глубокими темно-синими блестящими глазами, в темной сутане католического священника, он входил в кабинеты министров, в салоны высокородных лордов, высоко держа свою прекрасную голову, и каждое его слово раболепно выслушивалось...

Но так длилось три года. А потом тори потеряли власть. Свифту пришлось уехать из Лондона в Дублин, сделаться настоятелем захолустного собора в угнетенной стране...

Тут он по-новому столкнулся с нищетой и рабством своего — ирландского — народа. Горькой и желчной ненавистью он возненавидел английских владык. За недолгий срок он стал кумиром Ирландии — с такой яростью, с таким неистовым пылом бичевал он ее кровопийц... Но даже великий литературный талант не мог в те времена перевернуть историю, изменить ее течение...

Всю жизнь Джонатан Свифт чувствовал себя неудачником. Он, подобно доктору Лемюэлю Гулливеру, созданному его гениальной фантазией, был привязан презренными человечками-лилипутами за волосы — за каждый отдельный волосок — ко вбитым в землю колышкам. И вся его сила, вся великая мощь его таланта не могла разорвать этих подленьких пут.

Великий сатирик Свифт написал много буйных памфлетов, злых обличений, неистовых полемических статей. Его гений делает их и для нашего времени образцами яростной сатирической литературы—ничего более остроумного и более злого никогда не писало перо, зажатое в пальцах человека.

Но одна из его книг живет и сейчас не только как памятник прошлого, но как произведение, которое читает каждый образованный человек, как книга, любимая и взрослыми и детьми. С нее и в XX веке мы начинаем свой книжный путь. Это, конечно, «Путешествия Гулливера».

Все вы, как и я, в раннем детстве читали «Гулливера». Мы думали при этом: «Ишь, какая увлекательная, остроумная, веселая сказка. Все — выдумка, а как похоже, будто все правда!»

А «Путешествие» — не сказка. «Путешествие» — это та самая насмешка, злая, острая, беспощадная, которой гигант, гений, только и мог отплатить мирку карликов, связавших его по рукам и по ногам.

Помните короля лилипутов — Голбасто Момарема Гурдилло Шеффин Мулли-Уллигу, могущественнейшего повелителя, блаженство и ужас вселенной, владыку, упирающегося пятóй в центр Земли, а теменем достигающего Солнца? Какая уж тут сказка! Так именно титуловали себя короли всех королевств мира, карлики, живущие за счет страха подданных, ничтожества, способные только пить соки народов, ничего не давая им взамен. Нет, это не детская сказка, это злая сатира на Англию, на современный Свифту мир.

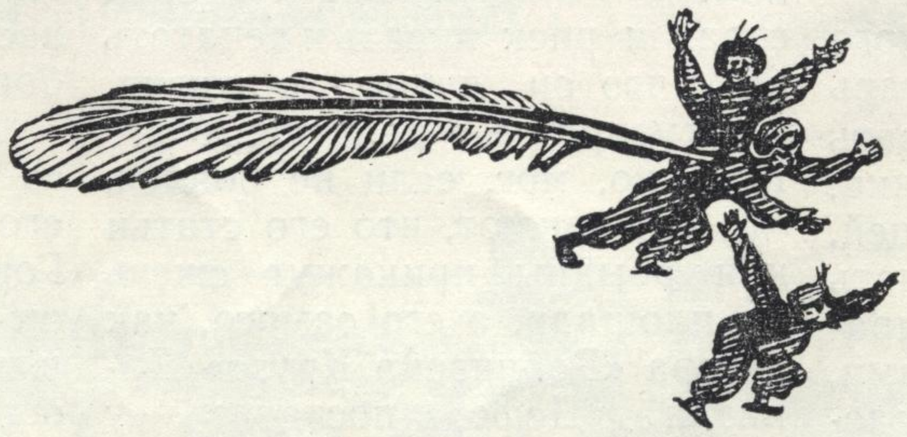
А знаменитые ученые из страны Лапуты — тот, который всю жизнь добывает солнечный свет из огурцов, тот, который окрашивает паутину во все цвета радуги, не задумываясь о том, как сделать ее прочной? Свифт изображал шарлатанов своего времени, тех, для кого наука только способ добыть себе жалкие подачки вельмож, кто ни на миг не задумывался о жизни, о ее законах, о нуждах людей...

Как ни думай о Джонатане Свифте — рисуется всегда один и тот же образ: могучий человек, тяжко простертый на прибрежном песке, с головой, крепко притянутой к земле тысячами тонких, но непреодолимых нитей, всем телом рвущийся и бессильный вырваться из плена ничтожных людишек, страдающий и мучающийся именно от горького сознания своего бессилия...

Свифт прожил на свете семьдесят восемь лет, ненавидимый одними, обожаемый другими (в первую очередь — своими ирландцами). Жизнь сделала его нелюдимым, мрачным человеконенавистником. Родина всю жизнь мучила и пытала его, и вокруг себя он не видел никакого просвета, не верил, что когда-нибудь люди станут непохожими на грязных, глупых, подлых полуобезьян-иеху, что когда-нибудь станут такими же мудрыми и благородными, как его любимцы кони-гуингнмы, свободолюбивыми, добрыми, честными существами.

Если бы он родился в наше время, мы сказали бы ему: посмотри на нашу страну и ты будешь думать о человечестве иначе.

Но он родился триста лет назад. Он был очень несчастным и очень большим человеком. Он жаждал справедливости и счастья для всех. И мы почтительно вспоминаем о нем в дни его трехсотлетнего юбилея.



ШКИПЕР И ЧЕРТ, ПО ПРОЗВИЩУ СТАРЫЙ ЭРИК

НОРВЕЖСКАЯ СКАЗКА

Жил когда-то в Сокнадале шкипер Арне. Плавал он по всем морям на своей шхуне, и во всем была ему удача. Дальше его в море никто не ходил, и всегда был ему попутный ветер; поговаривали даже, что куда повернет он свою зюйдвестку, туда и ветер дует.

Плавал так Арне много лет, лес возил. И деньги он загребал большие. Но никто ему не завидовал. Люди любили шкипера, как брата. Он помогал в Сокнадале всем и каждому, и корабельщиков на своей шхуне тоже не обижал.

Вот плывет он однажды по Северному морю домой. Плывет на всех парусах. Будто кто за ним гонится. Только от того, кто за ним гнался, не убежишь. А был это страшный черт, по прозвищу Старый Эрик. В прежние времена, когда шкипер и все сокнадальцы в бедности жили, решил Арне землякам помочь и договорился со Старым Эриком. Ну, а какой с чертом договор — сам знаешь: за деньги и удачу подавай ему взамен душу!

Вот и настал тот самый день, когда договору срок вышел.

Однако не хотелось Арне к черту в лапы. Ой, не хотелось. Ломал он голову, ломал, и вот что надумал. Поднялся он на палубу, глянул на море: нет, не видно еще Старого Эрика. Кликнул тогда Арне корабельщиков и говорит:

— Спускайтесь живо в трюм да сделайте две пробоины в днище. А как вода в трюме пробоины закроет, несите насосы и вгоните их в дырки поплотнее.

Подивились корабельщики:

— Чудна́я работенка!

Но все сделали, как шкипер велел: две дырки в днище пробили и насосы поплотнее приладили.

Только кончили работу, только успели стружки за борт кинуть, поднялась буря, закипело море, закачалась шхуна. Примчался с ветром Старый Эрик. Схватил он шкипера Арне за ворот, а тот ему и говорит:

— Стой, хозяин! Спеши, да не торопись. Договор помнишь? Не ты ли обещался, что на шхуне никогда течи не будет? Обманул! Посмотри — трюм водой залит, вода в насосах на семь футов стоит! А ну, выкачивай воду, дьявол! Выкачаешь досуха — тогда и бери мою душу.

Черт туда-сюда, а делать нечего. Принялся воду выкачивать. Качает, качает, пот с него ручьем так и льет. Да все без толку: вода в трюме никак не убывает. Устал черт, вовсе из сил выбился, и едва живой поплелся к своей прабабке чертовке отдыхать.

С тех пор и оставил он шкипера в покое. И коли Арне еще не помер, то, верно, и по сей день по морям плавает. Куда свою зюйдвестку повернет — туда и ветер дует.

Пересказала Л. Брауде
Гравюра А. Овсянникова

В редакцию пришли путешественники

ПУТЕШЕСТВИЕ В НУРАТУ

В. Арро

Рисунки Е. Захарова

В Нурату легче всего попасть так: разыскать в самаркандском аэропорту летчика Федю и спросить у него:

— Федя, Нурата принимает?

И хотя будет ясная солнечная погода, и видимость свыше десяти километров, и ветер — четыре метра в секунду, летчик Федя подумает и ответит:

— Знаешь, что-то у них там грунт мягкий... Но ты посиди.

Наконец, объявят посадку на Нурату. Вы пойдете в кассу, спокойно и неторопливо, так как вслед за тем, как вы купите билет, радио еще долго будет выкрикивать: «Есть оставшиеся билеты на Нурату!»

Два оставшихся билета так никто и не купит, поэтому вы держитесь поближе к летчику Феде и почаще поглядывайте на часы. Тогда через несколько минут он скажет:

— Ну, не хотят и не надо!.. Полетели!

И вы с ним пойдете и сядете в самолет.

Если АН-2 похож на большую упитанную стрекозу, то ЯК-12 — на комарика. В нем впереди два места и сзади два.

Летчик Федя проследит, хорошо ли вы закрыли за собой дверцу, а то ведь это ему придется отвечать, если вы вывалитесь на вираже в пустыню.

Он возьмет в руки рычаг, выслушает необходимые команды, скажет еле слышно «вас понял», и вы не заметите, как подниметесь в воздух.

Ветер будет дуть во все щели, но ничего не попишешь — скорость есть скорость, вас будет болтать и

трясти во все стороны, но ничего не поделаешь—турбулентное движение воздуха есть турбулентное движение воздуха...

Но утешайтесь и крепитесь, не пройдет и часа, как покажутся плавные, шоколадного цвета горы и около них — пунктиром — ряды светлых крыш.

* * *

Нурата — это один из древнейших поселков, которому Советская власть дала все: электричество, полную радиофикацию, пять школ, две больницы, две библиотеки, одну районную газету, дом культуры и еще много чего.

Раньше в Нурате грамотных было из ста человек — двое, а теперь из нуратинских отличников уже получилось шесть кандидатов наук: философ, востоковед, химик, историк, археолог, биолог и почвовед. А живет в Нурате всего-то пятнадцать тысяч человек, столько, сколько, скажем, в одном городском квартале.

Но, конечно, не только ученых растит и воспитывает Нурата. Району нужны сотни зоотехников, агрономов, врачей, учителей и просто грамотных и культурных работников.

Грамотные и культурные работники есть везде, а где еще нет, то обязательно будут. А я расскажу сейчас о том, чего нет и не будет нигде, кроме как в Нурате.

* * *

Я шел по горячей и сухой нуратинской улице. Навстречу мне попалось несколько школьников, которые, поравнявшись со мной, сказали «здравствуйте», проехал возчик хлеба, погоняя осла постукиванием одной палочки о другую, прошла пожилая женщина, пряча лицо. Но это все тоже можно увидеть в любом кишлаке.

На мосту, возле каменного арыка, стояло несколько человек. Я тоже подошел и стал смотреть, как течет вода. И вдруг я увидел стаю, нет, не стаю, а стадо крупных красивых рыб! Они спокойно плыли в голубоватой воде, расходились, соединялись. Люди бросали им куски лепешек и сыпали семечки, и тогда вода в арыке начинала бурлить. Это было похоже на то, как люди кормят голубей на площадях наших северных городов.

И в то же время это было ни на что не похоже!

Я вспомнил самых терпеливых и самых незадачливых рыбаков в мире с берегов моей дорогой Невы.

ХАРМФОНА

Валерий Воскобойников

Надо сказать, что этот день в Самарканде был выходным. В парке на скамейках отдыхали люди. В чайхане пили зеленый чай из пиал, в мороженом ели с вазочек мороженое. В нежаркой тени дымились черные котлы. Вокруг котлов ходили огромные люди в белых передниках — пловщики. Они варили плов и помешивали его большими черпаками.

Еще готовили шашлык на жаровнях. Шашлык готовят только мужчины. Это считается очень серьезным делом — равномерно поджарить кусочки баранины, нанизанные на металлический прут. Мясо здесь жарится не на сковороде, нет — оно жарится прямо над углями. В длинном узком корыте — жаровне — тлеют угли. Пусть попробует хоть один запылать — шашлычник тут же польет его уксусом: не жги мне мясо. И уголь шипит, начинает тлеть. Шашлык нужно вовремя перевернуть, вовремя побрызгать на него тем же

Я вспомнил электрички, переполненные энтузиастами подледного лова. Я вспомнил писателя Сергея Вольфа, который в минуты отчаяния спрашивает: «Ну, где рыба, где?»

Рыба была тут, и это еще была не рыба!

Один старый узбек подошел ко мне и, поигрывая ключиком, сказал:

— Пошли?..

* * *

Мы прошли вдоль арыка к каким-то воротам, старик отпер их, и мы очутились в большом зеленом дворе. Здесь стояли две полуразрушенные мечети. Старик вел меня между молодыми деревьями и без хвастовства объяснял:

— Сам посадил!..

Затем, молодо прыгая по каменным лесенкам, он подвел меня к белой плите и, следя пальцем справа налево, стал читать. Он читал по-узбекски и немного переводил. Так я понял, что у человека, о котором шла речь, лицо было красивое, как луна, и жил он открыто. Душевный был человек.

Старик провел меня еще дальше, и внизу, под стенами мечети, мне открылся большой прямоугольный водоем. Дно у него было выложено белым камнем, поэтому толща воды была голубой. К водоему вели каменные ступени. В одном его конце виднелся грот. Оттуда, из таинственного и прохладного подземелья, с шумом вытекала прозрачнейшая ключевая вода.

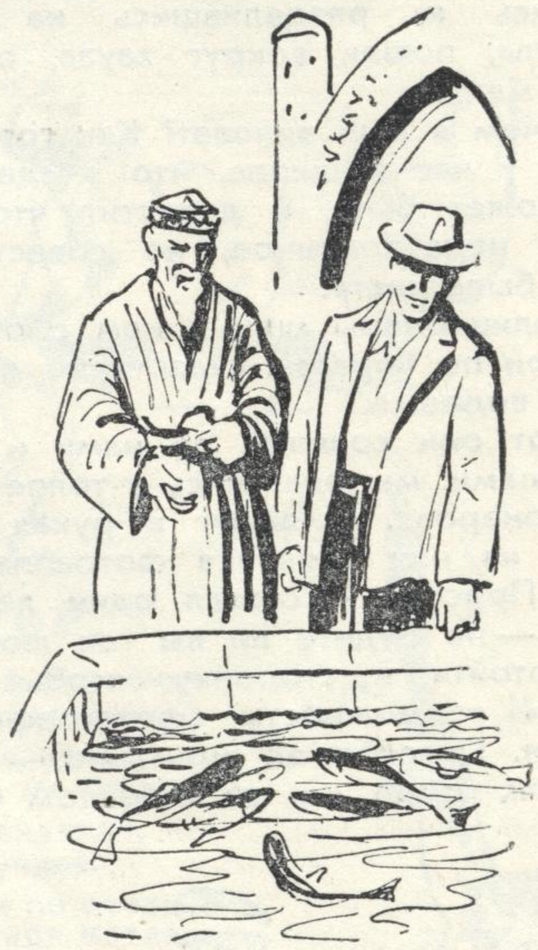
Старик достал откуда-то пиалу, зачерпнул воды и, когда я ее выпил, спросил озабоченно, будто владелец винного погреба:

— Ну, как?

Что я мог сказать этому доброму человеку, кроме «якши»?

Но я нарочно петляю между деревьями, старинными надписями и ключевой водой. Мне просто кажется, что вы не поверите, что весь водоем, а по-местному — хауз, снизу доверху был полон рыбы. Меж толстыми черными, серыми и синеватыми рыбьими спинами только местами проглядывало белое дно.

— А ну-ка! — сказал старик и достал из-под халата лепешку. Он разломил ее и половину дал мне.



Мы бросали куски в воду, и на ее поверхности поднялась буря. Рыбы метались, выпрыгивали, чавкали, желая ухватить кусок лепешки.

— А один больной, — сказал старик.

— Где?

— А вот.

И я увидел у самого берега большую и грустную рыбу, которой было не до еды.

* * *

Вдруг на берегу хауза появился милиционер. Он встал на камнях, как памятник, и стал сверху глядеть на нас. Это был обыкновенный сержант милиции, который мог нас за что-нибудь оштрафовать. Неожиданно рядом с ним появился старшина, потом два лейтенанта, за ними старший лейтенант, потом капитан и, наконец, вышел майор милиции. Они посове-

---

уксусом, чтобы стал нежным, и нужно хорошо присыпать пряностями, чтобы, как съешь, стало жарко в животе.

Постоит так около жаровни самый сытый человек, потом еще на пловщика посмотрит, как отмеряет тот черпаком «от души» большие порции едокам, едоков этих еще увидит, аппетит их могучий, и готов — опять на еду потянуло.

Так же вот и случилось со мной. Остановился я около котла с пловом и стал смотреть на этот самый плов.

А вокруг котла люди — кто мясо режет, кто лук, кто овощи, кто уголь внизу ворошит, а кто истории смешные рассказывает, чтоб работалось всем веселее. Я и отвлек одного такого работающего.

— Что, плов не готов?

Посмотрел тот в котел, нет, говорит, не готов.

Я сел в тени, нащупал в кармане рубль. Ничего, думаю, подожду, пока будет готов.

А люди работают вокруг котла, пробуют общей ложкой, вместе смеются над своими узбекскими шутками. Я сижу в сторонке, в тени, тоже улыбаюсь из вежливости.

Вдруг один у котла что-то крикнул, и у каждого в руках появилась миска. А некоторые держали коллективное общее блюдо — леган. И стал тот, который крикнул, быстро-

щались и, разделившись на две группы, пошли вокруг хауза, окружая меня.

В чем я был виноват? Как говаривали у нас в школе, что я сделал? Я, может быть, и допустил что-нибудь недозволенное, но совесть-то моя была чиста!

Милиционеры шли к нам с обеих сторон по берегам сказочного древнего водоема.

Вот они сошлись за нами и перед нами, мы оказались в толпе милиционеров... И вдруг в руках одного из них появился фотоаппарат.

— Простите, — сказал один лейтенант, — не будете ли вы так любезны отойти в сторонку, чтобы мы имели возможность сфотографироваться. Спасибо за внимание, — сказал он, когда мы со стариком отошли.

Милиционеры по очереди вставали у самой воды, сержант бросал в воду горсть семечек, рыба бурлила и прыгала, и они делали один кадр за другим.

Еще раз поблагодарив нас, милиционеры скрылись.

— А ты разве не будешь меня фотографировать? — спросил старик.

* * *

Теперь пришло время рассказать о том, что это за чудесная рыба, которую никто не хочет ловить. Имя ее — маринка. Ее называют родной сестрой форели, но это неверно, она из семейства карповых, хотя любовью к холодной воде и формой тела действительно напоминает форель. В Нурате я видел полуметровых маринок, хотя говорят, что отдельные рыбины бывают по метру и весом до двенадцати килограммов.

Местные жители по древней традиции считают маринку священной рыбой. Рассказывают, что в прежние времена один «неверный» ослушался запрета, поймал маринку, зажарил и съел. И на другой день помер. С тех пор ее никто и не ест.

— Да это же очень просто объясняется! — воскликнули местные атеисты. — Действительно, в брюшине у маринки есть черная ядовитая пленка, ее нужно удалить и тогда рыбу можно спокойно есть.

Люди поверили, но все равно не стали ловить рыбу.

— Послушайте, стыдно ведь нам не ловить ее,—сказали атеисты,—радио слушаем, газеты читаем, детей в школах учим, а сами к религиозным предрассудкам прислушиваемся, черт знает что!

Люди согласились, но все равно не стали ловить рыбу.

— Думаете, зачем бек и мулла запрещали ее ловить? Чтобы самим больше досталось! Вам запрещали есть, а сами за обе щеки уписывали, знаем мы их, знаем!

Люди поругали муллу и бека и прежние времена, но все-таки не стали ловить рыбу.

Тогда в районном доме культуры организовали вечер «чудеса без чудес». Один восьмиклассник сбегал к арыку, поймал рыбину, вышел на сцену, распотрошил ее, зажарил на виду у всего зала и съел.

— Мало! — сказал он.—Вкусно, но мало.

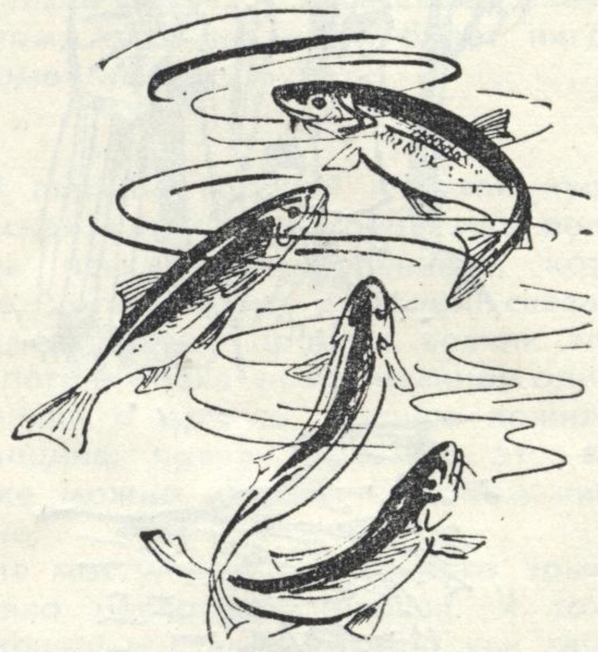
И все поверили, что вкусно. Но так и не стали ловить рыбу.

Вот она и плавает до сих пор.

* * *

Нет, конечно, можно было бы вывесить строгие объявления: «Кормить рыбу категорически запрещается!», как вывесили у нас в Ленинграде по поводу голубей.

Можно было бы устроить соревнование рыболовов и повытаскать за один день всю маринку из арыка.



И навсегда тем самым покончить с темным прошлым.

Но тогда не стояли бы над арыком старые нуратинские аксакалы, отдыхая душой.

И не веселились бы дети, бросая рыбам семечки.

И не приходил бы никто к старому хаузу фотографироваться.

И не стали бы люди в разных концах нашей страны восклицать:

— Постой, постой, Нурата?.. Ах, это там, где вдоль улиц плавает рыба! Как я мечтаю побывать в Нурате!

быстро раскладывать из котла в леганы и миски плов. Я тоже было подумал подойти, но потом решил подождать. Они ведь все раньше меня очередь заняли.

Наконец, когда последний получил свой плов, а многие даже успели его съесть, я решил подойти. Только вижу — пустой котел.

— А где же плов? — спрашиваю.

— Готов плов, съеден.

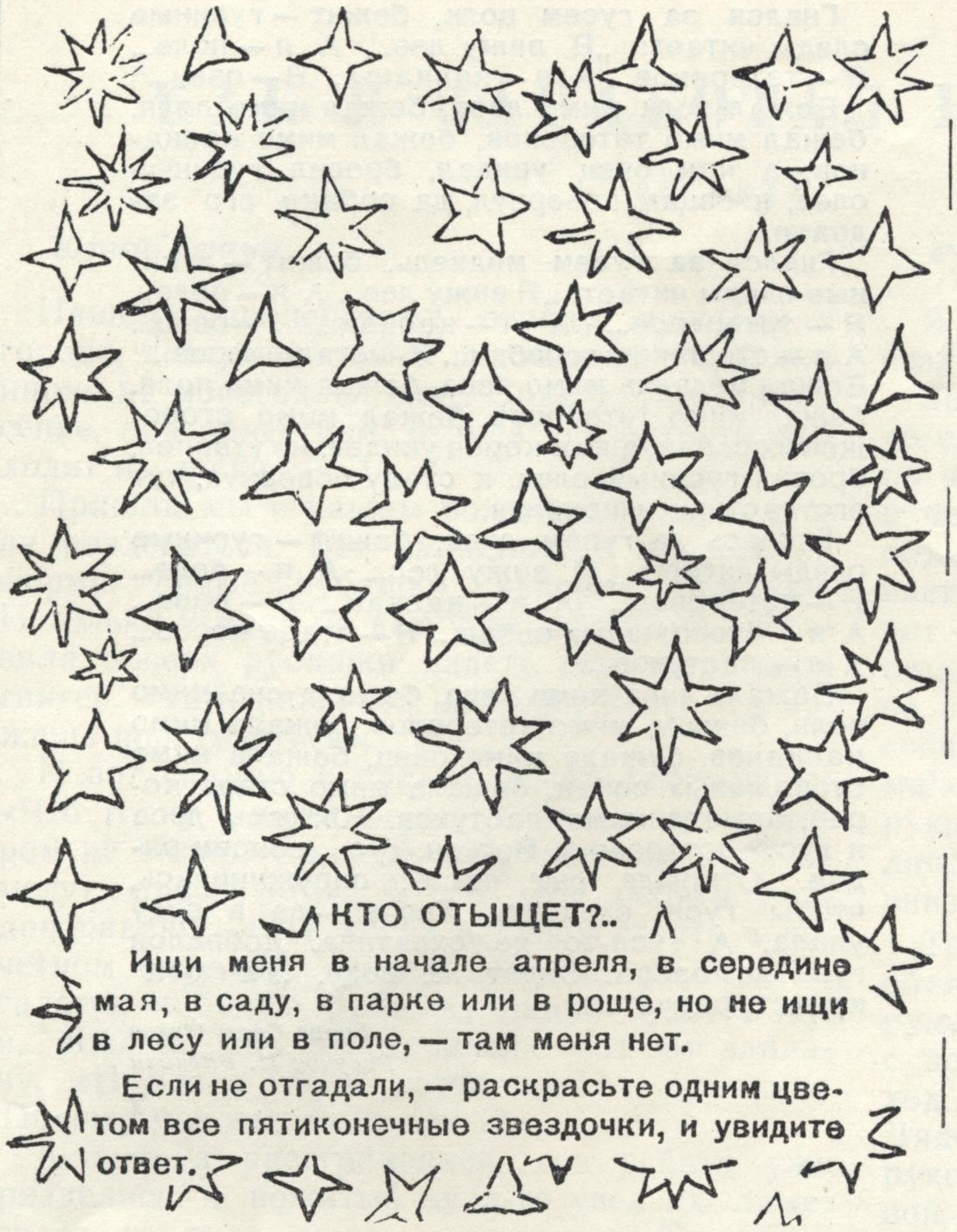
«А мне?» — хотел спросить я, но постеснялся.

— Весь съеден?

— Весь, — подтвердили мне, — вкусный был плов. Хармфона у нас был, обычай такой. Вместе мясо, рис принес, вместе работай, вместе кушай. Хорошо работай, хорошо кушай. А кто не работай, тот, понятно, не кушай.

— Приходи в другое воскресенье, — сказали мне, узнав, что я приезжий и не знаю про хармфону. — Весело будет. Плов делать научим, вместе его съедим.

А я лишь вздохнул в ответ. Я-то знал, что мне уже, быть может, никогда не придется поучаствовать в этом славном съедении коллективного плова.



КТО ОТЫЩЕТ?..

Ищи меня в начале апреля, в середине мая, в саду, в парке или в роще, но не ищи в лесу или в поле, — там меня нет.

Если не отгадали, — раскрасьте одним цветом все пятиконечные звездочки, и увидите ответ.

Уголёк № 12

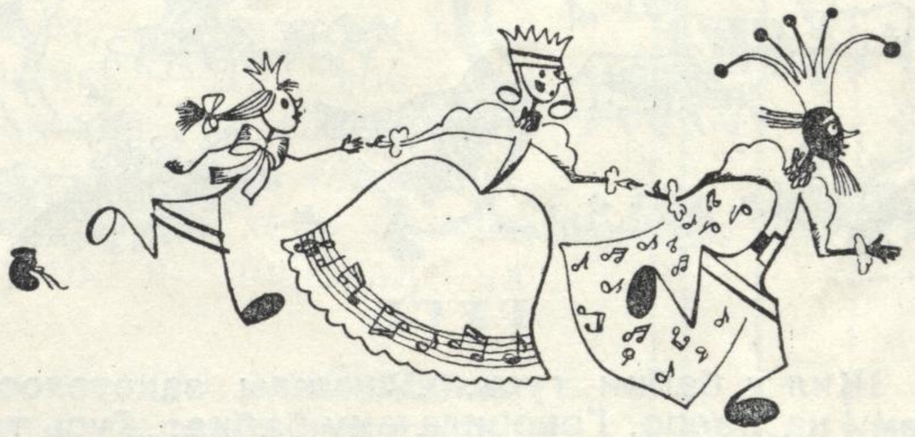
ВЕТЕР

Сунул ветер в форточку
Остренькую мордочку.
Книжицу перелистал,
Но читать ее не стал,
Показалась скучной,
Чересчур научной.
Все листочки со стола
Вымел, что твоя метла.
Перепутал все стихи,
Просквозил меня—апчхи!
Свистнул в узенькую щелку
И завыл, подобно волку:
—У-у-у-у!
Я не то еще могу-у! . . .

А. Крестинский
Рисунок И. Казаковой

ДОРЕМИ

Дореми — смешной король
Говорил жене Фасоль:
— Нынче бал.
И дочь Ляси
Приодеться попроси.



Только сам, такой чудак,
Позабыл надеть пиджак.
Шаль свою берет Фасоль,
Шаль давно изъела моль.
А Ляси свой башмачок
Уронила в ручеек.
Между тем в дворцовой зале
Инструменты зазвучали.
Тут король без пиджака,
Дочь его без башмачка
И жена его без шали
Прямо в залу побежали.
Так открыли этот бал
Дореми, Фасоль, Ляси.
И оркестр им сыграл
До-ре-ми-фа-соль-ля-си!

Г. Сапгир
Рисунки И. Казаковой

КОТ

У кота зеленые глаза
оттого, что кот глядит вокруг
на поля зеленые,
леса,
на зеленый дуб,
зеленый луг.
И в глазах котовых деревца,
травы и кусты застеклены,
и хлебов июньских зеленца
с примесью молочной белизны...
Но глаза зажмуривает кот —
(почему-то любит спать он днем) —
и зеленый сад,
и огород
несомненно остаются в нем.
А когда наступят холода,
мы с собою увезем кота,
чтобы лето
из котовых глаз
и зимой
оглядывало нас!

Л. Мочалов
Рисунок И. Ризнича

ГУСЬ

Жил у бабки гусь. Однажды захотелось ему на озеро. Говорила ему бабка: „Гусь ты мой миленький, не ходи ты на озеро, съедят тебя звери!“ Не послушался гусь бабку, пошел на озеро. Идет он мимо леса, идет мимо поля, идет мимо тетеревов, идет мимо капканов, идет мимо овец, идет мимо сторожевых собак, идет мимо стада коров, идет мимо пастухов.

Говорит один след: „Я вижу лес“.
Говорит другой след: „А я — поле“.
Говорит один след: „Я — тетеревов“.
Говорит другой след: „А я — капканы“.
— Я — овец.
— А я — сторожевых собак.
— Я — стадо коров.
— А я — пастухов.

Гналась за гусем рысь, бежит — гусиные следы читает: „Я вижу лес... А я — поле... Я — тетеревов...“

Бежала рысь мимо леса, бежала мимо поля, а как тетеревов увидала — не вытерпела, бросила гусиный след, к тетеревам повернула да в капкан попалась.

Гнался за гусем волк, бежит — гусиные следы читает: „Я вижу лес... А я — поле... Я — тетеревов... А я — капканы... Я — овец...“

Бежал волк мимо леса, бежал мимо поля, бежал мимо тетеревов, бежал мимо капканов, а как овец увидал, бросил гусиный след, к овцам повернул, да собаки его задрали.

Гнался за гусем медведь, бежит — гусиные следы читает: „Я вижу лес... А я — поле... Я — тетеревов... А я — капкан... Я — овец... А я — сторожевых собак... Я — стадо коров...“

Бежал медведь мимо леса, бежал мимо поля. бежал мимо тетеревов, бежал мимо сторожевых собак, а как коров увидел, не утерпел, бросил гусиный след, к стаду повернул, тут его пастухи и прибили.

Гналась за гусем лиса, бежит — гусиные следы читает: „Я вижу лес... А я — поле... Я — тетеревов... А я — капкан... Я — овец... А я — сторожевых собак... Я — стадо коров... А я — пастухов...“

Бежала лиса мимо леса, бежала она мимо поля, бежала мимо тетеревов, бежала мимо капканов, бежала мимо овец, бежала мимо сторожевых собак, бежала мимо стада коров, бежала мимо пастухов. Кралась лиса к гусю осторожно. Вот он, гусь, совсем рядом. Открыла она пасть, спружинилась, чтобы гуся схватить. Хвать! — да в воду упала. А гуся-то не схватила. Добрался гусь до озера. Сидит на воде, „га-га-га“ кричит, радуется.

Борис Сергуненков
Рисунок И. Ризнича

КТО ПОПАЛСЯ?

Школьный сторож Хохолков
был довольно бестолков.
Это просто стыд и срам —
в свой капкан попался сам!

Нет, не так уж бестолков
был товарищ Хохолков,
пригодятся эти зайцы
для юннатских уголков!

А. Лосев
Рисунки Н. Муратова

КАК Я ЗАРАБОТАЛ КОНФЕТУ

РАССКАЗ

Юрий Браун

Рисунок Н. Муратова

Нашему пионерскому отряду, лучшему в городе, доверили стоять в почетном карауле в цирке на новогодней елке. Знаете, там, на лесенке, под оркестром, откуда все артисты выходят на арену.

Пришли мы с нашим вожатым в цирк, стали раздеваться. Все нарядные, в пионерской форме: белые рубашки, красные галстуки. И только у меня не как у людей: мама заставила поверх рубашки надеть еще шерстяной свитер. «Там, наверное, холодно будет, ты можешь простудиться».

И вот снимаю я пальто, а сам переживаю: «Что толку в моей форме, если ее под свитером не видно? Зрители же рентгеном меня не могут просветить». А тут еще ребята поддразнивают: «Ты когда будешь стоять в почетном карауле, свитер свой задери, и всем галстук и белую рубашку видно будет». Ну, я, понятно, так расстроился — вот-вот заплачу. «И что я такой несчастный? — думаю. — Почему мне всегда не везет?»

А пока я расстраивался, все ребята уже разделись и вожатый куда-то увел их. Заметался я: туда, сюда — наших нет. Тогда открыл я первую попавшуюся дверь и пошел по длинному коридору — искать.

Шагаю и думаю: «А может, я не туда иду? Может, надо в обратную сторону?» Повернул, захожу в другую дверь, потом в третью, в четвертую... В общем, заблудился окончательно. И тут мне мысль скверная в голову пришла: «Что, если я в зверинец случайно забреду?» Только подумал так, чувствую, ноги начинают легонечко дрожать и мурашки по телу пошли. Я и про свитер, и про почетный караул забыл — лишь бы на волю выбраться.

А тут, как назло, шнурок у ботинка развязался. Остановился я перед какой-то дверью, завязываю его — вдруг кто-то близко как рявкнет! Ноги у меня сами заработали. Ничего не вижу, слышу только, как воздух в ушах свистит да сзади кто-то за мной когтями по полу поскрипывает.

Не помню, как очутился на арене. Стоит шест, я пулей — к нему, а сзади кто-то дышит за мной, уже рядом. Когда две секунды спустя опомнился, вижу: далеко внизу, подо мной, длинная кривоногая такса тявкает и основание шеста зубами грызет, а я стою на крохотной площадочке, на высоте третьего этажа, и дальше уже лезть некуда. Слышу бурные аплодисменты, а кому хлопают — не пойму.

Я немного успокоился, стал свитер поправлять. Зрители покатываются со смеху. Глянул вниз — по арене бегает дяденька в черном, который номер объявляет. Он размахивает руками и что-то кричит. А по веревочной лестнице взбирается ко мне на площадку... проклятая собачонка. Я заорал «мама!», обхватил крепко руками и ногами металлический шест и заскользил вниз.

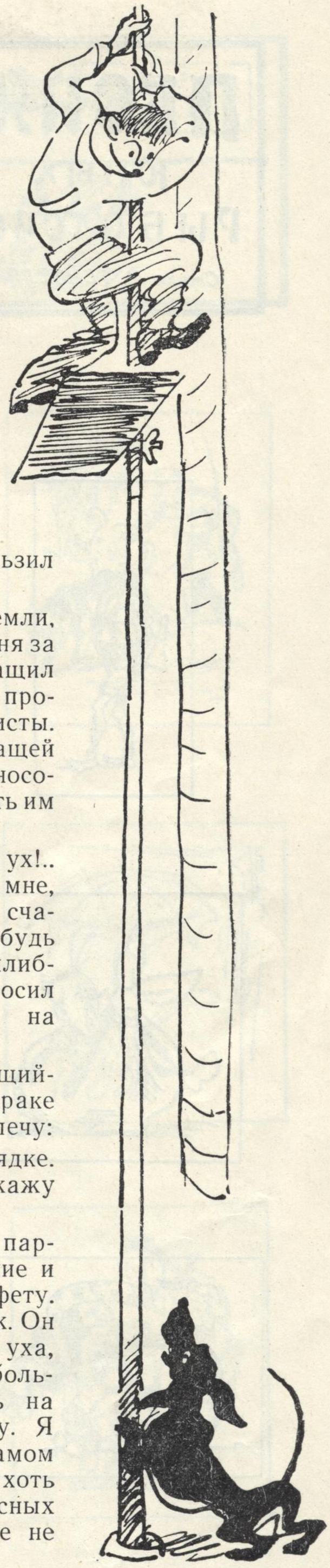
Только я коснулся земли, объявляющий схватил меня за руку и быстро-быстро потащил с арены. Мы юркнули в проход, где столпились артисты. Дяденька в черном дрожащей рукой вынул из кармана носовой платок и стал вытирать им лицо.

— Выдрать бы тебя, ух!.. как следует, — сказал он мне, отдышавшись. — Да твое счастье — некогда... Паша, будь добр, проводи этого «эквилибриста», — уже на ходу бросил он кому-то и побежал на арену.

Ко мне шагнул улыбающийся молодой человек во фраке и цилиндре, потрепал по плечу:

— Ничего, все в порядке. Выше нос! Хочешь, покажу фокус?

Вскоре я уже сидел в партере, смотрел представление и жевал шоколадную конфету. Мне ее дал Паша-фокусник. Он вынул конфету из моего уха, но с тем условием, что я больше не буду выскакивать на арену и лазить по шесту. Я сказал «ладно». И на самом деле — предлагайте мне хоть целый ящик самых вкусных конфет, я никогда больше не полезу на этот шест.



ПЕСНЯ ЮНЫХ РЫБОЛОВОВ

Стихи М. ГЕЙЗЕЛЯ

ГОРОД РАСТЕТ НА ЮГ...

Петербург Петроград ... ков Ленина! Пожалуй, ни один город ... четверти миллиона, город сделал катастрофический скачок вниз. ... Марк ГЕЙЗЕЛЬ ... весь город на зуйд ... Во-вторых, оказется, что ... в очередном праздничном ... роны чуть-чуть ...ими.

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ Марка ГЕЙЗЕЛЯ

ТУГА ...риминальничает

УКРОТИТЕЛЬ ЛЬВОВ

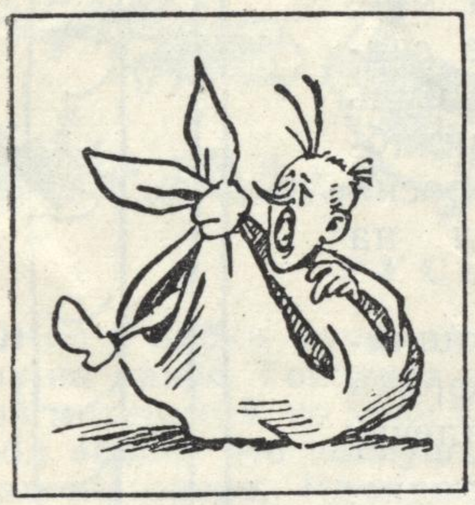
НАПАДЕНИЕ

М ГЕЙЗЕЛЬ

Семь раз входил Борис Эдуардович в клетку ко львам. Семь раз, в с ... дый раз все дольше простирала ... у дверей с внутренней стороны ло-

ДРУЗЬЯ НЕ УХОДЯТ

Елена Вечтомова



Походить на Дон-Кихота Марку Гейзелю мешало чувство юмора. Худой, высокий, юношески угловатый, но с сильной проседью, он навсегда запомнился мне смеющимся. Вернее — смеялись его глаза, как бы он ни был серьезен.

Работал Марк неутомимо, азартно. Он не мог жить вне журналистской, газетной спешки, сутолоки, срочных заданий, выездов в самые дальние края страны и выходов на самые близкие улицы Ленинграда.

Помогают пионеры на заводе бороться с прогульщиками и лодырями, и Гейзель уже пишет о том, как они рисуют сатирические плакаты и вывешивают их над станками пьяниц и бездельников.

Хромает дисциплина в школе — и Марк уже сочиняет фельетон «Классные бегуны»: «...В 73-й школе появились свои спринтеры и стайеры, которые изобретают, как сократить учебное время и увеличить время для безделья».

А вот фельетон «Все объяснилось просто»:

«Несколько взрослых, живущих в одном из домов по Пушкарской улице, принесли мне письмо с жалобой на одного мальчика из одной школы. Он... собаку кормит спичками. Прикалывает к ее хвосту объявление: «Я — Тузик».

Затем приходят из другого дома другие люди и жалуются на другого озорника из другой школы. Обоих вызывают в редакцию, но является один и спрашивает: «А почему вы меня два раза вызвали?»

Оказывается, что озорник просто переехал в другой дом и перевелся в другую школу и отовсюду на него идут жалобы.

В те дни, когда с полос «Ленинских искр» не звучал голос Марка Гейзеля, юным читателям чего-то недоставало, как будто среди увлекательных материалов образовалось пустое место.

И вдруг приходила его корреспонденция с Дальнего Востока, или из Арктики, или из Средней Азии, или с пограничной заставы.

Его друг М. Ивановский вспоминал: «Вместе с работниками уголовного розыска он пробирался по следам преступлений; брал интервью у знаменитого дрессировщика львов Эдера, знакомился с глазными операциями профессора Филатова, летал на самолете; мчался за Полярным кругом на оленьей упряжке; узнавал, что хранится в шаре над корабликом Адмиралтейства».

Остроумный, изобретательный, он не читал нравоучений. Очерк «С пионерским приветом» он начал шутливо:

«Гренландские эскимосы при встрече имели обыкновение дотра-

Писательница Е. А. Вечтомова пересказала для «Костра» свой очерк, выходящий в Москве в сборнике «В редакцию не вернулся», том II. Книгу выпускает Издательство политической литературы. Составитель П. Корзинкин.

МАРК ГЕЙЗЕЛЬ

Воспоминания о смешном

гиваться друг до друга носом... Индейцы же племени ням-ням... вырывали из своих причесок по волоску».

А дальше шел разговор серьезный, взволнованный, о революционных традициях, о пионерском салюте. Кончался разговор так: «Это я — двадцативосьмилетний, отдаю пионерский салют тем, для кого трагедии революционных бурь и революционное благородство выше, дороже и радостнее традиций индейского племени ням-ням».

Он выглядел, наверно, самым штатским из всех писателей и журналистов в первые дни Великой Отечественной войны. Ни суровости, ни хотя бы спортивной выправки у него не было. Он так и уезжал в Таллин с редакцией газеты «Красный Балтийский флот» в темном костюме, с узлом узкого, небрежно повязанного галстука.

Помню прощание белой ночью на стрелке Лениздата — так называли здание, углом выходящее из переулка к площади Ломоносова. Был конец июля. Официально считается, что 27 июня, по традиции, мы провожаем на островах белые ночи. Но ленинградцы знают, что и весь июль, и по крайней мере половина августа еще идет под их знаком.

Мы сидели в одной из редакционных комнат за столами и на столах. Вечерело. Большинство балтийцев ехало налегке, с разбухшими противогазами, в которых в те времена, невзирая на запрет, носили документы, записные книжки, газеты, чтобы не занимать рук, не оттягивать карманов. Многие гордились новыми флотскими кителями с не успевшими потускнеть нашивками на рукавах.

Гейзель был особенно возбужден оттого, что добился своего, что едет на фронт, что годен, нужен. Что-то было в этой радости детское: сбылась мечта!

Провожавшие тревожились и шутили, как подобает журналистам. Никому не приходило в голову, что это прощание — последнее, что большинство уезжающих не вернется никогда — Юрий Инге, Женя Соболевский, Филипп Князев, Марк...

Пора было уходить домой, а машины уезжавшим все не подавали. Видимо, действовали какие-то особые соображения командования. Мы расстались. И когда час спустя по телефону я услышала голос Юры (из осторожности не было даже сказано «едем»), я смогла только без конца повторять: «Счастливо тебе, счастливо!»

* * *

Когда ребята пионерского отряда одной из ленинградских школ написали жене Марка Ароновича, живущей в Гагре, она ответила подробным письмом, рассказав о Гейзеле-школьнике, подростке, ученике I советской школы II ступени возле Пяти углов (Разъезжая, 5):

«...Вам не нужно рассказывать, какое оживление начинается в классе, когда появляется новенький, это вы, конечно, и сами очень хорошо знаете. А тут приезжий! Очень высокий, гораздо выше всех наших мальчиков. Он поступал не в наш класс. Мы были помладше, но ему нужно было написать экзаменационное сочинение, а препода-

Дело о пищении...

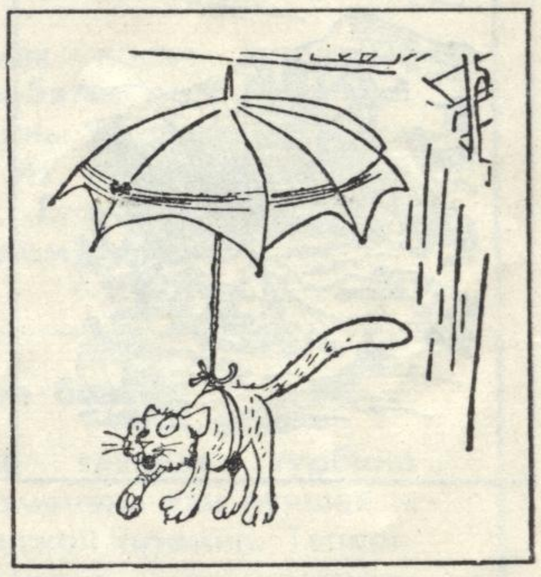
Сережа Куперосов был вечером в классе. Тихо и

Юмористический рассказ Марка ГЕЙЗЕЛЯ

Когда они остались одни. Грачик хитро свел

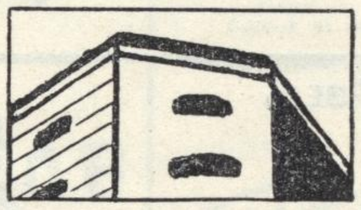
Случай на рассвете

Стихи Марка ГЕЙЗЕЛЯ



Советский Выборг

Фото и текст М. ГЕЙЗЕЛЯ



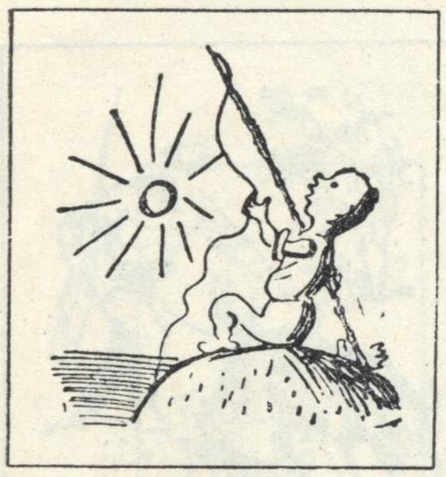
Всякий, кто захочет познакомиться с Выборгом, неизбежно устремит первый взгляд на самую интересную достопримечательность города — на старинную крепость шестисотлетней давности. С нее и начинается так-

М. ГЕЙЗЕЛЬ

Львы тут ни при чем

Фельетон Марка Гейзеля

Полтораста рублей



Рисунки к стихам, очеркам и фельетонам Марка Гейзеля, напечатанные на этих страницах, взятые из газеты «Ленинские искры» (1937—1941 гг.)

ватель литературы — Иван Александрович Дорогин — вел урок в нашем классе. Сел Марк за парту. Учитель спрашивает:

— Ну, на какую тему ты хотел бы написать сочинение?

— А мне все равно, на какую тему, — отвечает новенький.

— Ах, так! Ну, вот тебе тема: «Дважды два — четыре!»

Ну, мы все, конечно, онемели просто. Как же на такую тему можно написать? Одна наша девочка тут встала и сказала:

— Иван Александрович! Ну разве можно такое сочинение написать?

А новенький спокойно так со своего места говорит:

— Спасибо большое за ходатайство, но не беспокойтесь. Я уже пишу.

И написал. Уж не помню точно, что он там писал, но помню, что кончалось все каким-то митингом рабочих, где выступающие говорили, что необходимость свержения самодержавия ясна, как ясно, что два, умноженное на два, будет четыре».

* * *

У него вышло семь книг — сборники рассказов, басен («Снимите ваши калоши», «Торф», «Кандидаты», «Две доски», «О больших, которые не любят маленьких», «В республике белого золота» — совместно с Г. Таубиным, «Киров и дети»).

В Таллине он успел поработать всего месяц.

Переход наших кораблей в августе 1941 года из Таллина в Кронштадт на оборону Ленинграда, под бомбежкой, артиллерийским огнем, при торпедных атаках фашистов, стал большой трагедией и вписал героические страницы в историю морских сражений. Мы потеряли многих товарищей и ни о ком не можем вспомнить с чувством смущения — все вели себя так, как должно настоящим людям.

Мне рассказывали те, кто пережил этот переход наших кораблей (люди тонули, плавали на плотиках или обломках снасти, их спасали, они снова тонули...), что Марк в свои последние часы — никто тогда не знал, что они последние — стал необычно серьезен, сосредоточен, даже не шутил и не иронизировал.

Между Кундой и Локсой «Вальдемарас» подорвался. На нем шли наши товарищи — журналисты и писатели. Все произошло в какие-нибудь две-три минуты — корабль переломился и начал погружаться в море. Видели, как Марк прыгнул за борт. Почему-то я ясно представляю этот миг и его, отделившегося уже от палубы и еще не упавшего в воду, как бы в полете.

Марка принимали в Союз писателей посмертно, так же, как Варвару Наумову, погибшую при строительстве оборонительных сооружений под Ленинградом, как Ивана Федорова, павшего в бою, как Бориса Кострова, сраженного на подступах к Крайцбургу.

Вечная им память и вечная слава! Пока мы живы, мы не перестанем чувствовать их присутствие. Друзья не уходят.

Таинственные позывные

Фото В. Канаки

Эфир всегда насыщен работой многих радиостанций. Программы радиовещания, звуки морзянок следуют одно за другим. И вдруг — таинственный позывной: «А—Р» ... «А—Р» ... Потом идут кодированные сигналы. Чуть сдвинешь ручку настройки приемника, новый позывной; «У — А» ... «У — А».

Что за таинственные сигналы идут в эфир на определенной волне, каждый день и в определенное время суток? Что они передают?

Радисты арктического побережья наносят на карту северного полушария координаты сигналов. Более двух десятков перекрещений пеленгов появится в Северном Ледовитом океане. Каждый означает, что в точке, где скрестились два радиолуча, работает дрейфующая автоматическая радиометеорологическая станция.

Ежегодно вот уже более 15 лет эти станции основывают в арктических морях советские полярники и летчики полярной авиации. Это тяжелый и опасный труд. С воздуха надо найти возможность посадки на дрейфующий лед. Долго ходят два самолета, ищут подходящую полоску для посадки. Лед таит неожиданности: то снежные заструги, то ветер не совпадает с направлением возможной посадки, то толщина льда трудно определяется с высоты.

Наконец, найдена «полоска». Один самолет садится, другой его страхует. Первый сел, из него выскочили люди, измерили толщину льда и, если он не особенно тонок, дали «добро» на посадку второму. Быстро, пока подвижками льда не сломало эту полоску, устанавливается станция. Уже через несколько часов ее позывной «У—А», «У—А» появится в эфире. И пока станция не будет затерта льдами, ее позывной трудолюбиво будет сообщать данные о погоде из Северного Ледовитого океана.

Спасательный мячик

Такого способа спасения утопающих, пожалуй, еще не было.

Небольшой мячик, который можно забросить далеко в воду, за три секунды автоматически надувается и превращается в спасательный круг. Он может выдержать взрослого человека и помочь ему добраться до берега.

Клей для... человека

При переломах кости хирургам скоро не понадобятся особые спицы или гипсовые шины, чтобы закрепить осколки кости. Их склеит новейший клей — циакрин. Его выпуск освоен львовским заводом.

Вдвое больше

В 1965 году газовая турбина ГТ-700-5 была отмечена как лучшая и удостоена Ленинской премии. Теперь коллектив Невского машиностроительного завода имени В. И. Ленина выпускает новую турбину — она на 9 тонн легче, а работать сможет вдвое дольше.

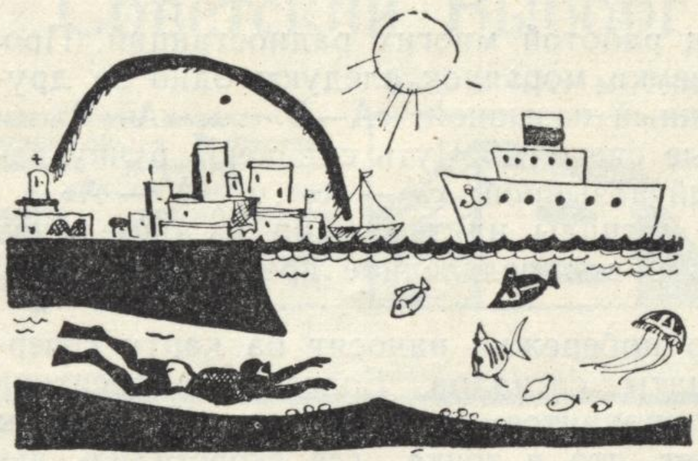
Закладки в снегу

У подножия Хибинских гор в городе Кировске организована лавинная служба. Тут изучают причины образования лавин — «белой смерти».

Слоистая толща снега на горах испещрена ленточками — закладками: они позволяют определить толщину будущей лавины, следы снегопадов. Это как бы летопись хибинской зимы. Ежедневно нацеливают на белого врага автоматические фотоаппараты: «портреты» лавины помогают судить о скорости перемещения снега

Копирует себя

Советские ученые «научили» электронно-вычислительную машину «Урал-4» проектировать технологические процессы выпуска деталей, из которых состоит... сама машина. Мечта фантастов осуществляется: машина... копирует сама себя, освобождая инженеров от сложной работы, требующей большого опыта, предельной тщательности и внимания.



«Зал мрака» на киноленте

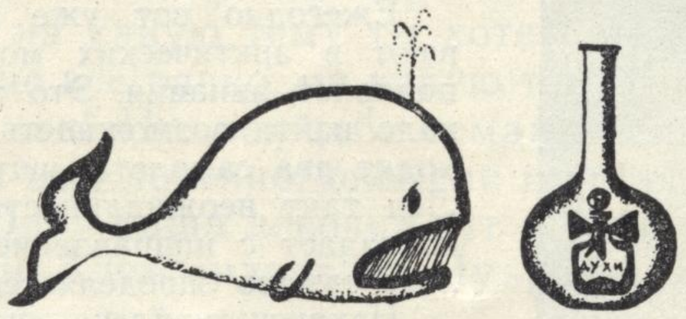
Французский центр подводных исследований, сокращенно ОФРС, более 15 лет предпринимает смелые научные экспедиции. Его сотрудники исследовали подземную реку, которая впадает в Средиземное море на глубине 20 метров. Вдоль подземного речного русла провели электропроводку. С приборами и фонарями удалось проникнуть на глубину 200 метров.

В другой экспедиции проводники сняли на кинопленку «Великий зал мрака», так прозвали пещеру на глубине 85 метров. Ни один аквалангист до сих пор не снимал на такой глубине.

Птичьи госпитали

У берегов полуострова Корнуэлл (Англия) потерпел кораблекрушение гигантский танкер «Торри-Каньон». Нефть, которая вытекла из грузовых танков, отравила гнездящихся в этом районе птиц.

В это время на побережье возникло несколько «птичьих клиник». Рыбаки и моряки вылавливали пострадавших, обмывали их крылья, очищали от мазутной кашицы.



Искусственная амбра

Самый нежный, самый крепкий запах духов становится стойким только тогда, когда в них добавлен раствор амбры. Испокон веков это ценное вещество добывали китобои — амбру находят в желудках кашалотов.

Только в наше время китобоев сменили химики. Из вещества, содержащегося в растении шалфей, который растет на Кубани, советские химики приготовили искусственный закрепитель запахов — амбриал. Теперь парфюмеры не только Советского Союза, но и Франции и Англии с успехом применяют кубанский амбриал.

Четвероногий доктор

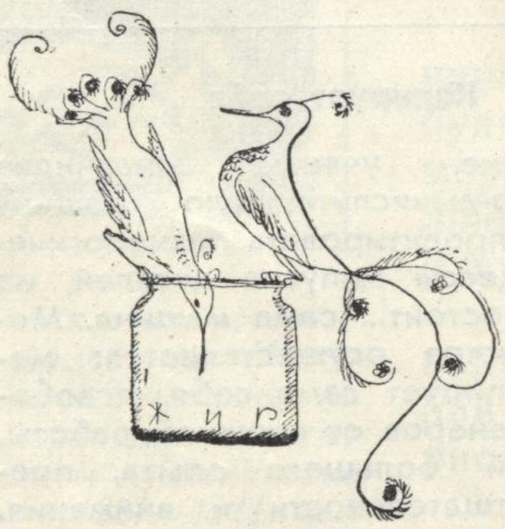
Древние греки считали, что пепел костей собаки помогает почти ото всех недугов, а «препарат» из ее когтей восстанавливает силы после хвори. Более того, прирученных животных просто заставляли лизать больную руку или ногу человека: ведь зализывает же собака свои раны.

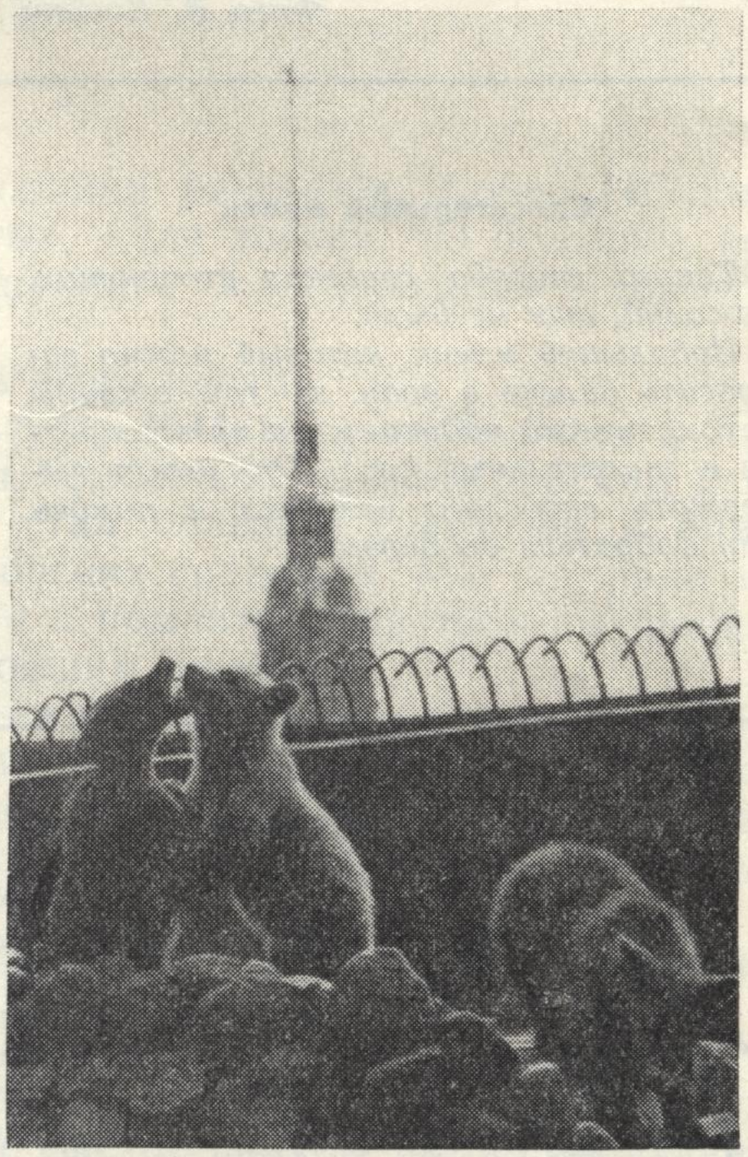
Вот почему в греческих мифах, в скульптуре и на монетах наш четвероногий друг выступает иной раз спутником «медицинского божества» Асклепия.

Жир — топливо

Прежде чем отправиться в далекое путешествие, птицы задолго начинают готовиться к перелету: накапливают запасы жира. Либо под кожей, либо в виде жировых прослоек в брюшной полости.

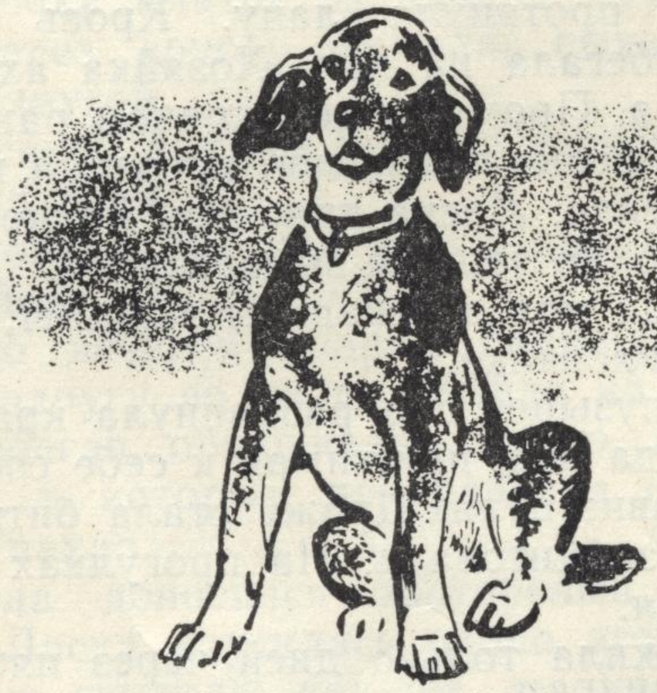
Колибри, пойманные накануне перелета через Мексиканский залив, «имели при себе» почти два грамма жира. Это почти 40 процентов общего их веса. Колибри — самые мелкие представители перелетных птиц — в своих крошечных тельцах накапливают достаточно много жира. Полет — большая нагрузка для птиц. При скорости 80 километров в час колибри теряют треть веса тела.





В Ленинградском зоопарке

Не думайте, что эти мишки — тихони. Наш фотокорреспондент долго ждал, пока они успокоятся и «захотят» фотографироваться.



Подруга Райда

РАССКАЗ

София Тадэ

Рисунки Е. Захарова

К Оле забежала ее школьная подруга Лена Шурыгина. Увидав щенка, она сказала:

— Курцхаар. Как звать?

— Ласка, — ответила Оля. — А что такое курцхаар?

— Это — порода, — со знанием дела ответила Лена.

— Порода — охотничья, — обиженно сказала Оля.

Лена насмешливо передернула плечами:

— У Валентина Николаевича — так звали отчима Лены — были и сеттер-лаверак, и пойнтер, и курцхаар. Все они охотничьи.

Так выяснилось, что Ласка — курцхаар, короткошерстная легавая.

Раньше хозяева Ласки собак не замечали, но теперь, с появлением в семье Ласки, стали знать всех собак в округе, и не только собак, но их клички, какой породы, кому принадлежат.

На первом этаже их дома, у Кочубея — большая свирепая немецкая овчарка Джой. Когда он гуляет, с Лаской лучше не выходить.

На соседней улице живет великолепный пойнтер Принц. Он всегда бегает один. Но ни к кому не подходит и никого к себе не подпускает, в руки не дается.

У Варвары Николаевны, что живет напротив — визгливая болонка Гулька. С ней Ласка пробует играть, но она очень нервная. Когда на другом конце двора появляется Джой, Гулька теряет сознание, падает на спину, задирает лапки вверх.

Чинно ходит по улице со своим хозяином рыжий чау-чау Маар, похожий на львенка, с черным нёбом и черным языком. Оба, и Маар, и хозяин, плотные, квадратные, массивные.

С соседнего двора забегает иногда черный, как уголь, спаниель Варнак; когда он встречается с Лаской, для нее это праздник.

Ласка рвется к собакам, доверчиво кидается навстречу. Если на улице уж очень начинает тянуть поводок, значит, учуяла собаку. А незнакомые собаки опасны. Бывают злые. Впрочем, как правило, взрослые собаки щенят не трогают.

Как-то вечером Ласка пошла гулять с хозяином во двор напротив. Не доходя до своей площадки, она увидела, что площадка уже занята.

Ласка вся напружинилась, уши напряглись: по площадке бегала молодая собака, похожая по окрасу на Ласку, но покрупнее.

— Хм... — сказал хозяин и, укоротив поводок, прошел с Лаской за сетку, где днем играют ребята.

С собакой гулял полковник.

— Курцхаар? — спросил хозяин Ласки, кивая на его собаку.

— От Дианки Чеботарева и Ральфа Крутицкого, — ответил с гордостью полковник, уверенный, что имена эти говорят сами за себя. Он не мог предположить, что даже слово «курцхаар» хозяин Ласки узнал недавно. — А ваша?

— Привозная, из Лейпцига, — уклончиво ответил хозяин.

— Сколько ей?

— Четыре, пятый пошел...

— Ну, а моя уже зарегистрирована. Через девять дней — семь месяцев.

Знакомство собак было и проще, и сложнее.

Райда подбежала к Ласке. Пока она ее обнюхивала, Ласка терпеливо стояла. Потом пришла очередь Ласки. Но Райда не поддалась обнюхиванию. Тявкнув, она отскочила и понеслась по площадке. Ласка — за ней.

Они гонялись по площадке, перепрыгивая друг через друга, ласково покусывая уши-тряпочки, обманывая друг друга неожиданными остановками, борясь друг с другом.

Если Райда была сильнее и имела более широкий бег, Ласка была увертливей и более ловкой. Расстались они неохотно, долго оглядывались и тихо, жалобно свистели вслед.

Полковник одобрил их игры:

— Великолепная тренировка,—сказал он.— Во время роста это помогает правильному развитию собак!

Обменялись телефонами, было уговорено созваниваться по вечерам и вместе выгуливать собак.

Ласка очень полюбила подругу. Непонятно как, но она узнавала, когда звонил полковник. Точно угадывала его телефонный звонок

и бежала к выходной двери, к вешалке, где висел поводок.

Собаки встречались, как две девчонки. Они обхватывали друг друга лапами, — казалось, что обнимаются. Вместе бок о бок копали в саду ямы, быстро-быстро разгребая, работая передними лапами. Время от времени они всовывали в ямку морды, скусывали корни кустов и деревьев. На кончике носа налипали комки глины. Потом, с измазанными землей носами, гонялись друг за другом. Вместе учились прыгать, брать барьеры.

Однажды Райда, перепрыгивая через забор, задела за острый зубец и распорола пах. Совместные прогулки были временно прекращены.

Другой раз Ласка порезала о стекло лапу. Порезала глубоко, рассекла почти до кости подушечку ступни.

На трех лапах явилась Ласка к хозяйке. Доверчиво протянула лапу. Кровь тонкой струйкой сбегала на пол. Хозяйка ахнула и захлопотала. Промыла под краном ранку, подавила ее крепко пальцами, проверяя, не осталось ли стекло. Ласка тряслась мелкой, зыбкой дрожью, но лапу не выдергивала.

— Умница моя, до свадьбы заживет, — приговаривала хозяйка.

Открыв пузырек, она раздвинула края раны и влила туда йод, прижимая к себе собаку.

Ласка взвизгнула. Дрожь стала бить сильнее. Лапу забинтовали. На прогулках бегать было нельзя.

Лапа зажила только дней через пять, а к этому времени природа приготовила Ласке подарок. Первый в ее собачьей жизни снег.

Снег выпал обильно, забелил крыши домов; сел толстым слоем на столы, на кусты во дворах.

Когда Ласка вышла на белый двор, она попятилась к двери. Минуту постояла неподвижно, хотя поводок с ошейника был снят. Потом освоилась, стала прыгать из стороны в сторону, взбивая снег, и наконец — носиться кругами по двору, лая, на лету хватая пастью снег.

А когда вышла Райда, они стали кататься по снегу, встряхиваться и задними лапами засыпать друг друга снегом.

Ласка вернулась домой мокрая, но чистая. Когда ее вытерли тряпкой, шкурка горела, как после мытья в ванне.

Каждый раз, возвращаясь с гулянья, Ласка садилась на пороге и терпеливо ждала, когда кто-нибудь подойдет к ней с тряпкой, чтобы вытереть ноги. Тогда она по очереди подавала все четыре лапы: сперва передние, потом задние, вытягивая их, как балерина, и только по окончании всей процедуры весело бежала в комнаты.

Это очень умиляло хозяйку, она уверяла всех, что Ласка умней и лучше других домочадцев.

— Оля с ленцой, часто огорчает меня, ты, — обращалась она к мужу, — не жалеешь меня, не ценишь мой труд. За вами только и делаешь, что убираешь да чистишь. От Ласки — одни радости.

Ласка и впрямь была легкой собакой. Ни разу не погрызла ни ножки стульев, ни обувь.

И у Ласки, и у Райды были свои игрушки: старая обувь, которую можно терзать, объеденные молью теннисные мячи, чурки и палки. гладкие, из крепкого дерева, чтобы не заносить язык. Мяч и палки брали с собой на гулянье.

— Принеси! — приказывает хозяин, забрасывая далеко палку.

И собаки мчатся за палкой, перепрыгивая друг через друга, отнимая, выхватывая ее одна у другой.

Во всякой дружбе бывают встречи, бывают и расставанья.

Полковник получил новую квартиру в другом районе города.

Много вечеров подряд поджидала Ласка свою подругу во дворе. Выйдя на площадку, она, побегав, обнюхивала землю, деревянные столбы, к которым прикреплена сетка. Райдой не пахло.

Иногда доносился застарелый ее запах. Тогда Ласка крутилась около этого места и тихонько скулила, как бы жалуясь на разлуку.

Ребятишки во дворе жалели Ласку. Бегали с ней, катались по льду. Ласка это любила. Разбежится, а перед раскатанным местом напружинит и выдвинет вперед лапы, крепко опираясь на них, прокатится по льду.

Девочки, подруги Оли, приносили Ласке сахар, конфеты, кости и просили разрешения ей дать. Без разрешения Ласка у чужих не брала.

Первый раз как-то на гулянье мальчик-школьник предложил ей, еще совсем маленькому щенку, леденец. Ласка посмотрела на угощение, понюхала, облизнулась, взглянула на хозяйку и отвернула морду.

— Ну, бери же, глупая, — рассердился мальчик. — Дают — бери, а бьют — беги!

Однако хозяйке поведение Ласки понравилось. Она похвалила ее, приласкала, сказав:

— У чужих она не берет.

Гордо ушли они, оставив соблазнительный леденец на тумбе. Потом, лаской и вкусными поощрениями, это прочно закрепили в сознании собаки.

Потихоньку Ласка стала забывать свою подругу, вернее, покорилась разлуке. Но когда однажды днем в квартиру зашла приехавшая хозяйка Райды и до Ласкиного носа дошел ее запах, собака с радостным визгом бросилась к ней, лизала ей руки, плечи, лицо, крутилась у ног волчком, притащила любимую игрушку-туфлю.

— Смотрите, как она вас признала, — удивилась хозяйка. — Райдой пахнет.

— Райда тоже скучает, — ответила, смеясь, женщина, увертываясь от горячего Ласкиного языка. — Приезжайте в гости. И квартиру посмотрите.

В гости к Райде поехали не скоро — месяца через полтора. Поехали на такси, заранее созвонившись по телефону.

Три девятиэтажных дома стояли параллельно друг другу, в глубине большого двора. Который из этих домов первый корпус? Не

успели спросить прохожего, как с высоты одного из домов раздался призывный собачий лай. На балконе седьмого этажа стояла Райда и лаяла от нетерпения трубным голосом.

— А говорят, собаки плохо видят, — приветствовал гостей встречающий их во дворе полковник.

— Может, учуяла? — предположил, здороваясь, хозяин Ласки. — Только больно высоко...

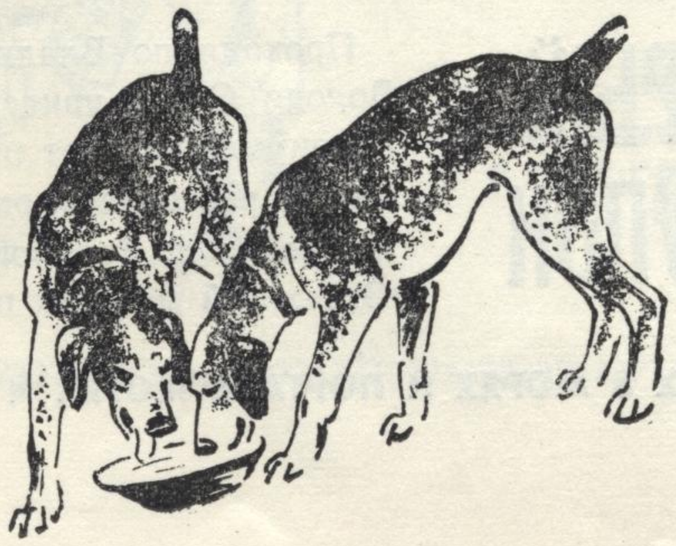
Райду выпустили. Она стремглав сбежала по лестнице и бросилась к машине. Ласка изнутри царапала дверцу, визжала. Шофер такси ругался. На дворе собралась толпа.

Наконец, собаки встретились. Оглашая двор лаем, они понеслись, кувыркаясь, хватая друг друга за лапы, за уши, за брылья.

С полчаса прошло, пока собаки немного успокоились, дали взять себя на поводок.

Все, гости и хозяева, поднялись наверх, в квартиру.

Ласка и Райда ели из одной миски.

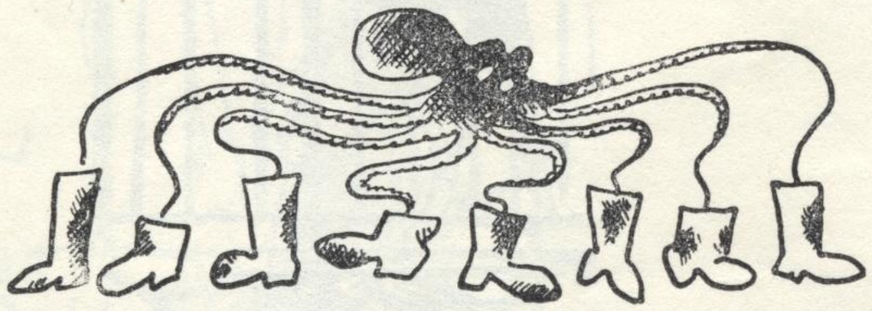


МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией капитана второго ранга С Сахарнова

ЧУДЕСНАЯ КОЖА

Инженеры-обувщики давно интересуются необыкновенными свойствами кожи осьминога. Расцветка ее зависит от окружающей среды: на песчаном дне осьминог желтый, в водорослях — зеленый. На обувной фабрике «Елочка» изготовлена опытная партия охотничьих сапог. Сапоги меняют цвет и хорошо маскируют ноги охотника.

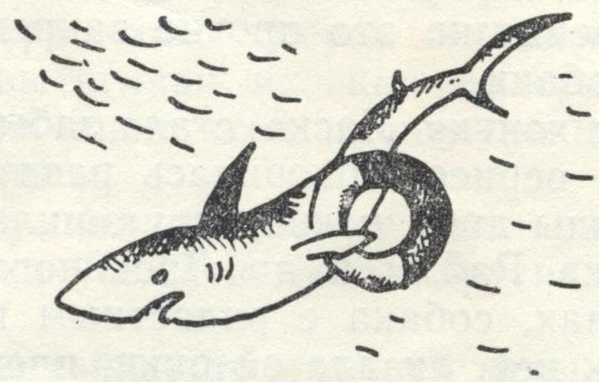


МОРСКОЙ ЗМЕЙ ПОД ЛЕНИНГРАДОМ

Таинственное существо, обитающее в шотландском озере Лох-Несс, теперь не одиноко. В прошлую среду в Озерках под Ленинградом пенсионер Рымарчук, набирая ведром в проруби воду, увидел на дне длинную шевелящуюся тень. По мнению ученого секретаря Института Древних земноводных Крассовского, тень могла принадлежать ископаемому ящеру, сохранившемуся до наших дней. В Озерки выехала экспедиция.

АКУЛЫ СПАСЛИ ЧЕЛОВЕКА

В Бенгальском заливе произошел исключительный случай. Лодка, в которой сидел рыбак Салах Сингх, была опрокинута порывом ветра и затонула. До берега оставалось более десяти миль. Силы уже оставляли человека, как вдруг он почувствовал, что кто-то поддерживает его снизу. Время от времени невидимые помощники менялись. С их помощью рыбак достиг берега. Каково же было его изумление, когда оказалось, что спасителями были голубые акулы.



В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯ

ХРАБРЫЙ ПОСТУПОК

Проходя по Владивостокскому порту, третьеклассник Володя Сизов увидел, что один из стропов, которыми поднимали на борт парохода трактор, оборвался. Школьник не растерялся, он вышел из порта и позвонил о случившемся по телефону в Управление Морского Флота. Отважный мальчик премирован.

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯ

ШКОЛА ЮНГИ

Мы уже рассказывали о командах, которые подаются для управления шлюпкой на веслах. Этим вопросом заинтересовались историки. Им удалось выяснить, что самой древней командой, которой пользовались мореплаватели, была у всех народов команда — «ОТПИХНИСЬ!»

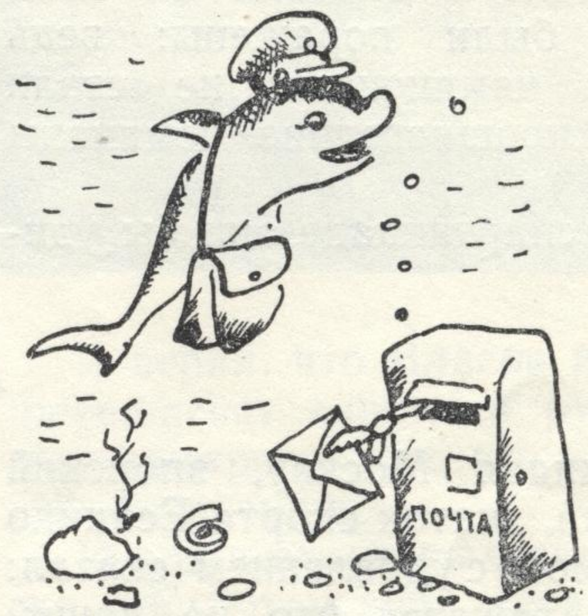
Приводим различные начертания ее, найденные учеными.

— Говорят, уже под водой дома ставить начали. Знаешь, что там, по-моему, самое трудное?

— Ну, что?

— Жить без газет. Мы ведь их каждый день привыкли читать.

— Отстал ты, брат. Уже был подводный дом, в который дрессированный дельфин каждый день приносил газеты и письма.



Когда этот номер журнала уже верстался, напечатанные листы показали боцману Румпелю и капитану Быстроходову.

— Ну, вы тут и накрутили! — сказал боцман Румпель. — Сразу видно, что газету делали одни шутники и вруны.

— Э-э, нет, — возразил ему капитан Быстроходов, — один правдивый человек среди газетчиков был: одна заметка — сущая правда.

Найдите эту заметку.

Все выпуски „Морской газеты“ в 1967 году рисовал художник В. Стародубцев

ВОСПОМИНАНИЯ О СПАРТАКИАДЕ

По традиции — в декабрьском номере рассказ об интереснейшем спортивном событии уходящего года.

Чемпионов больше, чем медалей

Можно ли забыть о неслыханном, небывалом в истории фехтования канадском успехе наших спортсменов. Они выиграли все четыре золотые медали в личном зачете и две золотые и две серебряные в командном. Знатоки во всем мире были поражены: ведь здесь чемпионами не стали наши прошлогодние чемпионы мира!

На спартакиаде они бы удивились еще больше. Ни один из новых чемпионов мира на спартакиаде не завоевал золотой медали!

В чем же дело? Может быть, чемпионы устали, не выдержали нервного напряжения. Но ведь и те, кто завоевал золото спартакиады, принимали участие в мировом первенстве.

Вот что думает по этому поводу тренер советских фехтовальщиков Лев Сайчук. В нашей стране есть по пять в каждом виде равных бойцов, из которых любой с равным правом может претендовать на мировую корону. Вот это да! Практически у нас не четыре, а двадцать чемпионов! Меня так поразила эта мысль, что я в восторге купил своему пятилетнему сыну фехтовальный набор: две маленькие пластмассовые рапиры и две маски. А вдруг...

Рекорды планируются

Покидая Москву, японский ученый, знаток спорта Есихико Куримото с удивлением сказал: «Мне кажется, что на вашей спартакиаде многие тренеры совершали открытия».

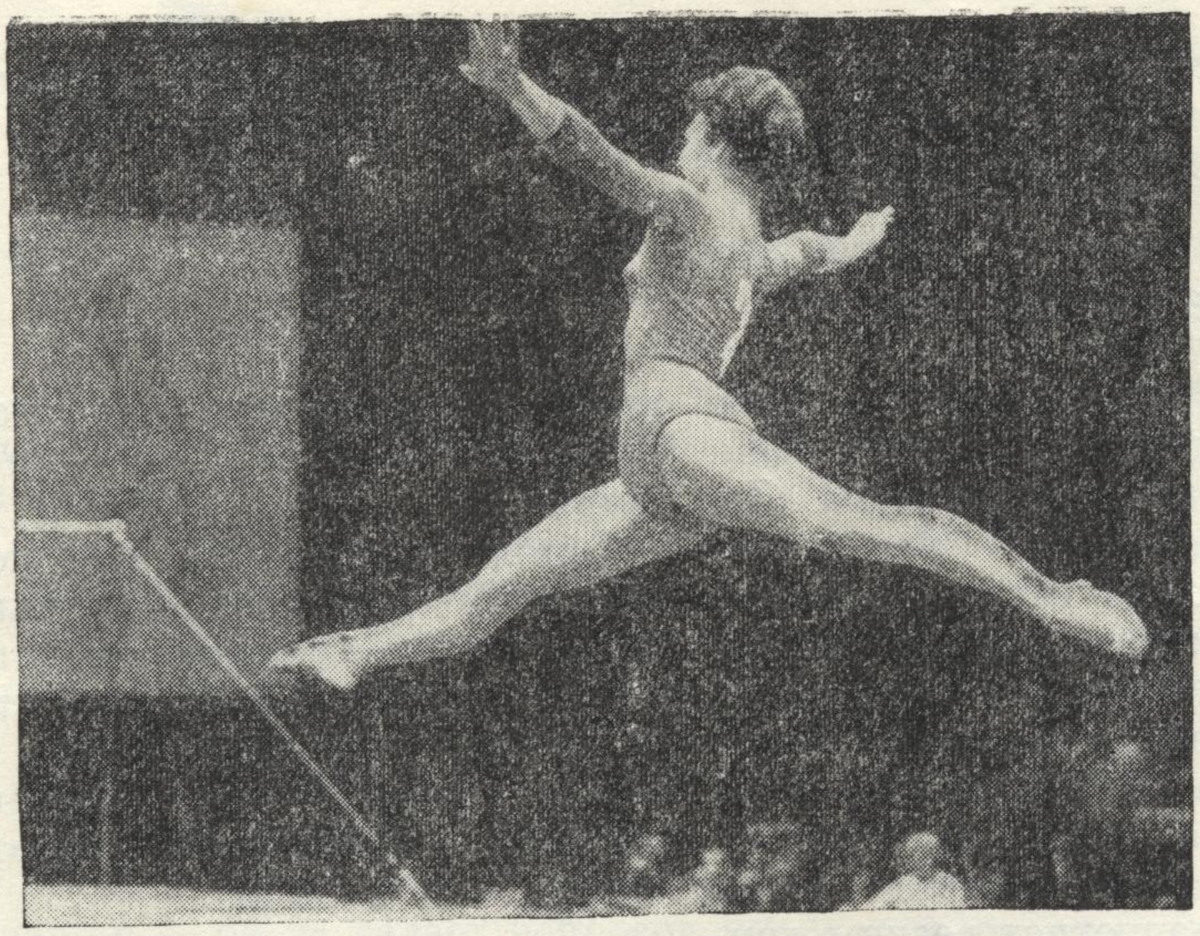
Никому не известный гребец из Молдавии Наум Прокупец выиграл на спартакиаде две золотые медали в состязаниях по гребле и был немедленно включен в сборную Союза. И уж на такой «известной» дистанции, как 100 метров, победил бегун из Белоруссии Сапея, которому, даже когда он вышел в финальные соревнования, никто и не думал отдавать предпочтение перед знаменитым Туяковым, Политико и другими.

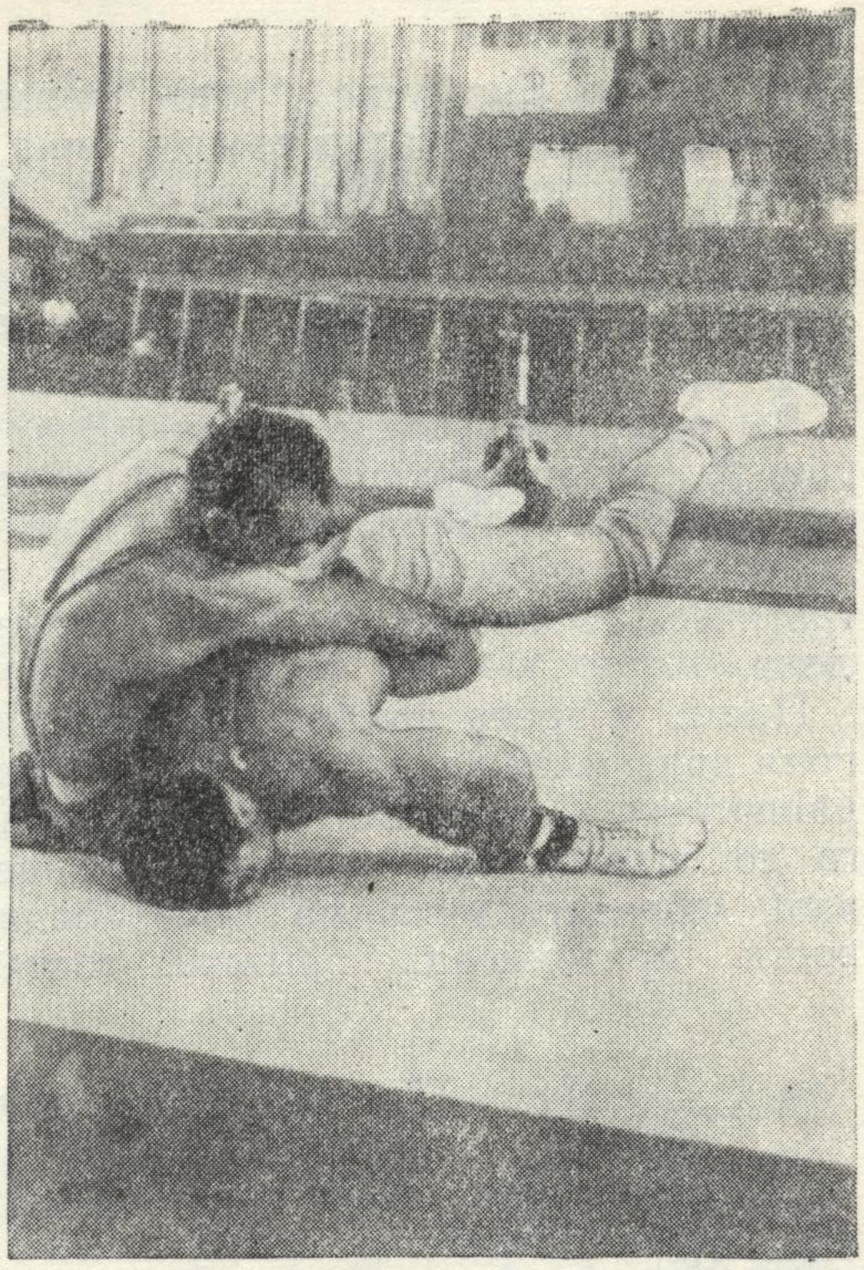
Неужели в Японии не бывает спортивных сенсаций? Конечно, бывают. Нашего друга японца удивило не только количество сенсаций, но и то, что советские тренеры их как будто бы ждали. Новые герои должны были появиться, потому что общий уровень спортивных достижений повысился. Так несколько лет назад советские тренеры ожидали появления Брумеля. Они не знали еще его фамилии. Но к моменту первых рекордов феноменального спортсмена в нашей стране пятнадцать прыгунов брали мастерскую высоту 2 метра. И при этом было триста прыгунов-перворазрядников. Значит, должен был появиться гениальный прыгун. И Брумель появился.

Плохо или хорошо планировать рекорды?

На мой взгляд, это не всегда хорошо. Я хочу рассказать о двух эпизодах из борьбы тяжелоатлетов. У тяжелоатлетов было два недостижимых рубежа перед спартакиадой. 500 килограммов в полутяжелом весе и 600 — в тяжелом. Один из них был преодолен на спартакиаде. Оба рекорда были «запланированы». Но по-разному.

502,5 кг поднял на спартакиаде эстонский полутяжеловес Ян Тальтс. В детстве он был самым слабым в семье силачей Тальтсов. Играючи гирями, три брата Яна посмеивались над ним. Но и «слабый» Ян не унывал. И вот феноменальный рекорд. А вот что-то имен его братьев мы не знаем. Только фамилию. Повинны в этом упорство и внутренняя сила рекордсмена, которые продемонстрировал Тальтс на спартакиаде. Уже победив в своем весе (он набрал в трех упражнениях 497,5 кг), Тальтс подвернул стопу. Врач не советовал спортсмену продолжать выступление — золотая медаль обеспечена. Но Ян планировал рекорд, давно готовился к не-





«Душой исполненный полет» — на помосте Кучинская
Н. Албарян завоевал золотую медаль поистине в борьбе

Фото В. Ун Да-сина

му, правда, никому не говоря об этом, планировал в душе. «Я — человек дисциплины, — сказал он после соревнований, — наметил, значит, должен быть рекорд». И вот заветные ПОЛТОННЫ подняты!

На следующий день выступал наш знаменитый Жаботинский. Накануне все узнали: сегодня Жаботинский будет ставить рекорд. Пообещал — 600.

И вот я мчусь на соревнования самых сильных людей страны. По дороге вспоминаю историю заочной дуэли двух гигантов — Юрия Власова и Леонида Жаботинского. Около трех лет назад, перед самой Токийской олимпиадой Власов установил абсолютный мировой рекорд в троеборье — 580 кг. Власов и Жаботинский почти никогда не выступают на одних соревнованиях. Наверное, оттого, что это бы удесятеряло и так слишком большое нервное напряжение. Но вот на олимпиаде атлеты выступали вместе. И тут победил Жаботинский. Я был очень рад, когда нынешней весной после длительнейшего перерыва Власов снова вышел на помост и дуэль продолжалась.

Я верил, что Власов первый перешагнет заветный рубеж, а еду смотреть, как это сделает Жаботинский.

И вот в отдельных движениях Жаботинский устанавливает два мировых рекорда. Но обещанные 600 килограммов Леонид тогда так и не одолел. Я лично не очень огорчился. Первенство советских силачей в мире все равно не может быть нарушено. Но уж если планировать рекорды, то, как и в хозяйстве, на несколько лет вперед, а не за день, за два.

Памятник на двоих

В спорте вообще много замечательных результатов было достигнуто в дружеском соперничестве двух выдающихся спортсменов. В Канаде поставлен памятник спортстмену, впервые пробежавшему милю быстрее четырех минут. Это самая популярная дистанция в стране. Но на пьедестале установлена не одна, а две фигуры — победителя и спортсмена, бежавшего всю дистанцию рядом с ним, без которого не было бы и самого рекорда. Это очень правильно. Благодаря соперничеству со стайером Микитенко, Хлыстов с очень высокими результатами завоевал две золотые медали на стайерских дистанциях. А еще через месяц бегун Макаров в забеге с Микитенко побьет знаменитый рекорд Куца на дистанции 5 километров. Рекорд Союза в прыжках с шестом принадлежит Г. Близнецову, а в соперничестве с ним Игорь Фельд завоевал золотую медаль спартакиады. Копьемета-

тели латыш Ян Лусис и эстонец Март Паама, толкательницы ядра, подруги Н. Чижова и олимпийская чемпионка Г. Зыбина, гимнасты В. Лисицкий и М. Воронин — эти пары принесли немало лавровых венков советскому спорту.

Еще один герой

Вы видели, наверное, на экране телевизора показательные выступления парашютистов — красочное зрелище! Но этого трагического эпизода вы не видели.

Прямо в центр футбольного поля приземлялись лучшие парашютисты Союза. Они задолго до спартакиады отрабатывали поразительные по точности приземления прыжки. Вот один за одним, раскрыв разноцветные парашюты, они приземляются на стадионе. Летит последний. В это время резкий порыв ветра. Весь стадион, замерев, смотрит на отчаянные попытки парашютиста справиться со стропами парашюта. Стремительно парашют падает на северную трибуну. Люди могут пострадать — и тогда парашютист резким движением направляет парашют за чашу павильона. Там — асфальт...

Героя увезла скорая помощь. Почему я решил написать об этом трагическом эпизоде на празднике? Потому что в основе его — мужество и благородство, свойственные каждому настоящему спортсмену.

По поручению читателей „Костра"...

...я задал вопрос гостю спартакиады председателю международного Олимпийского комитета Эвери Брендеджу: «Скажите, пожалуйста, когда же будут проводиться Международные юношеские Олимпиады?» Брендедж ответил: «По всей видимости, не скоро, ведь такого развитого юношеского спорта, как в вашей стране, нет ни в одной стране мира».

Ну что ж, мы подождем. А пока давайте, друзья, предложим нашему Центральному Совету Спортивных обществ и организаций СССР — пусть на наши всесоюзные школьные спартакиады приезжают юноши и девушки из всех стран мира. Тогда их смело можно будет назвать Мировой Школьной Олимпиадой. Как вы думаете?

Л. Виноградов

ВДОГОНКУ ВЫШЕДШЕМУ НОМЕРУ

В «Костре» № 11 напечатан очерк Б. Никольского «Как село получило имя». В нем рассказывается о пионерской почте и о том, как далекому целинному селу присвоили имя Гайдара.

А на днях пионеры села Гайдар поделились с редакцией своей радостью: пионерская почта получила собственный почтовый штемпель! Вот он на конверте, видите: «ГАЙДАР. ПИОНЕР. ПОЧТА.».

Уголок бесёлого архивариуса

ОБРАТИТЕСЬ К ШМИДТУ

Немецкий государственный деятель прошлого века канцлер Бисмарк прославился не только жесткой и воинственной политикой, но и грубостью в отношениях с подчиненными. А власть, которой располагал Бисмарк в Германии к концу своей жизни, была столь велика, что его подчиненными были по сути дела все немцы.

Как-то канцлер занемог и вынужден был обратиться к услугам уважаемого всеми доктора Вассермана.

Оказавшись у постели больного, доктор стал задавать обычные в таких случаях вопросы. Бисмарк отвечал коротко, односложно и, в конце концов, по привычке сказал:

— Потрудитесь поменьше спрашивать, не люблю болтовни!

Врач молча встал и начал собирать инструменты.

— Что это значит? — крикнул Бисмарк.

— Это значит, что вам следовало послать не за мной, а за коллегой Шмидтом, — ответил Вассерман, — он не задает вопросов пациентам, он лечит животных.

В АНГЛИЙСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ

Известный государственный деятель Великобритании сэр Уинстон Черчилль славился своим красноречием. А уж в парламентских распрях он никому не давал спуску.

Однажды с трибуны парламента на Черчилля очень напала представительница враждебной лейбористской партии леди Асквит. «Если бы я была вашей женой, — выкрикнула в конце своей речи разъярившаяся политиканша, — я бы насыпала яду вам в чай!»

— Миледи, — мгновенно отозвался со своей скамьи сэр Уинстон, — если бы я был вашим мужем, я бы этот чай выпил не задумываясь!

ВНИМАНИЕ! **ВНИМАНИЕ!**

Распоряжение по АРЧЕБЕКУ

(См. „Костер“ №№ 10 и 11).

1. Командовать маршем АРЧЕБЕКА буду я. Пойдем с музыкой!

2. Выступаем — 1 января 1968 года.

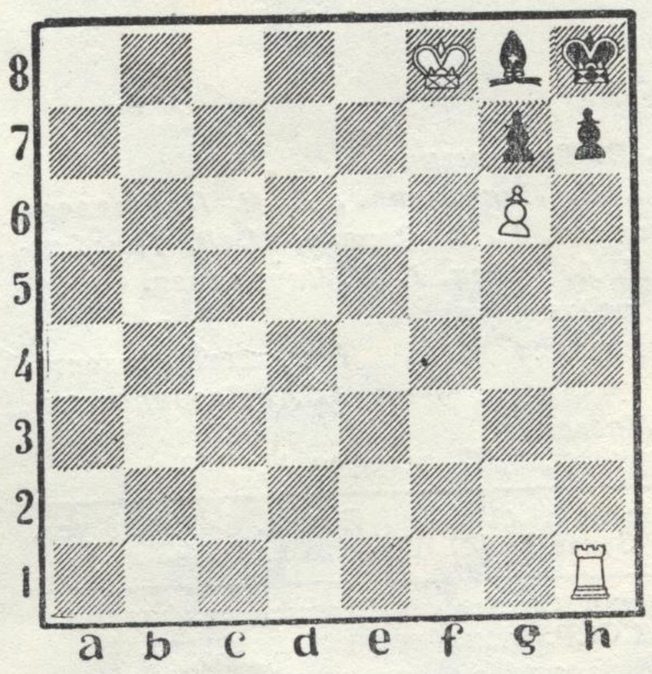
3. Все шахматисты и шашисты, просившие о приеме в АРЧЕБЕК, приняты и посвящены в рыцари, а неумеющие играть — в рыцарята.

4. Испытательное задание:

а) рыцарям-шахматистам найти, как белые дают на диаграмме мат в 2 хода. *(См. диаграмму).*

б) рыцарям-шашистам найти комбинацию за белых в положении — белые: a1, a3, b2, f4, g1, g3, h2; черные: a5, d4, d6, e5, f6, f8, g7.

в) рыцарятам узнать у старших или играющих товарищей названия и ходы фигур, что такое шах, мат, пат.



5. Каждого, кто решит задание, к маршу допущу; кто не решит — тоже допущу, так как он непременно решит следующее, или в крайнем случае — третье, или уж в самом крайнем — какое-нибудь другое, потому что не решить ни одной задачи не ухитрится никто!

6. Приму в отряды АРЧЕБЕКА еще 116 доблестных рыцарей и 65 отважных рыцарят. Спешите записаться! Имя? Фамилия? Класс? Адрес? На конверте помечайте: АРЧЕБЕК.

Шахмат-адмирал Ферзьбери.

Сообщения ТАШШ

(телеграфное агентство шахматистов и шашистов)

В СВЯЗИ С УСПЕШНЫМ ПРИЗЕМЛЕНИЕМ РАКЕТ, участвовавших в операции «64», получены поздравления от чемпионов мира Петросяна и Купермана, гроссмейстеров Таля и Корчного, а также от ничеян, уртонцев, принца Рока и принцессы Ровки, Трумбона Пятого и других.

СКОНСТРУИРОВАНА ЭЛЕКТРОННАЯ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ МАШИНА для подсчета очков у ракетчиков по операции «64». Списки победителей и получивших спортивные разряды читайте в ближайших номерах «Костра».

Бюро самопроверки

Задачи из «Костра» № 10 решаются так.

Ферзьбери заставил Трумбона Пятого дать мат в три хода: 1. g8—С! Сс3 (Трумбон не хочет давать мат!) 2. b8—Л! Сb2 3. Сс3, и Трумбон вынужден пойти 3... С : с3Х. Подобные задачи называются задачами на обратный мат.

Задача Жени Ваулина. 1. Cd1! b5 2. Крс2!

Мат в 6 ходов. 1. Cb1! b2 2. Ла2 b3 3. Ла3 b4 4. Ла4 b5 5. Ла5.

Для юнг. 1. Крс6, и на любой ответ черных последует мат.

Комбинация Володи Кричевского. 1. e1—d2! c3 : e1 2. c1—b2! a3 : c1 3. e5—d6 c5 : e7 4. g1—f2X.

Шахмат-капитан Пешкоедов сообщает:

На 1 сентября с 90 очками лидируют: Володя Забран, Оля Кошкер, Саша Полек, Саша Шабрин, Валерий Желанов, Андрей Носовский, Саша Дворяшин, Женя Ваулин, Толя Андреев, Саша Давыденко, Володя Грищенко, Вадим Данилов, Фима Короткин, Сережа Евдокимов, Юра Юдковский, Миша Бенькович.

Шашечные ракетчики, лидирующие после августовского номера с 50-ю очками:

Володя Кричевский, Леня Сойфер, Юра Юдковский, Володя Гульдас, Люда Ефимова, Алим Койшин, Толя Андреев.

Все задачи из «Костра» № 7 правильно решили 74 человека.

Призы получают (по жребию):

Эдуард Аардма, Жен Рытвин, Алексей Ульдин, Вячеслав Кочубей.

Все задачи из «Костра» № 8 правильно решили 39 человек.

Призы получают (по жребию):

Олег Мунасыпов, Ефим Короткин, Галя и Коля Абдуловы, Салих Галимов.

Все шашечные задачи из «Костра» № 7 правильно решили 26 человек.

Призы получают (по жребию):

Игорь Ершов, Володя Кодинцев.

Все шашечные задачи из «Костра» № 8 правильно решили 25 человек.

Призы получают (по жребию):

Юра Степанов, Наташа Лисковых и Инна Нагорская.

Юнги, правильно решившие задачу:

Женя Юдковский, Вадим Ахмадеев, Саша Клишо, Галя Абдулова, Саша Ромм.

Приз получает Вадим Ахмадеев.

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, Т. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Теребинская (ответственный секретарь), Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор *Ю. П. Мезерницкий*

Рукописи не возвращаются

Технический редактор *А. А. Двораковская*

Корректор *В. А. Маевская*

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А4-57-76

М-60956. Подписано к печати 16/XI 1967 г. Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 8+1. 6,36 усл., 8,8 уч.-изд. л. Тираж 330 000 экз. Заказ № 889. Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29.

Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

ТАИНСТВЕННАЯ КАРТА

Рисунок К. Савкевич

Посмотрите внимательно. Там, где на картах полагается быть меридианам, у нас параллели. И наоборот. Почему? Потому что наша карта ТАИНСТВЕННАЯ. Она содержит по крайней мере семь тайн, которые хорошо бы разгадать.

ТАЙНА ПЕРВАЯ. Она касается легендарного государства. Где оно было и было ли, никто не знает, — говорят, где-то за Геркулесовыми столбами. Ученые не могут до сих пор его отыскать, — а писатели, особенно фантасты, не раз уже его «находили» и рассказывали о его истории, и гибели, и о том, куда делся населявший его сильный красивый народ. **Какое произведение какого писателя прочел художник, прежде чем нарисовать картинку на карте!**

ТАЙНА ВТОРАЯ. Легко раскрываемая. «Корабельщики в ответ: «Мы объехали весь свет, за морем житье не худо, в свете ж вот какое чудо» — это чудо и нарисовал художник. **Какое!**

ТАЙНА ТРЕТЬЯ. Тайна царства храбрых женщин. О нем повествовали мифы. Его искали в разных частях света. И однажды путешественникам показалось: ура, нашли! **Где это случилось! Художник позаботился о вас, в его рисунке есть подсказка.**

ТАЙНА ЧЕТВЕРТАЯ. Ужасная, как предсмертный хрип капитана Флинта. Прекрасная, как все, о чем рассказывал писатель Стивенсон. **А какой остров, реально существующий, имел в виду писатель, описывая свой «Остров сокровищ»!**

ТАЙНА ПЯТАЯ. Сказочный остров, где нет ни бедности, ни угнетения, где все работают, где все принадлежит всем, — **кто и когда его придумал! Какое у острова название и что оно значит в переводе с греческого!**

ТАЙНА ШЕСТАЯ. Эль-до-ра-до. **Что такое «Эльдорадо»! Кто расскажет о нем подробнее!**

И, наконец, **ТАЙНА СЕДЬМАЯ:** «Ура! Ура — закричали»... — **кто закричал! Что за странный народец жил-поживал на острове, имевшем форму коренного зуба! Кто его поселил туда!**

Ждем комментариев к нашей таинственной карте.

Пора подводить итоги и определять победителей конкурса **«СТОЛ ЗАГАДОК-67»!**

СТОЛ ЗАГАДОК-67

Амазонка

Тропик Козерога

Тропик Рака

Экватор

С.

З

В

Ю

Мыс Рич-Рач

Сальвония

25 к